

Встречи с душой: активное воображение, разработанное К.Г. Юнгом

Комментарий к Взгляду вовнутрь от Марии-Луизы фон Франц

Если мы смотрим вовнутрь, то «другое» тоже смотрит на нас, но смотрит странным взглядом издалека. Бессознательное начинает раскрывать свою секретную игру фантазии: образы соблазнительной красоты и самые жестокие бездны природы. Они представлены выше в виде прозрачной змеи, символа духовной силы.

Питера Биркхойзера часто преследовала во снах странная «старуха», непознаваемый, ужасающий враг. Это есть темная сторона естества, бездеятельность и смерть, с которой творческий художник вынужден бороться за свободу вновь и вновь. Сознательное личности, воспринимающее видение бесцветным, потеряло жизнь, и вся игра цветов ушла в реальность бессознательного, лягушка поднимается снизу вверх – древний символ воскрешения.

Введение

Когда К. Г. Юнг отправился на поиски собственного пути после разрыва с Фрейдом, он отважился на поход в царство коллективного бессознательного, без проводника и в полном одиночестве. В этой уникальной конфронтации методом проб и ошибок он обнаружил новый путь соглашения с содержанием бессознательного внутри единичной (унитарной) реальности креативной фантазии. Юнг позже назвал этот метод «активным воображением», и настоятельно рекомендовал его многим своим пациентам. Он описывал активное воображение как единственный путь навстречу прямому столкновению с реальностью бессознательного без посредствующего использования тестов интерпретации снов. Хотя он обсуждал описание активного воображения на семинарах, он его не публиковал, вероятно, из-за

того, что осознавал, насколько далеки эти материалы от общих здоровых взглядов его времени.

С тех пор последовали значительные перемены. Как в Европе, так и в Соединённых Штатах, стали появляться бесчисленные техники в открывании воображения из бессознательного в пробужденном состоянии сознания. Все они, однако, являлись формами пассивного воображения, которые, несмотря на это, производили поразительный эффект. Сегодня практически невозможно найти психиатрическую больницу, где бы не использовались рисование, моделирование, танцы, музыка и письмо в качестве помощи пациентам в выражении своих проблем. В конце своей жизни, Юнг отмечал, что пассивное воображение, в отличие от активного, обществом более или менее понято. Вкратце, не хватает как раз активной, этической конфронтации, активнодействия всей личности в воображении. Но согласно моему опыту, людям очень сложно понять путь с *практической* точки зрения. Поэтому книга Барбары Ханна является уникальной помощью в понимании этого благодаря хорошо подобранным примерам. *Ее комментарии «шаг-за-шагом» на каждом этапе внутри историй и диалоге были удивительно наиболее полезными для меня.* Образы бессознательного сильны и слабы, доброжелательны и коварны, и здесь необходимы внимательные ум и сердце, чтобы избежать массы вероятных ловушек, в которую можно необратимо попасть, пытаясь с ними справиться.

В каком-то смысле, следует быть потенциально «целым» уже для того, чтобы действовать; если человек таковым не является, то он научится, как ему таким стать – через болезненный опыт. Поэтому активное воображение является *самым* мощным инструментом в Юнгианской психологии для достижения целостности – гораздо более эффективное, нежели только интерпретация снов. Книга Барбары Ханна – первая и единственная из тех, что я знаю, которая способна привести к пониманию через иллюстрирование, детальные разнообразные примеры, шаги, взлеты и падения этого метода встречи с бессознательным.

В противоположность многочисленным существующим техникам пассивного воображения, активное воображение совершается в одиночестве, для чего большинству людей придется преодолеть серьезное сопротивление. Это – разновидность игры, но при этом

чертовски серьезной игры. Возможно, поэтому это сопротивление, которое люди ей оказывают, иногда оправдано, и бессмысленно кого-либо к этому подталкивать. Очень часто ситуация полного отчаяния (в которой оказался Уставший От Жизни Человек) нуждается в том, чтобы сначала была открыта дверь. Но я считаю, что ни один человек, который однажды открыл для себя активное воображение, когда-либо захочет упустить его, поскольку оно способно буквально достичь чудес внутренней трансформации.

Барбара Ханна не только дает комментарии к нескольким современным примерам активного воображения, но также и к двум наиболее выдающимся историческим примерам. Нам также известно, что многие алхимики использовали *imaginatio vera et nonphantastica* (истинное, а не фантастическое воображение (лат.)) в своих работах, которое было одной из форм активного воображения. Это приносит нам удовлетворение в понимании того, что мы имеем дело не со странной инновацией, а с человеческим опытом, который уже был пережит кем-то ранее. На самом деле, оно является новой формой одного из старейших видов *religio* (духовной практики (лат.)) в смысле «внимательных раздумий о сверхъестественных силах».

Мария-Луиза фон Франц

ГЛАВА 1. Встреча с Бессознательным

Первый момент, который необходимо затронуть для каждого читателя, не знакомого с психологией К. Г. Юнга, заключается в том, что то, что мы знаем о нас, это *не* всё то, что мы есть. Если мы наблюдаем себя сами и то, что с нами происходит хоть сколько-нибудь внимательно, наша жизнь ежедневно чему-то учит нас. С одной стороны, почему же мы просто упускаем поезд, в посадке на который мы так сильно заинтересованы? Почему мы теряем или ломаем то, к чему столь по-особенному привязаны? Почему мы, в конце концов, постоянно сожалеем о своих словах и делах? Почему мы просыпаемся с депрессией без особых на то причин? И, с другой стороны, почему мы иногда сами себя поражаем поступками или словами, которые оказываются гораздо лучше, чем мы сами от себя ожидали, или просыпаемся радостные, сами не понимая, почему?

Как только мы осознали существование этой неизвестной стороны своего личного опыта о нас, это знание редко убеждает, если это вообще возможно; это скорее происходит от предельной важности узнать о чем-либо неизвестном в себе. Именно в то время, когда сам Юнг был погружен в эту задачу – труд, достойный подвигов Геракла – он открыл технику, которую назвал «активное воображение», которая и является темой этой книги.

Я говорю весьма осторожно: «открыл», а не «разработал», так как активное воображение – это форма медитации, которую человек использовал по крайней мере в доисторические времена, если не раньше, как способ познать своего Бога или богов. Иными словами, это метод исследования неизвестного, мыслим ли мы неизвестное как бога извне – как неизмеримую бесконечность – знаем ли, что мы можем встретиться с ним, представив непознанных себя к исключительно *внутреннему* опыту. Как сказал Христос, «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17:20-21), а не где-то снаружи за облаками.

Люди с Востока осознают эту истину намного лучше нас. Они говорят овселенском и личном всеобщем «я» (мировой душе) как об одном и том же, и о Пुरुше говорят как о «мужичке с ноготок»,

который живет в сердце каждого человека, и в то же время покрывает всю вселенную и есть «меньше маленького и больше великого». В том же смысле, «микрокосм» и «макркосм» были терминами, в общем понимаемые западным миром в древние времена.

На самом деле, сны являются посыльными от бессознательного в полном смысле этого слова. Но сны используют язык символов, который часто весьма непросто понять. Это можно заметить в наших собственных снах, которые постоянно говорят нам то, что мы *не* знаем, и то, что мы ожидаем меньше всего. После разрыва с Фрейдом, когда Юнг разбирался с бессознательным наедине, ему снилось много снов. В то время большинство из них было недоступно его пониманию; лишь спустя годы их значение открылось ему.

Ранее, когда Юнг все еще экспериментировал с фрейдовской техникой интерпретации снов, с ее простыми объяснениями, что каждый сон есть исполнение желания, в котором цензор, защищая его, делает сон неосознаваемым. Он, подобно всем психологам того времени, считал, что после завершения анализа пациент должен сохранять адекватный контакт с бессознательным «осознавая свои сны». Только когда Юнгу приснилось множество снов, которые он не мог понять, он осознал, насколько на самом деле неадекватен был этот метод, и поэтому он обязан был продолжать поиск. Про то время он говорит, что единственным, чем он мог помочь, были «сомнительной ценности теоретические предрассудки. Эта идея, что я посвящаю себя этому опасному пути не только для себя одного, но и для блага моих пациентов, помогала мне в нескольких критических периодах жизни». (Карл Густав Юнг, Воспоминания, Сновидения, Размышления, 1973, ст. 179)*

Для неподготовленного читателя возможно не просто понять, почему встреча с неизвестным в себе может оказаться «опасными экспериментами». Только личный опыт способен научить человека, насколько ужасающая это затея – отвернуться от знакомых дел нашего сознательного мира и предстать перед полной неизвестностью внутреннего, бессознательного мира. Когда Юнг впервые попытался это сделать, он был в ужасе до такой степени, что видения, которые предстали ему, были очень

похожи на фантазии, которые на его глазах одолевали многих его пациентов в психиатрической клинике Бургхолцли. Поначалу, он боялся, что они одолеют и его, и несколько последующих месяцев он прожил в страхе от тени безумия, нависшей над ним. Это было вызвано видением огромных земель Европы, покрытых морем крови. Лишь в августе 1914 года, когда разворачивалась волна (которая охватила все страны, которые, как он наблюдал, погружались в кровь) он осознал, что видения из 1913 года были предвидением Первой мировой войны и не относились к его собственной психологии.

Освободившись, таким образом, от ужасного кошмара вероятного безумия, он смог тихо и объективно вернуться к содержимому своих видений. Тогда он открыл эмпирическое существование не только личного бессознательного, о котором в полной мере было известно и Фрейдю, и Адлеру, но и коллективного бессознательного позади него, со всеми его архетипами и бесконечными возможностями. Этот внутренний мир был так же реален, как и внешний, с которым мы все знакомы. На самом деле, он даже *более* реален, поскольку он бесконечен и вечен и не изменяется, не прогнивает, в отличие от внешнего мира. Для тех, кто помнит мир до 1914 года, современный мир изменился настолько, что он кажется миром совершенно другим.

Юнг однажды сказал мне, что бессознательное само по себе не опасно. Единственная реальная опасность, по его словам, была такова, и притом, весьма серьезна: *паника!* Боязнь, которая захватывает человека, когда перед ним оказывается что-либо абсолютно неожиданное, или когда он начинает бояться потерять трезвость рассудка в мире сознательном, может расстроить его настолько, что действительно неудивительно, насколько мало людей решается встать на этот путь. В самом деле, необходимо обладать весьма надежными корнями и быть достаточно устойчивым во внешнем мире, чтобы пойти на такой шаг. Мы не должны забывать о том, что Юнг, когда он пошел на «знакомство с бессознательным», был женатым человеком, у которого было несколько детей, собственный домом и сад у озера, а также необыкновенная успешность в своей профессии. В своем труде «Воспоминания, сновидения, размышления» он указывает, что Ницше решился на тот же путь, когда он писал *«Так говорил*

Заратустра», и его сдуло как лист, поскольку у него не было ни корней, ни обязанностей во внешнем мире.

Страх, который заставляет нас бояться этого пути в неизвестное и который на самом деле превращает его в «опасный», - это боязнь быть затянутым содержимым бессознательного. Само по себе оно не более опасно, чем содержимое внешнего мира, но мы теряем ориентацию в сложной ситуации во внешнем мире, с которой мы бы легко смогли справиться, если бы страх не охватил нас. Поэтому в столкновении с бессознательным мы так же можем поступить с еще более опасными последствиями, ведь они неизвестны. Если его использовать верно, то метод активного воображения может оказать огромную помощь в сохранении баланса и исследования неизвестного; но если человек склонен его интерпретировать неверно и погрузиться в него с головой, чем видеть в нем часть научного *непростого труда*, он может выпустить силы бессознательного, которые могут нас захватить и даже погрузить нас в психически неуравновешенное состояние.

В самую первую очередь, нам следует осознать, что активное воображение есть *непростой труд* – вероятно, один из самых утомительных видов работы, с которым мы когда-либо имели дело. Мы берем его на себя с тем, чтобы войти в контакт со всем неизвестным в нашей же собственной душе. Известно нам это или нет, но весь мир нашего ума зависит от этих отношений; в противном случае, мы навсегда останемся дома, разделенным сам внутри себя, расстроеным без всякой видимой на то причины, и очень неуверенным в себе из-за того, что что-то неизвестное все время выступает против нас. Как пишет Юнг в Психологии и Алхимии: «Мы знаем, что маска бессознательного не является жесткой-она отражает лицо, которое мы поворачиваем к нему. Враждебность сообщает ему устрашающие аспекты, дружелюбие смягчает его».

Поэтому предельно важно относиться дружелюбно к идее, в которой есть огромная часть личного, но при этом превосходящая часть безличного, о котором мы не знаем и которое постоянно оказывает на нас определенное влияние. Когда мы осознаем – как правило, из личного опыта – что это есть данность, который мы не в силах изменить, на самом деле нет поводов относиться к ней недружелюбно. Если судьба обрекает нас жить с товарищем

или товарищами, которых мы сами бы себе не выбрали, очевидно, что жизнь пойдет гораздо более гладко, если мы повернемся к ней с дружелюбным, нежели враждебным, лицом.

Я помню, как одна весьма мудрая женщина рассказывала мне, что во время долгого путешествия по разным странам, которые ей всегда хотелось посетить, ей пришлось делить комнату с женщиной, которая была совершенно не близка ей по духу. Поначалу ей казалось, что это неизбежно испортит ей всю поездку. Потом она осознала, что потратит одни из самых интересных и приятных минут в своей жизни, если она позволит ее непохожести испортить их. Поэтому она решила принять неблагоприятную попутчицу, отстраняя себя от ее негативных эмоций и самой женщины, будучи при этом с ней дружелюбной. Эта техника сработала превосходно, и она получила огромное удовольствие от поездки.

То же самое и с элементами бессознательного, которые нам не нравятся и кажутся нам совершенно не по душе. Мы портим нашу собственную поездку, если позволяем им взять верх. Если мы можем принять их такими, какие они есть и быть дружелюбными по отношению к ним, мы часто осознаем, что они не так уж и плохи, и по крайней мере, не получаем их враждебность взамен.

Первый образ, который мы встречаем при столкновении с бессознательным – это собственная Тень. Так как она или он в большинстве своем состоит из того, что мы сами отвергли в нас же, она/он обычно нам так же не по душе, как попутчица была не по душе той женщине. Если мы враждебны по отношению к бессознательному, оно будет становиться все более и более невыносимым, но если мы дружелюбны – осознавая его право быть таким, какое оно есть – бессознательное изменится до неузнаваемости.

Однажды, когда мне снилась Тень, которая была мне в высшей степени неприятна, но которую, согласно своему раннему опыту, я смогла принять, Юнг сказал мне: «Теперь твое сознание менее ярко, но при этом намного более широко. Ты знаешь, что как безусловно честная женщина, ты также можешь быть бесчестной. С этим можно не соглашаться, но это на самом деле серьезный шаг». Чем дальше мы заходим, тем больше мы осознаем, что

каждое расширение сознания на деле самый серьезный шаг, на который мы способны. Почти все сложности в нашей жизни происходят от узости нашего сознания, из-за чего мы не можем их осознать и встретиться лицом к лицу, и ничего не помогает нам больше в понимании этих сложностей, чем обучение контактировать с ними с помощью активного воображения, что, я надеюсь, продемонстрируют наши дальнейшие примеры.

Как я упоминала раньше, активное воображение – хотя и отличается от своих предшественников тем, что по своей сути более эмпирично и научно – ни в коем случае не является методом новым. Можно даже сказать, что он настолько же стар, как и наиболее ранние попытки человека наладить взаимоотношения с силами более великими и вечными, нежели он сам. Когда человек пытается наладить контакт с такими силами через то, чтобы договориться с ними, он инстинктивно открывает для себя некоторую форму активного воображения. Если вы внимательно почитаете Ветхий Завет с этой точки зрения, вы найдете, что он полон таких попыток. Я напому вам, и это лишь один пример из множества, о том, как Иаков построил всю свою жизнь на том, что он *слышал*, как Господь разговаривает с ним. В случае Иакова, это правда, что воля Господня часто открывается во снах, но не всегда это происходит именно так. Иаков, несомненно, унаследовал от своей матери Ревекки способность слышать, что те силы говорили ему, назовёмли их «Господь» или «бессознательное» в этом конкретном случае - по сути, разницы нет. Ревекка обратилась к Господу, когда близнецы боролись в ее утробе, и она воспользовалась несколько сомнительными методами, как справиться с ее старым мужем и сыновьями, основываясь на Его ответе. Разумеется, методы являлись «несколько сомнительными», если судить их с точки зрения обыденной морали, но если мы примем во внимание, что она была посланником воли Господней, восприятие их ощутимо меняется.

Господь сам говорит нам: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». (Ис. 45:7) Если он создает зло, то он определенно будет желать, чтобы его творения время от времени совершали то, что считается злом, однако это было более наглядно во времена Ревекки, чем это есть

сейчас. Всегда важно «исполнять волю Господню», если говорить на языке Ветхого Завета.

Добро и зло – это пара противоположностей, которые сами по себе приходят на ум только после 2000 лет христианства. И эти противоположности сами по себе вызывают большинство проблем сегодня. Наиболее точно это продемонстрировано во внешнем мире Железным Занавесом, и это шаг, на который мы обязаны пойти из-за обстоятельств согласно христианском учению о постоянном стремлении к добру и подавлению зла. Хотя это подавление было необходимо 2000 лет назад, ужасающее господство зла сегодня показывает нам, что происходит, когда одна из противоположностей подавляется слишком долго.

Я живо вспоминаю о том, как Юнга во время беседы спросили, что он думает насчет вероятности атомной войны, на что он ответил: «Я думаю, это зависит от того, сколько людей могут выдержать напряжение противоположностей в них самих. Если достаточно людей окажутся в состоянии это вынести, то мы сможем избежать наихудшего исхода. Но если не смогут, и начнется атомная война, наша цивилизация пропадет, так же, как и пропадали столь многие раньше, но только в гораздо больших масштабах». Это указывает нам, насколько серьезно Юнг относился к необходимости выдерживать напряжение между противоположностями, и, если это возможно, объединить их в одно. Ведь если мы спроецируем темную противоположность за Железным Занавесом на террористов, например, мы потеряем возможность положить песчинку на светлую сторону мировых весов войны и мира.

Можно сказать, что способ Ревекки справляться с загадкой, которую ей задали те близнецы, бьющиеся в утробе, уже содержит наш основной повод обратиться к активному воображению сегодня. Она была не в состоянии осознать, что с ней происходит, ведь, как часто говорил Юнг, «единственное невыносимое страдание – это страдание, которое мы не можем понять». Поэтому Ревекка спросила себя: «если так будет, то для чего мне это? И пошла спросить Господа». (Бытие 25:22). В принципе, эта процедура ничем не отличалась от того, когда что-то невыносимое происходит с нами, или когда мы уже не в состоянии выдержать

очевидную бессмысленность жизни. Именно тогда мы обращаемся к чему-либо или кому-либо, кому известно больше, чем нам, чтобы понять или узнать, что делать.

В дни древности, во времена жизни Иакова и Ревекки, человек все еще был наивен и достаточно прост, чтобы заключить, что то, что он *знал*, было первоисточником знания – в случае древних евреев, «Господь» - и спросить о том, что хотелось узнать. В то время, он все еще был способен услышать, что его невидимый собеседник мог сказать в ответ. И по сей день остались люди с подобной наивной простотой, но я должна сказать, что они редки, и, увы, близятся к вымиранию. Это характерно для первобытных людей Элгоны в восточной Африке, которые по традиции вверяли свои судьбы снам своих лекарей. Но, как они с грустью сказали Юнгу в 1925: «Нет, с тех пор, как пришли англичане, нам больше не снятся большие сны; как видите, Районный Комиссар знает, что нам делать». В эти дни рациональности, все мы, осознавая это или нет, все больше верим Районному Комиссару, и всему тому, что он отстаивает. Поэтому мы потеряли связь – ведь большая часть полностью забыта – со сверхчеловеческим мудрым руководством, которое существует в бессознательном, которое Юнг называл «абсолютным знанием» в его эссе о синхронистичности (К. Г. Юнг, «Синхронистичность: аказуальный, связующий принцип» Структура и динамика психического, т. 8 Собрания работ, PrincetonUniversityPress, 1968), пар. 948).

Ранее, человечество называло абсолютное знание «Богом», «Господом», «Разумом Будды», и так до бесконечности.

Лоренс ван дер Пост даже приписывает жестокое истребление расы бушменов в первую очередь тому факту, что их «невозможно было укротить». Или, на языке, который Юнг использовал, чтобы описать первобытных людей Элгоны, было невозможно заставить их оставить свои сны и довериться «Районному Комиссару». Однако, все отсылки ван дер Поста к Гансу Таайбошу в его захватывающем произведении, «*Песнь Богомола*», живо демонстрируют, насколько верный выбор сделали бушмены, когда отказались оставить своего бога, Мантис (Богомола), ради «Районного Комиссара».

В самые ранние дни анализа, сразу после расставания Фрейда, Юнг прошел через период, о котором сам говорит в *Воспоминаниях*: «После разрыва с Фрейдом для меня наступил период внутренних колебаний, будто я утратил всякие ориентиры и не мог нащупать почву под ногами». Он чувствовал, что было особенно важно найти свой подход к пациентам, так какому уже не казалось, что методы, которые он использовал во времена тесного общения с Фрейдом, были верны или удовлетворительны. Он сказал: «Я старался не пользоваться какими бы то ни было теоретическими установками, а просто помогал пациентам понять самих себя, объяснить возникающие у них бессознательные образы. Моей целью стало оставлять все на волю случая». Позже он понял, что очень мало, если вообще хоть что-то, происходит «по воле случая»; на самом же деле его вклад в 1911 году заключался в том, чтобы верить себя и пациентов бессознательному. Сделав так, он совершил открытие, что способ интерпретации снов, дающий наибольшие плоды, состоял в том, чтобы брать их собственные факты как основу интерпретации, и что предположение в любом виде искажает и прячет их значения.

Этот метод работал на пациентах поразительно хорошо, но Юнг все еще чувствовал, что не нашел твердую почву под ногами, в которой нуждался, в полной мере, и что ему еще только предстояло осознать свой внутренний миф. Ему пришлось признать, что он больше не жил мифом Христианства, по которому человек запада жил последние 2000 лет, и что, хоть он написал длинную книгу о мифах (К.Г. Юнг, *психология Бессознательного*, пересмотренная как *Символы Трансформации*, т. 5, второе издание, *Собрание Сочинений* (Принстон: Princeton University Press, 1967), он все еще не знал своего.

В то время ему приснилось несколько весьма разъясняющих снов, но он говорит, что сны не помогли ему справиться с «утраченными ориентирами». Так как он не понимал их в течение многих лет, ему пришлось искать глубину дальше. Читатель может сам обнаружить в главе «Встреча с бессознательным» книги «Воспоминания, сновидения, размышления», шаги – темные и опасные, какими они часто и бывают – через которые он обрел свой, в высшей степени эмпирический путь активного воображения. Юнгу понадобилось много лет, и он не был удовлетворен способностью видеть образы бессознательного или

даже активной работы с ними в своем воображении⁰. Облегчение пришло, только когда он совершил наиболее важный шаг из всех: найти их «место и предназначение» в его собственной внешней жизни. Это, как он говорит, наиболее важный шаг во всем активном воображении, которым мы обычно пренебрегаем. О взгляде внутрь мифа нашего бессознательного, он говорит так: «Если человек не рассматривает это знание как этическую заповедь, он впадает в иллюзию собственной власти над бессознательным, что может привести к опасным последствиям, губительным не только для других людей, но и для того, кто считает себя "посвященным"». (К. Г. Юнг, *Воспоминания, сновидения, размышления*)

(Это довольно любопытное слово, «посвященный» (“knower”) – это буквальный перевод более обыденного немецкого слова der Wissende, которое означает «человек, имевший опыт взгляда внутрь бессознательного». Человек, совершивший этот наиболее ценный взгляд, но при этом не смогуший сделать верные выводы насчет его места во внешней жизни, становится жертвой мощного влияния, которое в конце концов ставит под угрозу не только его окружающую среду).

Юнг продолжает: «Образы из бессознательного налагают на человека огромную ответственность. Непонимание этого, равно как и уклонение от морального долга, лишает человека целостности и придает его жизни характер болезненной раздробленности».

Я думаю, уже сказано достаточно, чтобы решительно прояснить, что активное воображение – это не предмет легкомысленного досуга. Это весьма серьезный шаг, на который ни в коем случае нельзя идти с легкой головой. Это правда, что не каждому предначертано судьбой столь же полно встретиться лицом к лицу с бессознательным, как это удалось Юнгу; подобное открытие является призванием, и на него не стоит решаться, разве что только по этой причине. Но – и именно из-за этого я начинаю эту книгу с идеи тех глубин изменения в личности человека, которых он может достичь через активное воображение – никогда нет гарантий по поводу того, куда, раз начав этот путь, он нас в итоге приведет. Помимо всего прочего, на него не стоит идти, не имея крепких отношений с кем-либо, кто понимает, или хотя бы

сочувствует, ведь иногда с его помощью достигаются настолько нечеловеческие глубины, что *человеку абсолютно необходима компания* для того, чтобы избежать участи быть полностью замороженным и потерянным. Хотя и необходимо иметь компанию человека, которому можно доверять, истинное активное воображение – очень индивидуальный и даже одинокий проект. В любом случае, я никогда бы не стала заниматься активным воображением с кем-либо еще в комнате, сколь хорошо я бы этого человека ни знала.

Есть еще одно предупреждение, которое должно прозвучать в самом начале, потому что я встречала несколько случаев, когда, к моему удивлению, это в общении не осознавалось. Заключается оно в следующем: никому не стоит брать образы живых людей в своевоображение. Как только появляется к этому какая-либо склонность, мы должны остановиться и *очень осторожно* спросить себя о наших мотивах, потому что мы можем снова вернуться в старое, сверхъестественноемышление; то есть, пытаться *использовать* бессознательное для *личных* целей, а не в единственно законном смысле: для исследования неизвестного, исследования как можно более научного, с мотивом выяснить свою собственную целостность. Здесь приходит осознание великого фундаментального различия между использованием активного воображения правильно или неправильно. Вопрос состоит в следующем: если быть с собой *откровенным*, мы это делаем с тем, чтобы достичь и раскрыть *свою собственную целостность*, или жескрытноиспользуем его как попытку заставить работать на себя? Последнее из двух может казаться определенно успешным какое-то время, но рано или поздно оно ведет к катастрофе.

Но если мы действительно хотим познать свою собственную целостность, жить индивидуальной судьбой как можно более полно.Если мы на самом деле хотим отбросить иллюзиюпринципиальной выяснить истину своего собственного существа, как бы мало нам нравилось быть такими, какие мы есть, тогда ничто не поможет нам на нашем пути, как только активное воображение. В конце концов, оно может привести к гораздо большей независимости и освободить от зависимости нас от анализа, или любой иной *внешней* помощи, чем что-либо еще, мне

известное – но я говорю «в конце концов», так как из всех известных мне работ эта – самая сложная.

Юнг мне однажды сказал, что в случаях, когда его пациентам следовало заниматься активным воображением, он даже расценивал это как проверку, хотел ли он или она стать более независимым, или пациент хотел остаться зависимым от него на манер паразита. Когда я спросила, могу ли я процитировать эту фразу, он ответил: «Ты не только можешь, но я прошу тебя это сделать при первой же возможности».

Аналитику следует как можно меньше вмешиваться в активное воображение. Когда Юнг только начинал анализировать меня, ему всегда хотелось узнать, занималась ли я активным воображением, но, внимательно выслушав меня, он никогда не анализировал или не комментировал это, разве что ему приходилось указать на мои ошибки. Помимо этого, он всегда спрашивал о снах и анализировал их с величайшей осторожностью. Это делалось для того, чтобы избежать влияния на активное воображение, которому всегда нужно предоставлять свободу развиваться по-своему. Для пациента это зачастую оказывается очень сложно, это правда; к сожалению, все не так просто и прямолинейно, как это было во времена Ревекки. Большинству из нас приходится в течение долгого времени расчищать слои слепого следования за «Районным Комиссаром» и чисто рациональной безопасности, которую он представляет, прежде чем мы можем просто и доверчиво «вопросить Господа», чтобы обрести свой путь к абсолютному знанию в своем собственном бессознательном.

Ученик спросил ученого раввина не так много лет тому назад, почему это раньше Бог говорил напрямую со своим народом столь часто, а теперь не говорит совсем. Раввин, который, несомненно, был весьма мудрым человеком, ответил: «Человек более не способен нагнуться достаточно низко, чтобы услышать слова Бога». И это в точности так и есть. Мы сможем услышать, что говорит Бог или бессознательное, лишь нагнувшись очень низко.

Видя и, в любом случае, принимая в определенной степени свою собственную Тень – это действительно *conditio sine qua non* (обязательное условие (лат.)) испытать бессознательное, ведь если мы все еще кормим самих себя иллюзиями о том, кто и что

мы есть, мы совершенно точно не будем достаточно реальны, чтобы увидеть образы бессознательного или услышать его голос. Природа и бессознательное всегда переходят сразу к делу, что отличается от наших ожиданий. Нам необходим свободный от предрассудков разум, который научился ценить истину превыше всего, чтобы зафиксировать и оценить то, что мы видим и слышим.

Поэтому я редко побуждаю людей, которые со мной работают, к активному воображению на ранних этапах анализа; я скорее стараюсь сфокусировать их внимание на реальности бессознательного, пока я не почувствую, что они действительно знают по личному опыту, что то, с чем они имеют дело, настолько же реально, как и внешний мир. Есть и исключения; некоторые люди, которые одарены от природы способностью к этому, могут найти в активном воображении сильного помощника даже на самых ранних этапах. Такие люди могут его использовать обоснованно с самого начала анализа, но они редки.

Если активное воображение кажется методом, способным принести вам пользу, и вы вполне уверены, что ваши истинные мотивы заключаются в том, чтобы узнать больше о себе и о неизвестной части человека, первое, что нужно осознать – что оно действует согласно принципу китайского заклинателя дождя из Цзяочжоу. Эту историю рассказывают очень часто, но Юнг, давший нам прямой совет, однажды сказал мне: «Никогда не проводите семинар или даже лекцию, не рассказав людям эту историю». Он снова рассказал нам ее в одно из своих самых последних Рождеств незадолго до смерти на обеде Цюрихского Психологического Клуба. В комнате совершенно точно не находилось человека, который бы не знал этой истории наизусть, однако, когда он рассказал ее, атмосфера вечера переменилась. Я осознала тогда, как никогда ранее, почему он настаивал, чтобы я повторяла ее снова и снова.

Часть Китая, где жил Ричард Вильгельм, переживала ужасную засуху. После того, как люди перепробовали все известные им способы вызвать дождь, они решились отправить за шаманом. Это очень заинтересовало Вильгельма, и он решил, что должен присутствовать, когда заклинатель дождя появится. Тот приехал в закрытой повозке. Маленький, умудренный старичок,*

вдыхавший воздух с заметным отвращением, выбравшись из повозки, попросил оставить его одного в маленьком домике около деревни; еду он попросил оставлять у входа снаружи.

Три дня от него не было вестей, но после этого не просто пошел дождь, но еще и начался большой снегопад, не подходящий тому времени года. Пораженный до глубины души, Вильгельм отыскал шамана и спросил его, как ему удалось вызвать дождь и даже снег. Заклинатель ответил: «Я не вызывал снег; я за это не в ответе». Вильгельм настаивал, что до его появления была жуткая засуха, а через три дня после его появления все засыпало снегом. Старик ответил: «О, это я могу объяснить. Видишь ли, я пришел из мест, где люди живут согласно порядку; они живут согласно Дао; поэтому и погода так же в порядке. Но, попав сюда, я увидел, что люди тут не в порядке, и что меня они тоже заразили. Поэтому я остался наедине с собой, и, как только я снова вернулся к Дао, разумеется, пошел снег».

*(Ричард Вильгельм, синолог, писатель и друг К.Г. Юнга)

Величайшая польза от активного воображения – это привести нас, подобно шаману, в гармонию с Дао, так, чтобы вокруг нас происходило правильное вместо неправильного. Хотя, вплетение китайского Дао может придать экзотический привкус тому, что на самом деле является простым каждодневным опытом, мы находим все то же значение в самом что ни на есть разговорном языке: «Не с той ноги сегодня встал» (выбрался из кровати не с той сторон или, как говорят в Швейцарии, «встал с левой ноги»). Это выражение довольно точно описывает психологическое состояние, в котором мы не пребываем в гармонии с нашим бессознательным. Мы все в плохом настроении и настроены спорить, и – подобно тому, как ночь следует за днем – мы оказываем разрушительное влияние на нашу окружающую среду, в полную противоположность влиянию, которое, очевидно, исходило от заклинателя дождя из Цзяочжоу.

Это влияние хорошо заметно по двум противоположным занятиям – молитве и черной магии. Мистики положили всю свою жизнь на достижение союза с Богом, или, как бы мы выразились, на погружение в себя до тех пор, пока Эго не будет заменено

Самостью по большей части. Великое множество историй о влиянии, оказанном на окружающую среду – о котором даже говорят как о чуде, рассказывают снова и снова. Св. Гертруда, Бенедиктинская аббатиса, например, по слухам, была способна влиять на погоду. (Св. Гертруда, Жизнь и откровения Святой Гертруды (Лондон, Burnsand Yates, 1870). Существуют бесчисленные истории о том, как она отводила град силой молитвы, ослабляла суровые морозы или спасала посевы от шторма в последний момент. Интересно, что в записях своих молитв она обращает внимание на то, что она не старается навязать свое Эго Богу, но что ей хотелось бы привлечь Его внимание к происходящему! Иными словами, она пытается достичь полной гармонии между собой и Богом, которая не будет зависеть от того, услышит ли он ее молитвы или нет.

Нас заботит не то, существовало ли действительно подобное влияние, чудесное или естественное, но тот факт, что бесчисленное количество людей в это верили. Это само по себе является психологическим свидетельством, указывающим на укоренившееся глубоко в человеке убеждение, что гармония с Господом или Самостью оказывает влияние на окружающую среду.

То же самое касается широко распространенного убеждения, что ведьмы способны вызывать шторм. Это всегда связывалось с их делами с дьяволом или каким-либо демоном; то есть, с силой с силами хаоса. Предполагается, что они исходили сами из себя, создавали беспорядок, такой, например, как плохое настроение, о котором мы только что говорили, и приносили нам неуютную погоду, в противоположность заклинателю дождя из Цзяочжоу.

Нас не беспокоит фактическая способность влиять на человека, ведь невозможно это ни доказать, ни опровергнуть. Я привожу эти примеры только потому, что они представляют собой наблюдаемые экстремальные случаи, в которые верили во все времена и во всех местах по *consensus gentium* (согласию умов (лат.)), от эманаций, что проистекают из гармонического или хаотического отношения человека со своим собственным бессознательным. Есть свидетельства тому, что *unio mystica* (мистическое единство (лат.)) святых и договор с дьяволом ведьм слишком односторонний: одни верят в абсолютно

праведного Бога и считает зло не более чем *privatio boni* (отсутствие добра (лат.)), а другие надеются, что дьявол, властелин этого мира, из двух более могущественен, и поэтому выбирают его сторону, надеясь получить, так сказать от него больше. Наша задача – договориться с бессознательным, это намного сложнее, чем предыдущие примеры. Нам придется иметь дело с обеими сторонами одновременно, что является характерной чертой нашего времени.

И молитва, и созерцание мистика, и договор колдуньи с дьяволом тесно связаны с активным воображением. Иными словами, оба представляют с собой *активную* попытку наладить контакт с невидимой силой, чтобы исследовать область подсознания. Причина, по которой влияние мистика более предпочтительно, чем влияние ведьмы, может быть объяснена с психологической точки зрения тем фактом, что мистик старается отставить все нужды Эго, тогда как ведьма пытается использовать силы бессознательного во благо своего собственного Эго. Иными словами, мистик пытается пожертвовать односторонним Эго ради блага целого, тогда как ведьма пытается использовать силы, принадлежащие целому, во благо его части – ограниченного сознательного Эго.

Как упоминалось ранее, мы все испытали на опыте то, что наши сознательные намерения постоянно пересекаются неизвестными – или относительно неизвестными – оппонентами в бессознательном. Возможно, наиболее простое определение активного воображения – это то, что дает нам возможность наладить контакт, и, со временем, договориться с этими силами или фигурами в бессознательном. В этом аспекте оно отличается от сна тем, что мы в последнем не контролируем наше поведение. Конечно, в большинстве случаев в практическом анализе, сны необходимы для того, чтобы восстановить баланс между сознательным и бессознательным. Но лишь в некоторых случаях (мы это разберем подробнее дальше) этого недостаточно. Но, прежде чем мы продолжим, я представлю краткое описание самих техник, которые могут быть использованы в активном воображении.

Первое – это находиться в одиночестве, и чтобы вас как можно меньше беспокоили извне. После этого следует сесть и

сконцентрироваться на том, чтобы слушать, что поднимается из бессознательного. Когда это достигнуто, и очень часто это совсем не просто, надо не дать образу утонуть обратно в бессознательное, нарисовав или описав и записав все, что было услышано. Иногда лучше всего удается передать ощущения движением или танцем. Некоторым людям не удается войти в контакт с бессознательным напрямую. Косвенный подход, который открывает бессознательное в особенности хорошо, заключается в том, чтобы писать истории, очевидно, о других людях. Такие истории неизменно открывают части души рассказчика, которые для него совершенно бессознательны. Мы рассмотрим превосходный пример этого подхода в «Случае Сильвии» (Глава 3).

В любом случае, наша цель – войти в контакт с бессознательным, и это включает необходимость дать ему *возможность проявить себя* так или иначе. (Никому, кто убежден, что у бессознательного нет собственной жизни, не стоит даже предпринимать этот метод). Для того, чтобы дать ему такую возможность, всегда необходимо пережить в той или иной степени «перекос сознания» и позволить фантазиям, которые всегда более или менее представлены в бессознательном, прийти к сознательному. (Юнг однажды сказал мне, что он полагал, что сон всегда происходит в бессознательном, но что обычно нужно полное отключение от внешнего мира, чтобы он хоть как-то сохранился в сознании). Как правило, первый шаг в активном воображении – это научиться, так сказать, видеть или слышать сон наяву.

Юнг пишет в комментарии к книге «Тайна Золотого Цветка»:

Каждый раз, когда создается воображаемое, активность сознания должна отключаться.

В большинстве случаев результаты этих усилий не очень вдохновляют на начальных этапах. Обычно они состоят из прозрачных сплетений воображения, которые не дают четкого понимания об их происхождении или цели. Для многих их легче записать; другие их визуализируют, а третьи зарисовывают, с визуализацией или без нее. Если присутствует высокая степень скованности сознания, зачастую выразить

воображение способны лишь руки; они создают или рисуют образы, которые часто чужды сознательному разуму.

Эти упражнения стоит продолжать до тех пор, пока скованность сознания не пройдет. Иными словами, пока человек не научится позволять событиям развиваться, и это является следующей целью упражнения. Благодаря этому формируется новое отношение, и это отношение позволяет принимать иррациональное и необъяснимое лишь только потому, что оно происходит. Это отношение стало бы ядом для человека, уже потрясенного тем, что с ним происходит. Но в этом отношении есть огромная ценность для того, кто из всех происходящих событий выбирает лишь приемлемые с точки зрения сознательного суждения; постепенно его выносит из потока в спокойные воды.

В других местах Юнг упоминает движение и музыку среди способов достижения этого воображения. Он указывает, что с движением – иногда оно может оказать большую помощь с избавлением от скованности сознания – сложность заключается в документировании самих движений. Если нет никакой внешней записи, поразительно, насколько быстро образы, появляющиеся из бессознательного, исчезают из сознательного разума.

Юнг полагает, что нужно повторять движения, пока они не отпечатаются в памяти. И даже тогда, могу сказать из личного опыта, лучше зарисовать форму танца или движения, или записать несколько слов в описании, чтобы предотвратить его исчезновение в течение нескольких дней.

В том же комментарии, Юнг говорит о типах людей следующее:

Один будет принимать главным образом приходящее к нему извне, а другой идущее изнутри. Более того, закон жизни требует, чтобы они брали изнутри и снаружи то, что раньше бы исключали. Это обращение всего существа человека означает расширение, возвышение и обогащение личности, причем прежние ценности, поскольку они не были просто иллюзорными, сохраняются и после обращения. Если же они не сохраняются, то человек впадает в другую крайность, из пригодности попадает в негодность, из адекватности в

неадекватность, из смысла в бессмыслицу и даже из разума в душевную болезнь. Этот путь небезопасен. Все хорошее дорогого стоит, а развитие личности относится к самым великим драгоценностям. Дело в том, чтобы говорить себе "да", т.е. полагать себя самого как наиважнейшую задачу и всегда оставаться при полном сознании того, что делаешь, никогда не спуская глаз с себя со всеми своими сомнительными сторонами вот уж, действительно, задача из задач.

Как правило, нужно очень много времени – обычно, несколько лет – пока две стороны личности, представляемые сознательным и бессознательным, могут быть соединены в Дао. Хотя, как упоминалось раньше, этот термин может звучать непривычно для западного слуха, но на самом деле, Дао – наиболее точное из выражений. Насчет этого Юнг пишет:

Для западного духа характерно, что у него вовсе нет понятия, передающего Дао. Китайский иероглиф "Дао" составлен из знаков "голова" и "идти". Вильгельм переводит Дао как "смысл". [А также как "путь" См. "Тайна Золотого Цветка", р.70.] Другие как "путь", "providence" ["Провидение" (франц.)], а иезуиты – как "бог". И в этом видно какое-то сомнение. "Голова" могла бы указывать на сознание [Ведь голова это также "престол света небес"]., "идти" – на "проделывать путь". Тогда смысл выражения – "идти осознанно" или "осознанный путь".

Существует и другая техника работы с бессознательным путем активного воображения, которая мне всегда оказывала наибольшую помощь: диалог с содержимым бессознательного, которое *видится персонифицированным*. Юнг говорил, что это, как правило, происходит на поздних стадиях активного воображения, и я сама этого не осознавала до тех пор, пока не начала работать с самим Юнгом. В самом деле, это можно прочесть в ранних «двух эссе». Те, кто читал главу «Встречи с бессознательным» в «Воспоминаниях», увидят, что он сам начал так делать довольно рано, хоть и не в самом начале своих экспериментов с этим методом. Те, кто читал «Анну Марджулу», уже знают, что только она стала использовать в ранние годы этот метод. Используя рисование – метод визуальный, противоположный методу аудиальному, временами она комбинировала эти методы вполне успешно.

Разумеется, крайне важно знать, с кем идет разговор, и совершенно точно не стоит воспринимать каждый подряд голос так, как будто через него глаголит сам Святой Дух! С визуализацией это относительно просто, как видно из случая Эдварда (глава 2). Кажется, ему совсем не сложно понять, кто с ним говорит, ведь он всегда видит, и обычно описывает фигуру перед тем, как говорить с образом, за исключением голоса, которому он дал имя «Дьявол». Но даже когда никакой визуализации нет, возможно научиться распознавать голоса, и в особенности то, как кто-либо говорит, настолько, что не ошибешься. Зачастую и у Анны Марджулы не было визуализации, и при этом она точно знала, кто говорит. Более того, эти образы весьма противоречивы: у них есть позитивные и негативные стороны, и часто одна перебивает другую. В таком случае лучше всего судить по тому, что говорят. И всегда нужно помнить о том, что не стоит стремиться только к позитивному и избегать негативного. Касательно этого в своих «Поздних Мыслях» Юнг говорит:

Критерием морального действия не может более служить тот факт, что мы понимаем добро как некий категорический императив, а зло как то, чего в любом случае можно избежать. Понимание реальности зла вынуждает нас признать, что добро есть всего лишь противоположный полюс зла, и, стало быть, это относительно, что и добро, и зло - всего лишь части некоего парадоксального целого. По сути это означает, что добро и зло утрачивают свой абсолютный характер, то есть - и то, и другое всего лишь суждения.

Все человеческие суждения несовершенны, что заставляет нас всякий раз сомневаться в правильности наших суждений. Ошибаться может каждый, и это в итоге превращается в проблему этическую, в той степени, в какой мы не уверены в своих моральных оценках. Но этический выбор остается всегда, относительность "добра" и "зла" не означает, что эти категории обесценились и перестали существовать. Этические суждения наличествуют всегда и приводят к специфическим психологическим последствиям.

В активном воображении в особенности важно помнить эти факты, хоть они и усложняют все. Однако, мне бы хотелось заметить, и в особенности для интровертов, активное воображение – это прекрасная возможность осознать эти истины, которые могут помочь, когда нам приходится иметь с ними дело во внешнем мире, так как мы постоянно находимся в настоящем.

Есть одно очень важное правило, о котором нужно помнить при всех техниках активного воображения. В местах, где мы входим в него сами, мы должны целиком и полностью концентрировать наше сознательное внимание на том, что мы говорим или делаем, настолько же – или даже больше, чем когда мы имеем дело с серьезной ситуацией во внешнем мире. Это не даст образу остаться пассивным. Но когда мы сделали или сказали все, что хотели, мы должны быть в состоянии открыть в нашем разуме чистый лист, чтобы мы услышали или увидели то, что наше бессознательное хочет сказать или сделать.

Юнг цитирует абзац в «Психологии Переноса», который описывает этот чистый лист очень хорошо. Описание находится в письме английского алхимика Джона Пордеджа его *soror mystica* (мистической сестре (лат.)), Джейн Лид. Он пишет:

Следовательно, если человеческая воля брошена и оставлена, и стала терпеливой и спокойной, как бы мертвой, - Тинктура [нам следует говорить «Самость»] все осуществит в нас и для нас, если только мы сможем удержать в покое наши мысли, движения, чувства и воображение или сможем остановиться и успокоиться. Однако каким трудным, тягостным и горьким кажется это делание человеческой воле, прежде чем она не будет приведена к такой форме, чтобы оставаться спокойной, пусть даже у нее на виду бушует огонь и ее осаждают всевозможные искушения!

Здесь Пордедж находится в полном согласии с работами Майстера Экхарта, который также винит человека в неспособности осознать волю Господню. Если мы внимательно исследуем себя, то увидим, что желание сделать по-своему действительно является причиной того, что мы не видим и не слышим, что нам хочет открыть бессознательное. Достичь состояния, которое описывает Пордедж – это действительно работа всей жизни. На

моем опыте это удалось лишь одному человеку: самому Юнгу. И даже он его достиг лишь во время затяжной болезни на семидесятом году в 1944 г. Об этом он говорит:

Но после болезни я приобрел и новое качество. Его я назвал бы утвердительным отношением к бытию, безусловным "да" по отношению ко всему, что есть, без каких бы то ни было субъективных протестов. Условия существования я принимал такими, какими видел и понимал их, себя самого я тоже принимал таким, каким мне суждено быть.

Достичь этого состояния на достаточное время, чтобы услышать или увидеть точку зрения бессознательного, к счастью, намного проще, и, более того, необходимо в рамках каждой техники активного воображения.

Техника для обоих методов – визуального и аудиального – состоит в первую очередь в способности дать событиям развиваться таким образом, как Юнг описывает в абзацах, цитируемых из *Комментария к «Тайне Золотого Цветка»*. Но нельзя позволять образам сменять друг друга, как в калейдоскопе. Например, если первый образ – это птица, сама по себе она может молниеносно обратиться львом, или кораблем на море, сценой с поля боя, и чем угодно еще. Техника заключается в удержании внимания человека на первом образе и не позволении птице пропасть до тех пор, пока она не объяснит, почему она нам явилась, какое несет послание из бессознательного, или что хочет узнать от нас. Мы уже видим необходимость самим вступить в диалог. Если пропустить этот этап после того, как мы уже научились позволять событиям развиваться, то образ либо изменится так, как это было описано выше, либо – даже если мы постараемся удержать первый образ – он останется пассивным кино, или как будто мы слушаем радио. Само собой, необходимо уметь давать событиям развиваться, но если погрузиться в это слишком глубоко, очень скоро это может стать опасным. Основная цель активного воображения – договориться с бессознательным, и для этого с ним нам нужно объясниться (достичь с ним Auseinandersetzung – это непереводаемое немецкое слово означает действие, в процессе которого мы объясняем, обсуждаем, анализируем с дальнейшим постепенным достижением соглашения), для чего крайне важно иметь собственную четкую точку зрения.

Чтение *Одиссеи* с точки зрения активного воображения окажется огромной помощью в осознании взаимодействия сознательного и бессознательного в нашем собственном активном воображении. Точка зрения бессознательного в *Одиссее* превосходно представлена поведением богов; его позитивный, поддерживающий аспект в особенности хорошо проиллюстрирован образом Афины Паллады, а негативный и разрушительный – Посейдоном. Самый могущественный из всех – Зевс – иногда на одной стороне, в других случаях – на другой.

Точка зрения сознательного в равной степени представлена протагонистом, Одиссеем, а в тех эпизодах, где он отсутствует – его сыном, Телемахом, или же Менелаем. Хотя Менелай появляется лишь в четвертой песни *Одиссеи*, именно он учит нас особенно важному уроку техники активного воображения: важности держаться за один образ. По сути, места мне хватит лишь на этот детальный разбор, хотя было бы возможно, и, более того, захватывающе использовать всю поэму как прототип активного воображения. Конечно, следовало бы взять его, как Анна Марджула всегда берет мифы и сказки, в качестве прототипа в основании поздней индивидуальной техники активного воображения. Оно совсем не подходит под персональные наложения, которые мы в дальнейшем будем использовать в качестве примеров современного активного воображения, в случаях Эдварда и Сильвии, например, но идея сфокусироваться подобным образом на *Одиссее* весьма удачная.

Будучи еще ребенком, Телемах, сын Одиссея и Пенелопы, беспомощно наблюдал за тем, как злосчастные женихи растрачивали его наследство, и даже пессимистично и упрямо считал своего отца, Одиссея, мертвым. На самом же деле, Одиссей был единственным выжившим завоевателем Трои, который смог вернуться домой. Сын, которого он оставил ребенком, успел стать мужчиной еще до того, как что-либо стало известно насчет Одиссея. Девятнадцать лет странствований в конце концов вызвали жалость у всех богов Олимпа, кроме Посейдона, который до самого конца преследовал Одиссея с «неумемной ненавистью».

Но когда Посейдон был занят далекими эфиопами, Зевс решил, что пришло время вмешаться в пользу Одиссея; он был уверен, что Посейдона можно было унять, ведь он не мог в одиночестве противостоять объединенной воле всех остальных богов. Его с энтузиазмом поддержала его дочь, «светлоокая Афина». Гермеса, посыльного, отправили к нимфе Калипсо, которая удерживала Одиссея на далеком острове, чтобы передать ей, что она должна отпустить многострадального гостя, ведь теперь он должен вернуться домой согласно воле богов. Афина взяла на себя задачу «вселить дух веры» в Телемаха, чтобы он в конце концов смог призвать женихов к порядку, и начать поиски сведений об отце, которые так подрывали женихи.

Воодушевленный таким образом, Телемах одолел женихов. Без знаний его матери, но с помощью старой няни, он снарядил корабль, поддерживаемый волей богини и управляемый лояльной и почтительной молодежью Итаки, на поиски отца, или хотя бы известий о том, как он встретил свой конец.

Сначала Телемах отправился во владения Нестора, укротителю коней, но Нестор не смог помочь ему напрямую, так как он одним из первых вернулся домой и не знал ничего о тех, кто остался позади. Нестор послал Телемаха в Спарту, владение Менелая, который, как был уверен Телемах, точно должен был знать больше. Один из сыновей Нестора отвез Телемаха туда на колеснице, запряженной двумя самыми быстрыми из великолепных лошадей Нестора.

В Телемахе, радушно принятом Менелаем и его женой, Еленой Троянской, из-за которых и началась Троянская война, сразу признали сына Одиссея. Менелай, как и Нестор, не располагал конкретной информацией об Одиссее, но все же смог ему помочь. Так, например, Менелай рассказал ему, как вести себя с бессмертными – на нашем языке, представителями бессознательного в архетипичных образах – что может помочь в современном активном воображении.

Менелай рассказал Телемаху, как Эйдотея, его анима, научила его вести себя в ситуации, задерживавшей их на острове Фарос, находящийся близ устья Нила, встречными ветрами. Он достиг точки отчаяния (как иногда приходится делать нам, пока мы не

предстанем перед лицом активного воображения в суровой реальности), ведь он уже использовал все свои припасы. Всем его экипажу, как и самой Елене, предстояло умирать от голода, если ветер не переменится.

Однажды, когда он бродил по берегу в глубоком унынии, к нему приблизилась прекрасная Эйдотея, «дочь могучего Протея, Старца из Моря». Поначалу она жестоко порицала бездействие, которое привело к заточению на острове, где вся его команда с каждым днем все слабела. Менелай уверил ее, что он всем сердцем хочет покинуть остров, но он предполагал, что, должно быть, как-то оскорбил бессмертных, которые не награждают его попутным ветром. Покровительствующая богиня сказала ему, что лишь ее отец, Протей, может сказать им, как им вернуться домой. Менелай должен устроить для него ловушку и заставить его все объяснить. Менелай умолял ее поведать, как ему «поймать бессмертного старца», и она просветила его, что он должен сделать.

На следующий день он встретил ее с тремя лучшими мужами из его команды, как договорились, на рассвете. Они собрались у входа в пещеру, где Протей, по своему обыкновению, отправлялся на полуденный сон, однако лишь после того, как он подсчитает своих тюленей, так же, как пастух считает овец. Богиня покрыла всех четырех мужей шкурами освеженных тюленей, и уложила их в норы, которые подготовила в песке, а ноздри им заткнула «амвросием, пахнувшим сладко», чтобы они могли выдержать вонь «глубинных тварей». Далее они должны были следовать ее наставлениям. Все утро, как она и предсказывала, «Стаями вышли из моря тюлени и друг возле друга все на песке улеглись. В полдень вышел старик из соленого моря; увидел жирных тюленей своих на песке, обошел, сосчитал их; первыми нас между чудищ своих сосчитал он; и мысли не было в духе его о засаде. Улегся и сам он».

Это был подходящий момент. Только он уснул, как мужи накинулись и схватили его. Как Эйдотея и предупреждала Менелая, «уловки старика» не заставили себя ждать. «Он огненнооким сначала представился львом бородатым после того леопардом, драконом и вепрем огромным, деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою». Но они его изо всех сил

удерживали. Затем, как предсказывала богиня, он утомился от своего магического репертуара и принял свою изначальную форму. Заговорив, он задавал вопросы сам и позволил Менелая задавать их.

Он раскрыл Менелая, что тот совершил ошибку, оставив Трои столь быстро. Ему следовало остаться и он «обязательно должен был жертву Зевсу и прочим богам принести, раз хотел поскорее по винно-чермному морю вернуться в родимую землю». Когда Менелай услышал, что «если теперь же назад ты поедешь к теченьям Египта, Зевсом вспоенной реки, и святые свершишь гекатомбы вечно живущим богам, владеющим небом широким; и подадут тебе боги дорогу, какую желаешь», его сердце было разбито, но он знал, что другого выхода не было, пообещал Протею сделать так, как тот ему посоветовал.

Затем он задал вопросы о безопасности его соотечественников, которых он и Нестор оставили в Трое. Предупредив, что Менелай прольет слезы, Протей сообщил ему необходимые известия, из которых я упомяну два примера. Агамемнона, брата Менелая, преданного женой и ее любовником Эгисфом, убили через час или два после того, как он вернулся домой (Клитемнестра приходилась Елене сестрой, два брата женились на двух сестрах). Вторая судьба, о которой я расскажу, особенно важна Телемаху. Его отец Одиссей, к несчастью, был пленником на далеком острове у нимфы Калипсо.

Телемах, оставаясь какое-то время в роскошестве Менелая, был предупрежден Афиной, что ему пора возвращаться домой. Она повела его домой окольным путем, чтобы избежать ловушки, подстроенной злосчастными женихами. Вместо того, чтобы позволить ему вернуться домой, она отвела его в дом верного свинопаса, где он нашел своего отца (который наконец вернулся на Итаку после девятнадцати лет странствий), преображенного в попрошайку.

Я привожу эти материалы из *Одиссеи* в основном для того, чтобы показать важность сохранения первого образа, который появляется в активном воображении, не позволяя ему ускользнуть от нас с помощью быстрой трансформации, как он непременно поступит, если не будет вам подконтролен. Но я использовала

чуть больше *Одиссеи*, чем в другой книге (Б. Ханна: *Юнг: Его жизнь и работа: биографические мемуары*), чтобы привлечь внимание читателя к важности сотрудничества между сознательным и бессознательным. Если бы не помощь того, что мы называем бессознательным, а Гомер изображает в виде бессмертных богов, какой шанс был бы у Телемаха или Менелая добраться домой? Без знания, которым его одарил Протей, смог бы Менелай вернуться в Египет, при том, что он сказал, что его сердце разбито? Однако лишь в Египте он мог найти жертвы достаточные, которые умилюствят богов, чтобы те ему даровали попутные ветры. А Телемаха бы без сомнения заманили в ловушку женихи, если бы не помощь Афины Паллады.

Все это даже яснее в том, что касается самого Одиссея, но знаем достаточно, чтобы замечать, как бессмертные боги ведут нас и сегодня, хотя в современном мире мы называем их иначе. В дальнейшем я постараюсь показать параллели между античной *Одиссеей* и нашими собственными усилиями.

Единственный образ из бессознательного, о котором мы говорили на данной момент – это Тень. В самом деле, этот образ ближе всего к сознанию и единственный, в своем персональном аспекте, может быть достигнут в сознательном состоянии. Тем не менее, сны часто заставляют нас иметь дело с анимусом и анимой вместе с Тенью, если даже не ранее. Обычно это происходит оттого, что мнения анимуса делают невозможным увидеть Тень такой, какая она есть; в случае с анимой, ее стремление повергнуть человека в угрюмое недовольство не даст ему разглядеть и осознать значимость качеств Тени. Но полное *согласие* с Тенью должно быть достигнуто до того, как можно начать договариваться с анимусом или анимой.

Однажды, когда мне с трудом давалось распознавание образов моего бессознательного, Юнг положил кончики пальцев на стол перед собой. Он сказал мне представить себя как двухмерное существо, плоское, скажем так, и сказать ему, как я в таком случае бы воспринимала его руку. Естественно, я бы воспринимала только плоскость его кончиков пальцев, и откуда мне было знать, что в третьем измерении они соединены друг с другом? Очевидно, этого я знать не могла. Я могла лишь наблюдать плоскости кончиков пальцев, и медленно изучать то, как они предстают

передо мной, их текстуру, и насколько они далеко друг от друга. Если одна рука, скажем, находилась на расстоянии вытянутой руки, я бы заметила, что кончики пальцев одной руки находятся ближе друг другу, чем другой.

Юнг объяснил, что мы находимся точно в таком положении относительно бессознательного. Нам известно лишь о трех измерениях, тогда как образ являются нам из неизвестного четвертого.

С подобными ассоциациями никогда не стоит заходить слишком далеко, но этот пример может объяснить, почему это необходимо, в истинном *контакте* с бессознательным, осознать свою Тень. Все, что нам не нравится, забывается очень быстро, или, в нашем примере, выталкивается в следующее измерение и теряется из нашего вида. Если плоского человека, например, не устраивал вид черного цвета в его плоскости, он мог бы вытолкнуть его в третье измерение и потерять его из виду. Однако, кончики пальцев из третьего измерения, что касаются его плоскости, окажутся покрытыми этой отвергнутой черной субстанцией. Не говоря уже о том, какое отвращение бы это вызвало при его попытке *слияния* с бессознательным. Это показывает нам, зачем нужно изучать личную Тень как можно более тщательно, прежде чем мы сможем иметь дело с более глубинными образами в нашей психике.

Мы уже видели, что Тень может представлять все бессознательное целиком, тогда как там присутствуют личные образы, нам неизвестные, которые после искажаются архетипичной Тенью. Следующий ближайший к нам образ, анимус или анима, имеет лишь личностный аспект и по большей части является образом коллективного бессознательного. Поэтому мы можем интерпретировать богов и богинь в *Одиссее* как образы анимуса и анимы. Сознательные образы, такие, как Одиссей, Телемах и Менелай, обладали более неоднозначным пониманием человечества и боги, которые приблизительно в равной степени были положительными и отрицательными. Именно с приходом христианства светлая сторона была принята, тогда как темная была подавлена и постепенно стала ассоциироваться с дьяволом. На тот момент этот этап развития был необходим, но он привел к подавлению личной Тени и к необходимости для нас открыть ее для себя заново.

Активное воображение может быть использовано для того, чтобы узнать личную Тень и отделить ее от Тени коллективной, которая затемняет неизвестные части личной. С помощью снов можно изучить личную Тень, поскольку этот материал хоть и болезненный, но все же несложный для изучения. Всем нам известны и положительные, и отрицательные качества человека в его личной сфере. Также без излишних сложностей мы в состоянии распознать мнения анимуса и настроение и другие женские черты анимы, хоть с этим можно и не согласиться. Но когда дело доходит до *слияния* с анимусом или анимой, мы шагаем в неизвестность, и здесь начинаются настоящие сложности. Юнг даже говорил, что каждый, кому эта задача оказалась по зубам, достоин писать слово «мастер» перед своим именем.

Перед тем, как я продолжу, стоит сказать, что хоть *работа* с тенью осуществляется сознательным Эго, его успешное завершение, такое, после которого мы можем предстать перед образами анимуса или анимы, зависит от вмешательства одной из этих фигур, или *соглашение* между Тенью и Эго в итоге окажется тупиком, нежели их союзом. В особенности хорошо это заметно в случае *Доктора Джекилла и Мистера Хайда* Роберта Льюиса Стивенсона, что я убедительно продемонстрировала в моем отзыве об этой книге (Б. Ханна, *Стремление к целостности*). Полную противоположность этому мы видим в «*Грозовом перевале*» Эмилии Бронте, где именно вмешательство анимы Хитклиффа, старшей Кэтрин, которая не дает противоположностям зайти в тупик.

В большинстве случаев *слияния* с анимусом или анимой, активное воображение может помочь как ничто другое. Больше всего это заметно в случае Эдварда (глава 2), хотя тот случай в некотором смысле является исключением, в том, что *слияние* с анимой совершается раньше, нежели работа с тенью. В случае Анны Марджулы (глава 7) мы видим, что в работе с анимусом Тень вмешивается в те области ее внутреннего мира, которые она еще не исследовала. Процесс довольно хорошо показывает, что *соглашение* между женщиной и анимусом окажется в безвыходном положении, если не искать и не найти помощи у своей Самости. Все разговоры Анны с Великой Матерью является

примером того, насколько сильно образ ей помогает, хотя основная тема – это *соглашение* с особенно деструктивным анимусом. В случае Анны, ее поздние диалоги с Великим Духом (напечатанные впервые здесь) показывают необыкновенно глубокое *слияние* с позитивной стороной анимуса (опять же, с помощью образа Великой Матери). Она была награждена особенно умиротворенной и счастливой старостью, хотя многие люди в ее положении нашли бы массу поводов пожаловаться на жизнь. Тем не менее, не раз Анна мне писала, что она счастливее, чем когда-либо была. Предстоит еще много о чем сказать, но мне кажется, лучше говорить об этом с привязкой к самому материалу, где это более наглядно, а, следовательно, более убедительно.

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЙ ПРИМЕР АКТИВНОГО ВООБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Случай Эдварда

Юнг часто говорил, что первая половина жизни должна быть посвящена тому, чтобы «пустить корни» во *внешнем* мире. Необходимо найти свое место и создать внешние условия (в профессии и личной жизни), которые этому человеку подходят, как правило, они включают в себя женитьбу и семью. Но направление меняется к среднему возрасту. В это время нужно начинать устраивать внутреннюю жизнь, говорил Юнг, ведь вторая половина жизни неуклонно ведет к старению и смерти. Простыми словами, жизнь является целью первой половины жизни; смерть – второй.

Пример, который мы исследуем первым – это продолжительное активное воображение, которое потребовало около года и много усердной работы. Речь пойдет о писателе, которому немного за сорок. В то время, он думал, что проблема его была связана целиком с первой половиной жизни. Эдвард – так его мы будем называть – страдал от временных проявлений импотенции; естественно, он был готов пойти на что угодно, что могло бы его вылечить. Он был необыкновенно вдумчивым человеком с сильной духовной судьбой, однако середина жизни его уже осталась позади.

Эдвард, с которым работал один из ассистентов Юнга, лично знал самого Юнга и прочел не одну его книгу. Поэтому, когда ему сказали, что он может пролить свет на проблему с помощью активного воображения, его эта идея весьма заинтересовала. Он с нетерпением ждал момента, пока ему придет сон, напрямую связанный с проблемой, чтобы можно было начать работу. Этот сон он пересказал вот так:

Я брожу по громадному незнакомому городу, как вдруг я оказываюсь в борделе. Сначала я в некоем подобии входа, в баре, где я флиртую с двумя хорошенькими молодыми проститутками. Затем ко мне подходит женщина, не похожая на всех остальных. Она превосходит их всех красотой, с

серьезным, интеллигентным выражением лица, ее высокая, красивая фигура целиком облачена в черный шелк. Ее угольно-черные волосы зачесаны назад, ее черные глаза горят. Мы встречаемся взглядами, она медленно поднимает свой стакан, как будто для того, чтобы выпить за мое здоровье, и говорит: «A bientot» («до скорого свидания, фр.)

Эдвард, используя активное воображение, продолжил ситуацию с того момента, где она закончилась во сне. Я процитирую первый эпизод целиком, чтобы читатель мог сформировать впечатление о том, как проходят подобные разговоры, и как другой образ может вклиниться и перебить линию диалога.

Юнг говорил о таких разговорах: «Архетипы говорят языком весьма красноречивым, даже помпезным. Мне этот стиль кажется постыдным; он действует мне на нервы, как будто кто-то проводит ногтями по штукатурке, или скребет ножом по тарелке. Но так как я не знал, что происходит, у меня не было иного выбора, кроме как записать все так, как было сказано моим бессознательным, именно в таком стиле». (Юнг, Воспоминания, Сновидения, Размышления). По мере того, как развивалась фантазия, он все больше прививал этот стиль Эдварду.

Первый эпизод начинается с реакции Эдварда на последний инцидент в его сне. Восхищенный появлению женщины, он тихо поднимает стакан и пьет за ее здоровье. Затем он продолжает:

Она: *«Что ты здесь делаешь?»*

Я (смущенно, запинаясь): *«Я ... ну, в самом деле ... я попал сюда, сам того не желая».*

Она (насмешливо): *«Если судить по твоим страстным взглядам на юных девушек, верить тебе непросто».*

Я: *«Да, я полагаю, ты права; скорее всего, дьявол привел меня сюда. Но что тут делаешь ты? Тебе здесь явно не место».*

Она (тихо, с грустью): *«Я заколдована, проклята, изгнана в этот ад! (Вздыхает) Сколько лет я страдаю в этой жалкой тюрьме. Я должна ждать здесь, покуда не придет муж, который освободит*

меня. (Быстро, дрожащим голосом). Я не имею в виду материальную свободу, женитьбу, или что-то в этом роде. Нет, нет! Кто-то должен прийти такой, кто бы отличался от всех проходящих сюда за физическим удовлетворением. Но разве возможно, что бы кто-то подобный оказался в борделе?»

Я (тронутый, пристыжено): «Тебе тут, наверное, просто невыносимо. И ты также обязана принимать во всем здесь участие?»

Она: «Да, в определенной степени»

Я (пораженно): «И как тебе удастся сохранять такую красоту в этой дыре?»

Она (загадочно, почти шепотом): «У меня есть особые качества и возможности, яды и противоядия. Со мной справиться не так просто (блеск в глазах). Но все же, я должна ждать в страхе; как же я зависима от мужчины, который придет за мной! Чем дольше он бы слушал меня, тем больше я бы могла ему предложить. (Взволнованно) Но когда мужчина обращается лишь к своей животной природе, я ничего не могу с этим поделать – и мне приходится оставаться в этой тюрьме навечно!»

Я (несколько сомневаясь): «И что бы это могло быть?»

Она (впечатляюще): «Отвести мужа туда, где он ничего не увидит, отвести его к тому, о чем он не имеет понятия!» (Из-за странного, нового тембра, в котором она говорит, ее становится непросто понимать. Я чувствую усталость, и, как будто для того, чтобы отдохнуть, я бросил страстный взгляд на ее прекрасное тело в платье из черного шелка по фигуре).

Дьявол (мне): «Это было неплохо, не так ли? Она красиво болтает, но насколько лучше было бы посмотреть на нее голый! Пригласи ее к себе в постель! В конце концов, ты в борделе, не правда ли?»

Я: «Замолчи. Ты знаешь, что я импотент».

Дьявол: «Попробуй, возможно, с ней сработает».

Я (гневно): «Попрдержи язык, тварь».

Дьявол (шепотом): «Ты глупец, что упускаешь такую возможность».

Я трясую головой.

Дьявол (гневно): «Не бойся, я научу тебя». (Уходит).

Она (беспокойно): «Что с тобой вдруг случилось? Выражение на твоём лице стало вдруг таким грубым, и мне совсем не нравится этот блеск в твоих глазах». (Она отворачивается со слезами на глазах) «О нет! Как трагично. Происходит то, что происходит всегда. Опять потерян! А мне предстоит вернуться в свою тюрьму! А я так надеялась. Я лучше о тебе думала...»

Я (расстроено, пристыжено хватаю ее за руку и поворачиваю к себе): «Прошу, прости меня; он овладел мной лишь на один момент. Я справлюсь с собой!»

Она (освобождает руку, резко): «Правда? Ты должен лучше себя лучше контролировать и не давать каждому импульсу лишать тебя головы. Если ты неспособен приструнить свое сердце на секунду, ты никогда не сможешь услышать то, что я хочу тебе сказать» (Я отвожу ее к отдаленному столу и заказываю выпить).

Она (выдержав паузу, спешно): «Теперь я должна спросить тебя еще раз: Что тебе здесь нужно? Что ты надеешься найти в этой грязи? Ты серьезно считаешь, что можешь найти удовольствие в этом полном страдания месте? Тебе здесь не место. Здесь, в этой жестокости, в этой похоти и болезни? Не обманывай себя! Разве тебя не мучают угрызения совести? Разве ты испытываешь иллюзии, входя сюда? Тебе самому-то не противно?»

Я (тронутый, запинаясь): «Да – это правда... все именно так, как ты говоришь... и это стыдно» (Пауза) «Возможно, ты не будешь судить меня настолько сурово, если я скажу тебе, что, с

одной стороны мной управляет неуёмное сексуальное желание, с другой, я импотент. Это такая пытка, такая невыносимая кара, через которую приходится проходить снова и снова, до тех пор, пока не начнешь хвататься за любую возможность от нее уйти. Также и я надеялся увидеть или пережить что-либо, что могло бы мне принести толику удовлетворения... Или, возможно, даже вернуть мне потенцию!

Она (весьма тронута): «О! Несчастное существо! Ты думаешь, что сможешь так победить импотенцию? Так запуская себя? Нет, так ты лишь впадешь в большее отчаяние, в ловушку, из которой нельзя сбежать. Твоей импотенции есть причина, духовная причина! Ты должен найти ее. Иначе ты потерян!»

Проститутка (ее налитое, чувствительное тело прикрито лишь короткой юбкой, она подходит к нашему столу, нагибается ко мне и по-матерински гладит по голове): «Что за нотации она тебе тут читает? Она готовит тебя к конфирмации? У вас тут прямо церковный дух стоит!» (Я стараюсь освободиться от нее, но она садится мне на колени и обвивает мою шею голыми руками).

Дьявол: «С твоим материнским комплексом тебе едва ли удастся найти кого-то получше. Прямо как у Рубена, не так ли? Попробуй; она точно ничем не больна – слишком аппетитно выглядит! Она уж точно могла бы тебя научить парочке новых трюков!»

Проститутка: (Обнимает и целует меня, шепчет мне на ухо): «Пойдем со мной наверх, в моей кровати мягко и тепло! Пойдем, мой милый мальчик».

Она (встает в гневе): «Ну раз так, то мне тут делать больше нечего!» (Уходит).

Я (вырываясь на свободу, отталкивая сопротивляющуюся проститутку, спешу на выход и только-только успеваю задержать ее. Я держу ее крепко): «Стой, стой! Я освободился. Пойдем со мной, мы покинем это проклятое место». (Я быстро расплачиваюсь, она надевает пальто. Мы уходим из этого места).

Однако она не выходит на улицу, а исчезает, выйдя наружу. Эдвард, следуя за ней, оказывается у лестницы, идущей глубоко вниз.

Это как старая история – про Спасителя, уходящего из Назарета, самого отвратительного места. Решение прямо там, под ее ненавистной тюрьмой и самыми низкими его фантазиям. Или скорее, неизбежная отправная точка находится там – в единственном месте, которое может его постепенно привести к разрешению проблемы. Лестница, вырезанная из камня, становится тем более влажной, чем дальше вглубь. Эдварду все страшнее, он спешит вниз, спотыкаясь. Но он больше не может это выдерживать и просит ее остановиться и сказать, куда они идут. Она останавливается на секунду, смотрит на него, но спешит дальше.

В это время, желание повернуть практически непреодолимо, и сомнения эти разжигаются Дьяволом. Но глубокое впечатление, которое она оставила, перебарывает все сомнения, и он решает следовать за ней несмотря ни на что. Наконец, она останавливается и ободряюще улыбается ему так, что он чувствует в себе спокойствие и новые силы.

Дьявол постепенно начинает чувствовать безвыходность ситуации и предпринимает еще одну попытку вернуть его. В самом деле, ему удается внушить Эдварду мысль, что он глупо поступил, оставив тепло и комфорт борделя ради того, чтобы оказаться пленником «ночного лабиринта», и заставляет его думать о нем как о «его наказании». Однако он напрочь отказывается возвращаться, и спешит за ней несмотря на ужасающий рев воды и воздуха, который становится все холоднее. Путь становится все сложнее, она останавливается и помогает ему, когда становится совсем тяжело. Они доходят до лодки и стоящего в ней мужского силуэта в вуали.

Дьявол совершает решительную попытку остановить его от дальнейшего продвижения, говоря, что на этом пути его ждет верная смерть, и, прося его подумать, что будет с его семьей. (На тот момент Эдвард был женат и имел двух детей школьного возраста). Пока он сомневается, она говорит с ним впервые с момента их спуска. Она говорит, что ему предстоит выбрать

между предательством лучшего Себя и приключением с ней. Подобно Черчиллю, Она предлагает ему «кровь, пот и слезы», ведь там, куда они идут, небезопасно; тем не менее, он обязан сделать выбор. Молча он следует за ней и всходит на лодку не без серьезных трудностей. Лодочник отталкивается от берега и перед Эдвардом разворачивается приключение в царстве неизведанного.

Весь процесс нисхождения и посадки на лодку описаны настолько живо, что не остается сомнений, что для него этот опыт был более чем реален, и, более того, требовал мужества, которого Эдварду не хватало во внешней жизни. Очевидно, это стало поворотным моментом для него. Как будто Самость, подобно Зевсу, верховному богу Олимпа, решила, что наконец пришло время вмешаться и помочь старающемуся изо всех сил человеку. Ровно так же, как и в Одиссее, этот случай с энтузиазмом ведом анимой. В эпосе Гомера, в образе анимы предстает богиня Афина Паллада; в нашем воображении, эта замечательная женщина, которая так впечатлила Эдварда в борделе, и которую он впоследствии называл «Проводник». Прямо как Афина решила вселить «дух веры» в разочарованного юнца Телемаха, также и анима Эдварда решается вселить дух веры в него. Она в итоге успешно «отправляет его в путешествие», и на время заставляет его оставить свое пессимистическое отчаяние. Прямо как Телемах не верил в то, что его героический отец Одиссей еще жив, Эдвард никак не верил, что жизнь сохранилась в нем. В обоих случаях, анима более чем успешно справляется со «вселением духа веры».

Но Афине не удалось вселить в Телемаха оптимизм насчет его отца, и Эдвард, как никогда решительный и активный, все же оставался верен своей легко разочаровывающейся и пугливой природе на всем протяжении активного воображения. Это – одно из многих указаний на то, насколько искренны на самом деле были для него все переживания. Когда кто-то выказывает героизм, достаточно для него далекий, воображение остается открытым к подозрениям: оно, скорее всего, находится под влиянием сознания. Другим образом в воображении Эдварда постоянно приходится вытаскивать его из разочарования, снова и снова, и кажется, что он совсем не проявляет к этому желаний. Более того, бессознательное целиком и полностью свободно. Эдвард без

сомнений освоил первый шаг в активном воображении – позволять событиям развиваться.

Так как Эдвард интроверт, и воображение у него соответствующее. Экстраверту такое воображение было бы ни к чему; более того, у него такой фантазии и не было бы, ведь экстраверт сам по себе довольно активен и во внешнем мире и мог бы среагировать на те ситуации, что пугали Эдварда до смерти, достаточно адекватно. Однако интроверт совершенно не активен во внешнем мире, и если пытаться воздействовать на него снаружи, этим можно лишь загнать его глубже в себя.

Чтобы прояснить этот момент, я упомяну случай одного врача общей практики, который был сильным интровертом. Никогда не уточняя, что конкретно его беспокоило на самом деле, он просто называл это «неодолимые сложности в медицинской практике». Его психиатр предлагал ему взяться за ситуацию с положительной ипостасью анимы, которая ему снилась. Он согласился, но начал с того, что изнасиловал этот образ! В ответ на протесты психиатра в конце концов он все же признался, в чем его проблема: ужасно непреодолимое стремление изнасиловать своих девушек-пациенток. Дела становились хуже и хуже, до тех пор, пока он не начал сомневаться, что он в состоянии контролировать себя. После этого психиатр забрал свои протесты обратно, зная, что, будучи интровертом, врач смог бы справиться с ситуацией *изнутри*, сколько бы сложной она ни была. Вмешательство *извне* уничтожило бы его карьеру и помешало бы ему держать себя под контролем.

Также и Эдвард был неспособен справиться со своим страхом жизни извне. Хороший совет на эту тему был бы даже хуже, чем бесполезным; тогда как изнутри – сколько бы сильно он ни был испуган – он научился справляться со своим страхом и даже вести себя адекватно в наиболее опасные моменты своего приключения. Это также возымело и внешний эффект, так как, после трех месяцев упорной работы в воображении, он смог раз и навсегда побороть свою импотенцию. Но теперь мы должны составить ему компанию в его приключении, чтобы понять, что же именно помогло ему столь эффективно. Каждый, кто всерьез пытался заняться активным воображением, знает, чего стоило Эдварду достичь того, чего он достиг, а тем, кто не знает, стоит

прочитать об этом в главе «Знакомство с Бессознательным» в книге Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления», чтобы хотя бы косвенно испытать, чего стоит решиться на этот путь.

Прежде чем мы последуем за Эдвардом в неизведанные земли и беспокойные воды бессознательного, мне необходимо объяснить его основную проблему. У него было весьма непростое детство, без поддержки от хладнокровной матери и нелюбящего холодного рационального отца. Когда он был еще юным мальчиком, его мать умерла от рака. Так как его отец отказался отпустить ее в больницу, Эдвард был обречен смотреть, как она угасала, день за днём, в их собственном доме. В результате он получил убежденное неверие в жизнь. Когда он решился на шаг внутрь бессознательного в 42 года, он даже еще на самом деле и не жил. Конечно, у него была жена и семья, которые поддерживали все его старания по профессии, но он сам приговорил себя к своим серым и скучным стараниям, никогда не позволяя развернуться своей креативной стороне. Он страдал из-за чувства собственной неполноценности и вообще не имел никаких радостей в жизни. Будучи глубоким интровертом, он не сомневался в реальности коллективного бессознательного; его активное воображение, его приключения и нахождение на волосок от гибели требовали невообразимых стараний, и иногда ему требовалось несколько дней или даже недель, прежде чем приступить к следующему шагу. Он, однако, посвящал этому себя всего с тех пор, как решился вступить на лодку.

Моментально земля уходит из их поля зрения, и они в полной тьме. Свет факела, установленного на носу лодки, еле теплится, и Эдварду его по указу Лодочника приходится время от времени заменять с огромными трудностями. Прекрасная женщина, которую он продолжает называть «Проводником», постепенно сближается с ним, прикрывая его покрывалом, время от времени кормя его, и давая ему эликсир, который полностью обновляет его, в те моменты, когда он больше не чувствует в себе сил.

Первое, с чем он встречается – это стая стервятников, которые питаются трупами в воде. Эдвард вскрикивает от страха, но Проводник просто и спокойно говорит ему, что «тут такое бывает». Она добавляет с огнем в глазах резко: «Никаких больше иллюзий! Теперь это вопрос жизни и смерти». Это может напомнить об

одной из поговорок в кругу алхимиков: «многие сгнули на нашем пути».

Едва не разбившись на каменном мелководье, они попадают в более спокойные воды. Почти сразу же золотая бабочка садится на руку Проводника. Через некоторое время она улетает, и Проводник с Лодочником следуют за ней. Поначалу вокруг лишь темнота, но затем слабый свет появляется на горизонте. Перед ними появляется «сказочное место» - остров с невероятно красивыми цветами. К ужасу Эдварда, они проплывают мимо этой райской обители. Все его протесты отвергнуты Проводником, она предлагает ему успокоиться и насладиться красотой, которую он видел. Перед ними лежит огромный путь, и лишь пройдя его, он сможет заслужить право приблизиться к этой красоте.

Хлебом, вяленным мясом и вином кормит Проводник Эдварда, выбившегося из последних сил, и позволяет ему погрузиться в глубокий сон на ее коленях. Его разбудил жуткий шторм, он вне себя от ужаса, ведь они направляются именно к нему. Вода становится красновато-желтой и внезапно, как будто из вулкана, огромный язык пламени вырывается в воздух и превращается в стену прямо перед ними. В ослепительно белом эпицентре огненной стены появляются две звезды, которые вскоре оказываются глазами. Эти голубые глаза, уставившиеся на Эдварда, принадлежат Духу Огня, Воды, Ветра и Льда. Эдвард в приступе паники валится на дно лодки, истошно вопя: «Мы горим! Огонь! Горим!» Но стена пламени поднимается ровно настолько, чтобы лодка могла пройти под ней через «волну жара, света и пара».

Это можно сравнить с опытом Телемаха. Почти всегда Афина Паллада являлась ему в человеческом образе, но когда она явила себя в образе Бессмертной Богини, Телемах напуган примерно так же, как Эдвард. Это в особенности заметно в сцене, в которой Телемах встречает отца в домике свинопаса. Афина обращает Одиссея из его образа попрошайки в фигуру столь героическую, что Телемах не мог поверить, что это действительно его отец. Он уверен, что его отец – всесильный Бессмертный. Потребовались долгосрочные убеждения, чтобы Телемах поверил в то, кто на самом деле ему предстал. Если вы перечитаете Одиссею, вы заметите, что тот же ужас появляется на поверхности и перед

героическим Одиссеем. В конце концов, Священное Писание говорит нам: «Начало мудрости - страх Господень». (Книга Притчей Соломоновых, 9:10) Поэтому, страх Эдварда при явлении Духа Огня совершенно неудивителен.

Действительно, он чувствует такую слабость, как будто только что перенес изнурительную болезнь, но Проводник дает ему напиток, который разливается по его уставшим конечностям и дает ему второе дыхание. Проводник радуется тому, через что они прошли, говоря, что наконец она может дышать; она вернулась к своему истоку и чувствует себя свободной от «губительного заключения в его бордельных фантазиях». Эдвард все еще напуган, ведь образ «горит таким пламенем, настолько огромен, что я думал, что пришел момент моей смерти». Проводник признает, что Дух опасен, и предупреждает Эдварда, что с ним ни в коем случае нельзя спорить; она убеждает его, что если он постарается к этому образу привыкнуть, он будет владеть такой силой, которую сам заполучить никогда бы не смог. Затем Проводник говорит ему, что это великое пламя ищет людей, которые бы смогли представлять его во внешнем мире.

Этот пример активного воображения был завершен годами ранее написания Юнгом *Воспоминаний*. Здесь мы видим идею, сходную с той, что описана им в анализе сна о йоге, у йога были собственные черты, и ему казалось, что йог видел сон о жизни Юнга на земле. Юнг говорит: «Иными словами, чтобы войти в трехмерный мир, Самость принимает человеческий облик, как надевают водолазный костюм.<...> В земном облике она осваивает опыт трехмерного пространства и в следующих воплощениях приходит к более совершенному знанию».

Эдвард чувствовал, что если будет служить этому громадному, пылающему образу, это его уничтожит, тогда как Проводнику казалось, что это величайшая честь, которую ему могут ниспослать. Очевидно, Дух Огня – это первое появление Самости, и перед Эдвардом стоит задача, столь возносимая Мейстером Экхартом, оставить свою волю с тем, чтобы воля Господня, или, на языке психологов, Самости, могла ее заменить.

Из долгого разговора между Проводником и Эдвардом мы узнаем, что он полностью провалился с задачами первой половины жизни;

она строго его за это попрекает. Он чувствует себя оскорбленным - настроение, ловко созданное Дьяволом. Эдвард пытается, но весьма безуспешно, обернуть всю ситуацию против Проводника. Он узнает, что именно он заключил ее в борделе из-за того, что единственные фантазии, которые он себе позволял, были порнографического характера. Она изо всех сил пыталась его воодушевить и заставить жить. Наконец, в качестве безнадежно последнего средства, она сделала его импотентом. Это ужаснуло Эдварда, но в конце концов она убеждает его, что единственное, что может его спасти – это как можно лучше наладить вторую половину своей жизни; принять все опасности мира, в который она привела его, и сделать все, что в его силах.

До этого момента – кроме того, чтобы по необходимости заменять факелы – Эдвард не принимал *активного* участия в воображении. Все, что от него просили – это выдержать опасности, но теперь, когда он в очередной раз стал менять факел, скрытый под вуалью Лодочник протягивает ему другой факел и высокие сапоги. Проводник сообщает ему, что теперь он должен справиться с задачей без посторонней помощи: освободить женщину, заключенную в пещере на острове, до которого они как раз добрались. Она пугает Эдварда еще больше, сказав ему, что он обязан сразу же сразить хлыстом змей, который она ему даст, а пламенем факела отпугнуть других тварей. Чувствуя страх и то, что он недостаточно вооружен, Эдвард снова решает подчиниться и в одиночестве сходит на остров.

Эдвард описывает свой поход очень живо и с массой деталей, поэтому мне придется сильно его ужать. Сначала ему встречается стая рычащих псов, которых приходится отпугивать и даже атаковать факелом. Затем на его пути возникает тьма ядовитых змей, которых он убивает с помощью хлыста. К своему ужасу, он находит себя у кратера вулкана, у которого вот-вот начнется извержение. Путь ведет его вглубь вселяющего страх кратера, но затем, к его облегчению, снова вверх, где он оказывается в относительной прохладе пещер. После этого он находит пещеру, в которой заключена женщина.

Ее уж никак нельзя назвать привлекательной, учитывая, сколько времени она оставалась пленницей пещеры. Она истощена и похожа на кучку тряпок; с ужасом Эдвард видит, что та ужасно

косит всеми своими четырьмя глазами. Она привязана крепко, ему приходится немало потрудиться, чтобы освободить ее. Дьявол предлагает ему спастись самому (ведь рокот вулкана угрожающе нарастает), но, сопротивляясь ему, Эдвард наконец освобождает женщину и выносит ее из пещеры. Свобода вскоре возвращает ей жизнь, и она указывает ему безопасный путь. Эдвард потерял свой хлыст и предупреждает ее остерегаться змей. Змеи, однако, боятся ее четырех глаз; пока она держит змей в поле зрения, они лишь тихо уползают прочь.

Пока за их спинами извергается вулкан, освещая все белой вспышкой, они добираются до лодки, но даже здесь они еще не находятся в безопасности от извержения. К счастью, ветер дует в нужную им сторону и они отплывают в более спокойные воды. Как только они оказываются в безопасности, Проводник поздравляет Эдварда с успешно выполненной задачей, которая, как она боялась, может оказаться ему не по силам, и возвращает обоих к жизни своим эликсиром. Женщина сразу же перестает косить и все ее четыре глаза пылают «победным и чарующим» огнем: красным, зеленым, синим и желтым.

Проводник говорит «Четырехглазой», что теперь они должны позаботиться об Эдварде, который уже совсем обессилел. Она готовит ему уютную кровать, где он наконец крепко засыпает. «Невредимый, счастливый и неописуемо усталый», он погружается в бессознательное, но все равно слышит их разговор как будто издалека. Мы узнаем весьма интересные факты из диалога этих двух ипостасей анимы. Во главе всей этой земли, и самого Эдварда, стоит старая ведьма, ужасное архетипичное ядро материнского комплекса Эдварда. Его мать умерла слишком рано, чтобы у него был личный материнский комплекс, но его место заполнил ещё более деструктивный архетип негативной матери. Эдвард начинает чувствовать ее образ. Позже он обнаруживает, уничтожает и постепенно меняет ее. У ребенка, потерявшего мать, часто возникает пробел, которой частично заполняется любящим отцом. Но отец Эдварда был хладнокровным, рациональным человеком, совершенно не дарившим бедному мальчику тепла, этим подставив его под удар влияния архетипа.

Архетипу негативной матери удавалось удерживать в заключении обе эти ипостаси анимы только из-за того, что Эдвард не смог

сопротивляться ей, и он сам вскоре оказался в заключении так же, как и женщины. Когда он был еще очень юн, ведьма ослабила активность его духа и связывала его ядовитой сладостью, пока он окончательно не запутался в ее сети. Он никогда не восставал против нее до того момента, пока импотенция не довела его до последней точки. Восстав, он дал свободу действиям и двум ипостасям анимы, и они обе пообещали себе, что ведьма будет полностью уничтожена.

Образ ведьмы мы также можем найти и в *Одиссее*. Ведьма Калипсо держала Одиссея пленником много лет на отдаленном острове, и была главной причиной всех бед в *Одиссее*. Такие ведьмы всегда появляются в результате материнского комплекса, личного или архетипичного, и поработают не только мужчину, но и, как мы увидели в случае Эдварда, еще и позитивных ипостасей анимы, которые могут оказать ему помощь. Именно ведьма лишила Телемаха позитивного образа отца до тех пор, пока он сам уже не вырос, и обрекла его и его мать Пенелопу на бесконечные проблемы, вызываемые женихами. Поэтому сложность Эдварда основана на архетипичной модели, и его лично обвинять в этом бессмысленно. Также как Одиссею пришлось построить собственный корабль, чтобы бежать с ведьминога острова, так и Эдварду предстояло обрести свой собственный путь и спастись от деструктивной матери-ведьмы. Но и Одиссею, и Эдварду оказали значительную помощь их анимы, и, в конце концов, верховного Бога: на нашем языке, Самости.

Проводник оказывает значительную эмоциональную поддержку Эдварду и уверена, что он не будет сломлен. Если он не выдержит, это будет всеобщим и последним проигрышем. Так, она являет себя Эдварду как его личная анима, тогда как Четырехглазая – образ гораздо более архетипичный. Четыре, завершённое число, является атрибутом Самости; поэтому образ архетипичной анимы смешан с Самостью. Юнг говорил, что неодолимая сила анимы или анимуса являет себя только тогда, когда ему или ей удастся встать между Самостью и человеческой сущностью. Эдварду действительно удалось взглянуть на Самость, когда он увидел Дух Огня в центре шторма. Так как единственной его реакцией был панический страх, аниме легко удалось встать между ним и Самостью, что будет заметно еще более явно в другой ипостаси анимы, которая появляется под

конец воображения. Эдвард успешно установил отношения с его личной анимой, но архетипичный мир коллективного бессознательного все еще единообразен и угрожающ для него.

Есть лишь едва заметные различия между личным и архетипичным образами анимы в истории Одиссея, так как эти различия по ходу истории развивались очень медленно. Как однажды заметил Юнг во время дискуссии об истории Амура и Психеи в *Золотом Осле* Апулея, где, хоть Психея и стала богиней – то есть, исключительно архетипичной ипостасью анимы – она родила дочь, а не сына. Дочь представляла собой другой образ анимы при появлении индивидуальной ипостаси анимы. Эта ипостась в воображении Эдварда представлена Проводником. Нужно помнить о том, что Апулей жил спустя 1000 лет после Гомера, и, сам, будучи чистым язычником, появился в этом мире как раз в то время, когда новый символ Самости – Христос – уже заполучил себе множество последователей. Индивидуальная ипостась анимы, мост между сознательным и бессознательным, был сильно развит в христианскую эпоху. (Примером тому может являться образ Беатрис в *Божественной комедии* Данте). Прделанная Юнгом работа над анимой наконец поместила ее прямо в сознание человека.

К счастью, Проводнику удастся сдерживать нетерпеливость Четырехглазой, изо всех сил стремившейся к немедленному реваншу с ведьмой, которая держала ее в столь болезненном плену столько лет. Эдварду позволяют уснуть. Когда он просыпается, его хорошо кормят, и только тогда он осознает значимость привязанной второй лодки, которая мистическим образом появилась, когда он выполнял свою миссию. Он и Четырехглазая вместе отправляются в логово колдуньи с намерением уничтожить ее.

Однако на этот раз Эдвард вооружен хорошо. Он получил пистолет с множеством патронов и смертоносную винтовку. Также его снабдили парой высоких резиновых сапог, в которых он мог бы перейти реку вброд. Еще он получил новую одежду, ведь его старая одежда сгорела и была порвана во время приключения на вулканическом острове. Четырехглазая получила эликсир для Эдварда, чтобы оживлять его в случае необходимости, но ему об этом еще неизвестно.

Приключение, за которым мы следили, на данный момент занимает восемь частей и около двух месяцев по времени. А совместное путешествие Эдварда и Четырехглазой заняло четырнадцать частей и шесть месяцев. Он очень живо и детально его описывает, и со стороны кажется, что он полностью посвящает себя ему, но часто исход приводит его в отчаяние. Четырехглазая остается все такой же нетерпеливой и требовательной, в отличие от Проводника. Постепенно она осознает, что исход зависит от того, выживет ли Эдвард, поэтому она должна, по крайней мере, сохранить ему жизнь.

Ведьма построила свое логово в хорошо защищенном месте. Для начала, к острову очень сложно пришвартоваться, и нужно бесконечное терпение, чтобы срезать всю траву, прежде чем добраться до берега. Когда они выходят на землю, их встречает одно смертоносное животное за другим, ядовитые жабы размером с теленка, разные ползучие твари, и, хуже всего, богомол размером с человека. Он испугал Эдварда больше всего, ведь он видел этого богомола раньше во сне. Обычно Эдвард стреляет хорошо и целится точно (как и все люди в его стране, он отлично умеет обращаться с оружием), но Четырехглазая ругается на него, когда он начинает целиться в богомола. Он справляется с собой, и, наконец, гигантское туловище валится в бездну.

В течение этого приключения они обнаруживают голубя, прикованного за лапку. Четырехглазая говорит, что это пленник ведьмы, и его надо освободить. Эдвард, потерявший свой нож на вулканическом острове, говорит, что это невозможно, но Четырехглазая предлагает ему поискать в карманах его новой одежды. Там он находит нож, еще лучше прежнего. К нему прилагалась и ножовка по металлу. Однако, работа эта долга и утомительна; Эдвард, будучи на полпути к успеху, уже был готов опустить руки, но Четырехглазая и слышать не хотела о таком малодушии. В конце концов, он освобождает птицу. Радостно покружив над их головами, голубь садится Эдварду на плечо и с благодарностью трется о его щеку. Четырехглазая замечает, что до конца путешествия у них еще будет достаточно поводов быть благодарными этому голубю.

И доказательство не заставляет себя ждать, ведь следующее препятствие – это высокие ворота из кованого железа. Поначалу им кажется, что с таким препятствием им не справиться; как обычно, Эдвард сразу же впадает в отчаяние, и Четырехглазой тоже кажется, что это конец. Но тут с радостным криком голубь перелетает через ворота. Через некоторое время он возвращается с ключом, хоть и очень тяжелым. После некоторых трудностей, ведь замок очень тугой и старый, они открывают ворота и оказываются на другой их стороне.

Однако оказывается, они этим ничего не добились. Местность, по которой они шли, подходит к концу, и единственный способ продолжить путь – на другой стороне бездны. Даже Четырехглазая пришла в уныние, но голубь снова пришел на помощь. С огромным усилием он перелетает через бездну с концом веревки. Взявшись за ворота, Эдвард вытаскивает узкую жердь, прикрепленную к железному кольцу на воротах; ее как раз хватает до другого края бездны, и Четырехглазая переходит ее сразу же, освещая темноту факелом. Эдвард испуган как никогда. Жердь не только узкая, но еще и покачивается из стороны в сторону; более того, у него страх высоты. Пришпоренный дразнящей его Четырехглазой, он начинает движение, но головокружение почти берет верх на середине опасного мостика. Потом он говорил, что точно бы упал в глубины бездны, но лучи четырех глаз как будто вытащили его обратно, и он все-таки падает на землю в пещере на другой стороне.

Однако никакого одобрения от Четырехглазой он не получает. Они должны продолжать свой путь через узкую расщелину в камнях. Эдвард еле протискивается через нее, и, как только становится чуть посвободнее, они слышат сдавленный стон. «Другой пленник ведьмы!» - вскрикивает Четырехглазая, и они видят лицо в окне, вырезанном в скале: ужасное лицо, которое выглядит, как будто всю голову распотрошили на маленькие кусочки и снова грубо сшили обратно. Оно столь бледное, что Эдвард не уверен, жив ли все еще человек или нет. Очередной слабый стон убеждает их в том, что он все же. Их общие усилия не сдвинули дверь с места, но наконец, Эдвард сбивает замок прикладом ружья. Комната столь мала, что пленник едва ли мог сидеть или стоять на коленях. Эдвард вытаскивает его. Он очень легкий, и они видят, что пленник – косолапый сгорбленный карлик. Он безнадежно

сдавлен и его одежды превратились в тряпки. Четырехглазая пытается влить эликсир в глотку бездыханного карлика, но Эдвард останавливает ее. В тот момент, как он приходит в сознание, он жадно пьет эликсир, который оказывает свое обычное животворящее действие.

Горбун, едва веря в свое спасение, приветствует голубя как своего старого друга, который ежедневно навещал его и был единственным для него утешением, пока голубь сам не оказался пленником. Горбун ликует, когда он слышит, что его освободители решились на убийство ведьмы, и заявляет, что знает каждый дюйм пути, что предстоит им, и что он проведет их по нему в целостности и невредимости. Когда они вернулись на дорогу, он поспешил вперед, а голубь летел над ним. Эдвард замечает, что они, пожалуй, самая удивительная пара из тех, какие только могут быть: прекрасный, белый, элегантный голубь и отвратительный маленький горбун, с тяжестью за ним хромающий.

Горбун останавливает их и говорит, что если они дальше пойдут по этому пути, то ведьма заметит их, схватит своими щупальцами и пожрет. Затем он показывает им камень, и, оттащив его в сторону, они обнаруживают туннель. Поначалу Эдварду приходится ползти на корточках, затем лежа, распластавшись на земле. Четырехглазая берет у него ружье и пистолет, но даже так Эдвард застревает, как ему кажется, безнадежно, он боится тьмы и удушья. Четырехглазая и карлик, пробравшиеся дальше него, кричат, что дальше проход расширяется, но Эдварду уже не пошевелиться. Горбун возвращается и вытаскивает факел из кармана Эдварда. Увидев путь с помощью горбуна, Эдвард в конце концов пробирается в пещеру, где он может встать во весь рост.

Четырехглазая, как обычно, очень нетерпелива и обвиняет Эдварда в том, что ему лишь бы отдохнуть. Наконец, она позволяет ему выпить эликсир, оказывающий свой обычный волшебный эффект. Горбун сообщает, что они уже приблизились к своей цели, и поэтому должны двигаться дальше бесшумно, так как колдунья не ожидает, что они объявятся с этой стороны. Отдав карлику пистолет и оставив себе винтовку, Эдвард ползет за горбуном, а Четырехглазая ползет за ним. Дьявол совершает последнюю попытку вызвать его страх, но на этот раз Эдвард,

осознавая, что зашел уже слишком далеко, справился с его натиском. Тем не менее, Эдварду страшно. Четырехглазая и горбун атакуют все щупальца ведьмы. Эдвард остолбенел от взгляда, подобного взгляду Медузы Горгоны, и не стреляет ведьме в голову, как должен был. Но голубь выцарапывает ведьме глаза, и Эдвард, освобожденный от смертоносного взгляда, стреляет ей прямо в голову и она, безжизненная, идет ко дну омута. За ужасающими звуками битвы следует полная, трепетная тишина.

Через некоторое время что-то белое появляется в омуте. Эдвард уже готов стрелять, но он понимает, что это прекрасная женщина, голая, с четырьмя грудями: она превратилась в позитивную богиню-мать! Она благодарит Эдварда за свое избавление, и, на правах владительницы этих земель, устраивает славный пир, на котором прислуживают прекрасные голые девушки. Проводник и Лодочник, избавившийся от вуали, выходят с лодки. Все образы, которые мы встретили во время приключений Эдварда, принимают участие в пире.

Последняя сцена – единственная во всем воображении, которая не столь искренна и, несомненно, происходит из бессознательного. Стоит задуматься, а не предвидел ли этот последний пир Эдвард, чувствуя, что год для воображения – большой срок, и не создал ли он этот счастливый конец. И если это действительно так, то Эдварду остается еще много работы, прежде чем он достигнет степени индивидуализации, являвшейся его духовным пунктом назначения.

Несмотря на это, в некоторых местах бессознательное все же дает о себе знать. В первую очередь, речь идет об образе Лодочника, который до пира всегда был завуалирован, он оказался образом Тени Эдварда, часто ему сновившийся и который он от всего сердца не переносил. В полную противоположность Эдварду, который был хорошо воспитан и вел себя как джентльмен, Лодочник был весьма примитивным человеком, которому были присущи многие животные качества. Даже на пире он поглощает пищу скорее как животное, нежели человек, что вызывает у Эдварда ужасное отвращение. С Тенью ему пить тяжелее, чем с каким-либо другим образом, и непонятно, принял ли Эдвард его в итоге окончательно, или нет.

Нам, однако, стоит не упускать то, что Проводник, приведя Лодочника к Эдварду, говорит, что Лодочник – двойник горбуна. Кто же тогда карлик-горбун? Исходя из контекста Кабилов, карликовых богов, можно понять, что Горбун представляет собой творчество Эдварда. Как мной упоминалось ранее, Эдварду никогда не удавалось подойти к работе с творческой стороны. Поэтому все результаты его работы получались бесцветными. Теперь мы понимаем, почему ведьма заточила его творчество в такую маленькую камеру, где можно было только сидеть или стоять на коленях. Во время приключений Эдвард освободил свою творческую сторону; и работа его с тех пор поменялась соответственно. Она наполнилась жизнью и красками, и стала приносить Эдварду наслаждение, а не быть тяжким бременем, с которым приходилось иметь дело раньше.

Мария-Луиза фон Франц в своей новой книге в главе о демонах под названием «Изгнание Дьяволов или Интеграция Комплексов» пишет, что интеграция – это решающая точка. Нам, очевидно, стоит рассматривать воображение Эдварда с этой точки зрения. Именно образу Лодочника доступна полная интеграция, он, несомненно, является Тенью Эдварда. Он – полная противоположность его сознательной личности, и именно с ним Эдварду, очевидно, будет тяжелее всего провести интеграцию. Но если он сможет принять звероподобную природу Тени, это сделает его гораздо более полным и продуктивным персонажем. Заметно, например, что в то время, как Эдвард находился в постоянном страхе, даже панике и отчаянии временами, Лодочник справлялся со всеми опасностями, встававшими на их пути, и всегда правил лодку, тихо и спокойно, не только не взирая на все опасности, но и направляя ее в эпицентр бури или в огневую завесу. Он безупречно следовал всем приказам Проводника, тогда как Эдвард вечно протестовал и лишь под конец он достиг успеха благодаря помощи других образов. Поэтому основной и первоочередной задачей для Эдварда после воображения стало принять все качества персональной Тени.

Невозможно целиком и полностью слиться со своей креативностью; скорее, нужно работать с ней сообща и позволять ей развиваться так, как ей этого хочется. Эдвард делает как раз это, позволяя Горбуну вести его и помогать ему, когда он

застревает в расселине; внутренне он делает как раз то, что следует делать во внешней творческой работе. Также заметно, что когда Эдвард привыкает к его отвратительной внешности, он начинает нравиться Эдварду, и он очень благодарен Горбуну за его помощь. К Лодочнику он никакого отвращения не выказывает. Он действительно примечает его развитый навык и смелость в управлении лодкой, но только пока тот завуалирован, Эдвард в состоянии игнорировать его характер. Как говорилось ранее в главе 1, случай Эдварда несколько нетипичен тем, что он встретился лицом к лицу с проблемами Анимы до того, как он слился с персональной Тенью.

Помимо Тени и творческого нечистого духа, с мужской стороны у нас также есть образы Дьявола и Духа Огня. Дьявол, по-видимому, это великий Искуситель, сам Сатана, чисто архетипичный образ, и Эдвард отвергает его вполне обоснованно. С этим образом он не смог бы слиться без ужаснейшего негативного влияния. Очень важно, что Дьявол – единственный образ из встретившихся нам ранее, не появившийся на пиру.

Дух Огня – также образ весьма архетипичный, который также отсутствует на пиру. Он весьма созидателен, и мы узнаем от Проводника на пиру, что он помогал Эдварду на протяжении всего путешествия, и без его помощи тот бы не справился. (На самом деле, Дух – противоположность Дьявола, иначе говоря, Дьявол – его Тень). Действительно, на этой стадии развития Эдвард совершенно точно не справился бы с чистым злом. Как мы видели, Эдвард был ужасно напуган Духом Огня, появившимся лишь раз. Впоследствии мы слышим о нем лишь дважды: Четырехглазая и Проводник убеждают Эдварда, что Дух Огня заинтересован в его миссии; второй раз – когда Проводник говорит, что лишь с его помощью Эдвард со всем справился.

Подобное разделение на положительные и отрицательные образы мы видим в Одиссее, Гомер их называет Бессмертными или богами. Посейдон играл отрицательную роль на протяжении всего эпоса, подобно той, что играл Дьявол в истории Эдварда. Также как Проводник сообщает Эдварду, что он бы не достиг успеха без помощи Духа Огня, Телемах, или даже сам Одиссей узнают, что и они бы не достигли успеха без помощи благосклонных богов. Сам Зевс говорит нам в начале о том, что Посейдон, преследовавший

Одиссея с непреклонной злобой, не смог бы удержаться «против воли объединенной бессмертных». Однако, ничего бы не помешало ему стоять на своем вечно, если бы не помощь Бессмертных. Зевс вмешивается весьма открыто, через Гермеса и Афину Палладу, тогда как положительная ипостась Самости всегда действует сокрыто и из-за кулис, кроме единственного появления Духа Огня во время шторма, и узнаем мы о том, что он сделал, только через Проводника во время пира.

Есть разница в том, насколько тяжелее современному человеку наладить контакт с Самостью, чем древним грекам со своими богами. Иногда лишь через контекст, найденный в старых мифах, мы видим, как сильно бессознательное нам помогает. Теперь оно работает гораздо менее явно, чем во времена античности. Это происходит из-за того, что современные люди больше не живут по порядкам бессознательного, в отличие от древних, живших по порядкам своих богов, и это лишь один пример из множества. Мы считаем, что мы в состоянии сознательно наладить свой порядок, однако состояние современного мира должно моментально убеждать нас в том, насколько глупая это иллюзия. Поэтому образ, как, например, Дух Огня Эдварда, обязан работать скрыто, ведь, как мы видели, Эдвард моментально впадает в панику, как только видит этот образ, явившийся открыто.

Самость – образ настолько невообразимо громадный в сравнении с Эго, что, разумеется, о слиянии с ним речи быть не может. Юнг говорил, что Самость одновременно и индивидуальна, даже уникальна, и универсальна, и является центральным архетипом коллективного бессознательного. Нам нужно входить в контакт с Самостью, стараясь изо всех сил узнать индивидуальный и уникальный ее принцип, в чем и есть наша конечная цель, но при этом мы должны осознавать, что нам никогда не познать ее целиком, ибо она простирается в бесконечность.

Читатель может возразить, что ни один из образов в воображении Эдварда, кроме, пожалуй, дьявола, не соотносится с общепринятым пониманием того, что есть демон, но я употребляла это слово скорее в смысле «даймон». В понимании древних, каждый образ, находящийся между Богом человеком, считался даймоном. Таким образом, анима – тоже даймон, и мы должны рассматривать три ее ипостаси, явившиеся нам в

воображении, и с этой точки зрения. Из них самой индивидуальной и близкой Эдварду стала Проводник. Ее даже можно назвать анимой «на своем месте» - в качестве моста между сознательным и бессознательным. Она ведет Эдварда из его жалкой внешней жизни в свое собственное царство – бессознательное. Она приглядывает за ним, и, хотя часто сурова с ним и критикует то, как он проживает свою жизнь, она осознает, что все зависит от его выживания, и она старается помочь ему выжить.

Четырехглазая – тоже образ анимы, который также должен был быть связан с Эдвардом, иначе перед ним бы не стояло задачи освободить ее, и она бы не жаловалась Проводнику, что была лишена свободы из-за того, что Эдвард бессильно сдался ведьме. Но она персонаж гораздо более архетипичный, нежели Проводник, и происходит из столь глубокого уровня, что некоторые ее характеристики на самом деле принадлежат Самости: ее *четыре* глаза, светящиеся *четырьмя* цветами, признак целостности. Она – другая ипостась анимы, и она гораздо сильнее связана с Проводником, нежели с самим Эдвардом. Именно Проводник знает, где она заключена, она отправляет Эдварда освободить ее, и именно благодаря ее вмешательству и упоминанию Духа Огня, образу Самости, нетерпеливость Четырехглазой не уничтожает Эдварда во время его поисков ведьмы.

Преображенная ведьма – тоже ипостась анимы Эдварда, обладающая еще более архетипичными характеристиками – *четыре* груди, таким образом, также несет в себе часть Самости. Она представлена как вседарящая мать, полная противоположность ведьмы, лишившей Эдварда всего, ради чего стоило бы жить. Вероятно, чем глубже он познает бессознательное, все эти ипостаси анимы постепенно сливаются воедино.

Четвертую ипостась анимы представляет голубь. Помимо очевидной связи между птицей и духом, Святой Дух часто называют *vinculum amoris*, узам любви, между Отцом и Сыном. Более того, в алхимической аллегории Филалетры, которую довольно пространно цитирует в “*Mysterium Coniunctionis*” Юнг, именно голубки Дианы «сдерживают недоброжелательность воздуха». Заметно, что после освобождения голубя Дьявол совершает лишь одну неубедительную попытку сбить Эдварда с

пути, и, помимо помощи с ключом и концом веревки, именно голубь позволяет ему застрелить ведьму, лишив ее приводящего в оцепенение взгляда. Голубь настолько связан с Четырехглазой и Эдвардом, что он, можно сказать, представляет собой Эрос, женское начало. Более того, пока он был свободен, голубь больше всех был связан с Горбуном, ежедневно навещая его.

Так как Эдвард был лишен всяческой связи с холодной матерью, неудивительно, что Эрос-начало в его случае – самая бессознательная часть его женской стороны. Юнг говорил, что когда нам снится персонифицированная часть психики в виде животного, это значит, что в сознательном она все еще далека от нас. Также и начало Эрос было далеко от Эдварда. Это видно по тому, что во сне, начинающем воображение, он надеется найти отношения в борделе. Это типичная мужская ошибка; мужчины часто путают секс с отношениями. Юнг даже пишет в «Европейской женщине»: «Мужчина считает, что он владеет женщиной, овладев ею сексуально. Это глубокое заблуждение, ведь решающими и настоящими для женщины являются Эрос-отношения».

Хотя отношение Эдварда к самой жизни, к еде и напиткам и прочим радостям, меняется во время пира, его отношение к сексу остается неизменным. Во время пира Эдвард видит, как Лодочник безнаказанно ласкает голых служанок. Он отвлекается от еды и пытается заняться тем же. Но в тот же момент он получает выговор от Проводника, которая говорит ему оставить девушек в покое и посвятить себя женщинам на земле. Очевидно, образ Лодочника недостаточно подвластен его сознанию, чтобы целиком и полностью следовать правилам смертных. И Проводник, и Четырехглазая жаловались, что оказались лишены свободы из-за сексуальных фантазий Эдварда, и с учетом этого вполне ясен ужас Проводника, когда она видит, что Эдвард совершенно не изменился в этом плане. Он бросает те же жадные взгляды на служанок, какие бросал на проститутку в самом начале воображения. Он был сильно ранен в эту область, и ему предстоит невероятный объем работы, чтобы эти раны залечить. Однако бросается в глаза то, как изменилось все вокруг вместе с преобразованием ведьмы.

Местность, которую всегда описывали как каменные пустоши, населенные ядовитыми тварями, превратились в зеленые плодородные земли, переполненные пищей и вином. Это явная отсылка к тому, как изменились Эдвард и его окружение благодаря этому воображению.

На Востоке люди давно уже убеждены, что внутренние намерения человека способны повлиять на его внешнюю среду, но для людей Запада понять это всегда было проблемой. Я напомню читателю историю Заклинателя Дождя, которую я поведала в первой главе книги. Также напомню, что говорил Юнг, когда его спрашивали, будет ли ядерная война. Он говорил, что это зависит от того, как много *людей* смогут выдержать борьбу противоположностей в себе. Ничего не поможет нам в этой борьбе так, как активное воображение, и я уверена, что старания, подобные тем, что проявил Эдвард, повлекут изменения далеко не только в нем самом.

Глава 3. Первоначальный подход к активному воображению.

Случай Сильвии

Чтобы представить контраст случаю Эдварда, следующий пример, который мы рассмотрим – случай Сильвии, художницы. Как и Эдвард, в начале второй половины своей жизни она решилась на попытку выйти на контакт с бессознательным. В примере речь пойдет о более ранней стадии активного воображения, чем в случае Эдварда. Это ни в коем случае не первая попытка, но ей впервые удалось именно достичь глубин своей основной проблемы.

Сильвии совсем не повезло с родителями. Ее отец был классическим примером негативного отца; мать по природе была человеком неплохим, но не обладала силами противостоять мужу, поэтому детей защитить не могла. Юнг пишет о влиянии, оказанном отцом на дочь в *Mysterium Coniunctionis*:

Отец – первый носитель образа анимуса. Он наделяет этот виртуальный образ субстанцией и формой, ведь от имени своего логоса он является источником «духа» дочери. К сожалению, этот источник загрязнен именно там, где мы ожидаем увидеть чистую воду. Ведь дух, который приносит женщине пользу, это не просто обычный интеллект, это много больше: это настроение, воодушевление, с которым живет человек. <...> Поэтому у каждого отца, так или иначе, есть возможность испортить тем или иным способом жизнь своей дочери.

И отец Сильвии по полной программе воспользовался этой возможностью. Он постоянно критиковал дочь, и она выросла с такой низкой самооценкой, насколько это вообще возможно, и это поддерживалось ее анимусом. Она была необыкновенно красива, и вышла замуж только когда уже доживала свой третий десяток. У нее было два сына, в которых она души не чаяла. Во всем, кроме одного недостатка, ее замужняя жизнь вполне восполняла несчастные годы детства и юности. Будучи весьма приятным во многих отношениях человеком, у ее мужа, однако, были ужасные отношения с матерью. Это неудачное обстоятельство вылилось в

приступы критики своей жены, сродни тех, в которые впадал в свое время ее отец, вместо того, чтобы обеспечивать ей поддержку и уверенность в себе, в которых она так нуждалась. Таким образом, ее низкая самооценка осталась неизменной.

Ей казалось, что ничего, связанное с ней, не может быть позитивным, включая ее бессознательное, поэтому ей было очень тяжело довериться, или даже приблизиться к нему. Большая удача, что ей удалось выдержать всю фантазию, но, несмотря на это, она была довольно далека от бессознательного, как мы увидим по форме, которую принимает это активное воображение.

Сильвия видит фантазию как чужую историю, которая происходила во времена ее дедушек и бабушек из-за того, что ее отец не верил в себя и в свою жизнь. Поэтому ей пришлось обратиться к эпохе праотцов, и, как мы увидим, она погрузилась в более древние, в так называемые языческие времена, чтобы найти решение проблемы. Она не могла найти его ни в своем отце, ни в христианстве.

Фантазия повествует о крестной матери, которая, будучи богатой, умерла несколькими годами ранее и оставила своей крестнице единственную, судя по всему, незначительную, вещь – старый ключ. С тех пор крестница хранила его на своем письменном столе, и почему-то никак не могла забыть о нем. Чтобы разобраться, наконец, с этим, она решила записать историю, которую ее крестная рассказала о ключе незадолго до своей кончины.

Крестная никогда не была привлекательной девушкой; весьма рано она решила оставить поиски любви и счастливого замужества в пользу своей карьеры. И ей так хорошо это удалось, что она оказалась на одной из руководящих должностей в большой фирме, еще, когда была совсем молодой. Она заработала достаточно, что могла позволить себе все, чего хочется, но никогда не разрешала себе думать о чем-либо излишнем.

Крестная сокрыла себя от всех удовольствий жизни, и никогда ни о чем особо не мечтала. Что ей чего-то в жизни не хватает, она замечала лишь по выходным дням. Как-то в субботу в кафе во

время ланча опрометчивый шаг привел ее к целому приключению. Гер Шульце, странный человек, с которым они даже и по духу близки не были, пригласил ее составить ему компанию в поездке в Люцерн. Погода была в тот день приятной, и она согласилась. У него была своя машина, что в те времена было редкостью.

Поездка для крестной была просто чарующей; зачастую ей казалось, что они как будто бы летят, да и старинный громадный дом в старом квартале Люцерна был просто превосходен. Она не проснулась от своего очарования до тех пор, пока Гер Шульце не закрыл на ключ дверь комнаты, в которой они находились, и не начал заниматься с ней любовью. Когда она отвергла его, он разозлился и попытался избить ее. В панике она схватила необыкновенно острый нож для разрезки бумаги и вонзила его Шульце в спину. К своему ужасу она обнаружила, что убила его.

Позже она узнала, что он использовал этот старинный дом как бордель, и что множество юных девушек там было заточено. Хотя она немедленно сдалась полиции, и ей предстояло слушание по делу об убийстве, ей вынесли полный оправдательный приговор, ведь она действовала в рамках самозащиты. Так как ее похититель не оставил завещания и не имел наследников или родственников, все его деньги и старый дом, названный подходяще «Дом Золотой Свины», были унаследованы девушками, на которых тот заработал свое состояние. Их было 15, и большинство из них все еще были совсем юны, поэтому она с помощью юриста оказалась ответственной за их состояние.

Для большего понимания мы должны помнить, что эта фантазия принадлежит крестной, которая выступает в качестве псевдонима для Сильвии. Этот первый эпизод ее приключения весьма характерен для женщины с комплексом негативного отца, чье деструктивное влияние ни в коей мере не было облегчено матерью. Фантазия показала, что все, что ее отец мог ей дать для формирования характера – это склонность к бизнесу и эффективность в нем. Хотя крестная показывает нам, насколько исключительной была Сильвия в этом отношении, она никогда к этому не стремилась. Поэтому, эти элементы составляли в ней тенденцию управлять жизнью рационально и подавлять все спонтанные чувства. В Сильвии образ отца также оставался активным в образе анимуса, который обращался с ней так же, как

с крестной мужчиной, познакомившийся с ней субботним вечером. Толика духовности, которой обладал отец Сильвии, передалась ей в форме традиционного христианства. Ей казалось, что она верит в это, но её вера не была такой уж искренней. Чтобы заполнить свободные выходные крестной, этого не хватало. Мать не передала ей какого-либо представления об отношениях, которое бы предупредило о возможной опасности, исходящей от следования за незнакомцем, поэтому анимус буквально поймал ее и унес в фантазию. Анимус уже завладел юными девушками, которые символизируют ее женственную природу, и сделал их проститутками.

Отношение отца как у Сильвии часто выливается в проституцию. Мне знаком не один случай, когда такие девушки становились проститутками, к ужасу их высокоуважаемых лицемерных отцов. Эта же судьба могла постигнуть и Сильвию, но, как оказалось, ей хватило силы ума, чтобы побороть этот соблазн. Это видно из того, что она приписывает всё приключение крестной матери, таким образом эта ситуация пережита ее Самостью, которой удается положить конец опасности для Эго Сильвии стать проституткой в старинном доме, который, собственно, является символом Самости. (Примечание автора: Моя собственная крестная жила в прекрасном старинном доме елизаветинской эпохи; мне часто снился этот дом, и Юнг всегда толковал его как Самость).

Что касается оставшейся части фантазии, все происходит уже с Самостью, а Эго выступает в качестве наблюдателя, вплоть до энантиодромии в конце. Эго как будто бы наблюдает со стороны. Это видно из того, что Сильвия сама не играет роли в воображении, тогда как Эдвард принимал в нем участие с самого начала.

Ее крестная с радостью соглашается взять на себя заботу о девушках (у Самости всегда был совершенно другой подход к женскому началу, Эросу, чем у самой Сильвии), и собирает их всех на званый обед в самом красивом зале дома. Она рассказывает им об их наследстве, вступая в борьбу с их давней апатией, но они едва ли выражают свою радость. Им кажется невозможным вернуться обратно в свои семьи к своим предыдущим жизням, и они единодушно против того, чтобы

дальше работать проститутками. Никому из них не хочется иметь ничего общего с «Домом Золотой Свиньи», поэтому они решают прибыльно продать его и вложить деньги в покупку разрушенного замка в лесах недалеко от Люцерна.

Они купили старинный замок, и не подпускают к себе никаких мужчин, кроме архитекторов и строителей по необходимости. Женское начало отделено и держится на расстоянии от анимуса. Чтобы не дать мужчинам проникнуть внутрь, они строят неприступную стену вокруг купленных земель. Дальше по мере своих сил девушки помогают со строительством; как только оно закончено, они управляют замком своими силами. Одни занимаются на кухне и по дому. Другие девушки занимаются устройством сада в окружении дома, где они находят усладу в выращивании редких растений. Четверо весьма музыкальны, и образуют квартет, без усталости репетируя и радуя всех остальных ежедневными концертами. Еще несколько посвящают себя собственному занятию Сильвии – рисованию, и плетению прекрасных ковров.

Одна из девушек, которую зовут Эрика (вереск), находит в саду каменный блок и посвящает долгое время тому, чтобы высечь скульптуру прекрасного юноши. Эта работа вызывает интерес у других девушек, и ближе к завершению вокруг Эрики постоянно собирается группа восторженных зрительниц.

Довольно любопытно, что Эрика – единственная девушка, которую называют по имени. Эрика, что значит вереск (Heidekraut – вереск, нем.) – это растение, которое, согласно германским поверьям, является священным для богини-матери. Говорят, что он цветет во время женских празднеств (карманный словарь по немецким суевериям, см. «вереск»). Белый вереск известен в качестве оберега от Дьявола, и венок из вереска вокруг зеркала, согласно суевериям, отгоняет от дома злых духов. Как мы увидим, именно эта статуя, созданная Эрикой, вдохновляет жителей замка на первый фестиваль. Поэтому важно, что имя скульпторши совпадает с названием растения богини-матери, наделенным силой изгнания Дьявола.

Очень интересно, хотя и неудивительно, что все девушки, которых так долго держал в заключении анимус, заинтересовались местом,

куда отец не способен попасть, подобно тому, как Сильвия, когда-то выбравшая рисование. Очевидно, женская природа осталась нетронутой, и теперь она полностью во власти Самости. Искусство, сад и домашние заботы далеки от интересов отца, и эта местность показана как поле возможностей для Сильвии. Также очень важно, что именно статуя, которая, как позже окажется, изображает бога Эроса, притягивает всеобщее внимание. Эрос, отношения, женское начало, именно это является избранной частью всей фантазии. Юнг говорил, что женщины, которые нашли свое начало, могут сделать все, что угодно из любви к мужчине, тогда как женщины, способные на многое из любви к вещи, редки. Более того, можно сказать, что бессознательное породило эту фантазию для того, чтобы указать Сильвии на ее начало, которое было заблокировано дурными родителями.

Квартет, который услаждал их слух по вечерам, тоже важен. Музыка символизирует чувства, которые ей давались тяжелее всего из-за постоянного рационального расчета, свойственного ее анимусу. Как мы уже видели, ему всегда удавалось подавить ее спонтанные чувства. Сильвия на самом деле любит музыку, которая явно стала компенсацией ее подавленным чувствам.

Итак, сознание Сильвии даже не заметило, что именно статуя юной и неземной красоты привлекает внимание всех пятнадцати девушек. Крестная мать позволяет себя вовлечь в организацию замечательного праздника в честь крещения статуи, которую девушки относят на островок в центре озера в саду. Несколько дней на кухне готовятся всевозможные яства, а сад украшается неисчислимым множеством китайских бумажных фонариков. Саму статую девушки украшают цветами. С восходом полной Луны они поют и танцуют вокруг статуи юноши, и, окрестив его Улиссом, обрызгивают его водой. После этого счастливые девушки впадают в меланхолию и молча, возвращаются.

Сознание Сильвии впервые получило ясное предупреждение. Хотя эти фантазии продолжаются довольно долго при том, что сознание выступает лишь в качестве наблюдателя, то речь идет о пассивном, а не активном воображении. Это больше похоже на просмотр кино, чем попытку наладить контакт между сознанием и бессознательным. То, что девушки назвали статую Улиссом,

должно было проникнуть в сознание Сильвии и предупредить ее, что ей предстоит долгое и болезненное путешествие во времена греческих богов, чтобы вновь обрести утерянный Эрос. Но ей не удастся зафиксировать это предупреждение; следующее событие, происходящее в фантазии, становится для нее полным сюрпризом.

Богopodobная статуя обретает жизнь, и, напевая голосом неземной красоты, проходит через ранее невидимую дверь в стене, а за ней в один ряд следуют все пятнадцать радостных девушек.

Даже сейчас сознанию Сильвии не удастся очнуться вовремя. Оно просто наблюдает за необъяснимой сценой, оцепенев, и не может очнуться до тех пор, пока уже не стало слишком поздно.

Последняя девушка уходит через дверь в прекрасный свет, который сияет позади стены из леса. Пока Сильвия добирается до двери, чтобы позвать девушек обратно, перед ней вырастает старая железная дверь, покрытая плющом. Она закрылась прямо перед ее носом, и видно лишь большое отверстие для ключа. Восстановленный замок также исчез; только руины, что они когда-то купили, стоят на его месте.

Мы уже встречались с Улиссом (или Одиссеем, на греческий лад) в качестве архетипического образа или основания для путешествия, на которое решил Эдвард. В самом деле, приключения Эдварда достойны того, чтобы назвать их одиссеей. Естественно, так как Сильвия – женщина, Улисс возникает в ее истории иначе: в качестве статуи, как магнитом притягивающей девушек, представляющих собой женское начало. К огромному сожалению, он уводит их вместе с самой Сильвией, как всегда в таких ситуациях поступает анимус, если женщина не распознает его в достаточной степени. Как мы уже видели, было несколько указаний на то, что что-то подобное может произойти.

Эта часть очень живо показывает, что со временем происходит с фантазией, если сознательное Эго выступает в качестве наблюдателя и не принимает активного участия. Случай Сильвии является интересным контрастом случаю Эдварда. Из-за того, что его сознательное Эго принимало активное участие в ее развитии,

фантазия продолжалась около года, и не было даже намека на то, что она может исчезнуть. С другой стороны, в случае Сильвии мы видим пассивное воображение; она только наблюдала, как если бы сидела в зале кинотеатра или записывала историю. Поэтому девушки, символизирующие ее женское начало, снова исчезают в бессознательном, оставляя лишь скважину, под которую нужно найти ключ.

Ясно, что прекрасная богоподобная статуя – это Эрос, сокровище, нужное ей больше всего. Как говорилось ранее, имя, данное ему девушками, указывает, что перед ней лежит долгий путь, полный приключений, прежде чем она достигнет своей цели. Искать ее следует в античности, ведь в христианской эпохе женское начало слишком сильно игнорировалось, чтобы его можно было там найти.

На примере Эдварда мы видим, насколько яснее взаимодействие между сознанием и бессознательным в историях о богах античности, например, в Илиаде или Одиссее Гомера, чем в наше время. Христианство не только подавило эрос-начало чисто маскулинным Богом, но и подавило темную сторону, стараясь обращать внимание лишь на свет. Тогда это было необходимо, но теперь, 2000 лет спустя, нам придется вернуться к так называемым языческим временам, чтобы обнаружить равновесие света и тьмы. Во время христианской эпохи противоположность света была на долгое время обособлена, и нынешняя ситуация показывает нам ежедневно, насколько опасно подавлять зло на протяжении долгого времени. Подобно богам Дальнего Востока, греческие боги также были и позитивными, и негативными, поэтому вполне логично, что наше воображение обращается как раз к античным богам.

Хотя фантазия исчезает, старания Сильвии не прошли даром. Она завершила первую стадию активного воображения – позволила событиям развиваться в своем бессознательном. И действительно, ее фантазия не заканчивается с исчезновением бога и девушек.

Юнг часто упоминал легенду о сокровище, поднимающемся на поверхность спустя девять лет, девять месяцев и девять дней. Если сознательный человек находится в нужном месте, чтобы

забрать его, то все прекрасно; если же нет, оно опять утонет и ему снова потребуется девять лет, девять месяцев и девять дней, прежде чем оно явит себя опять. Сильвия упустила момент, когда она могла проследовать в открытую дверь. Если сознательное Эго не будет принимать участие в фантазии, и Эго не осознает, что их следует выводить на поверхность сознания, в настоящую жизнь, то подобные фантазии никогда не остаются надолго.

Крестная, символ Самости, показала Сильвии самое ядро ее проблемы и что ей придется сделать, чтобы ее решить. Хотя фантазия и продолжается, Сильвия все еще позволяет ей происходить с крестной матерью, которая очевидно стала образом ограниченного сознательного Эго, не имеющего ни малейшего понятия, что с ним произошло.

Когда крестная обнаруживает, что весь проделанный труд обратился в руины, она с грустью покидает Люцерн и возвращается в город, который называет X, где она работает. К ее великому изумлению, никто в офисе не заметил ее отсутствия; иными словами, фантазия, которая, как казалось, заняла многие месяцы, а то и годы, на самом деле длилась не дольше выходных, и она вернулась на свое обычное рабочее место в понедельник утром. Хотя поначалу крестная могла работать юристом и дальше, но фантазия оставила на ней свой отпечаток. Секрет, которым ей было не с кем поделиться, сделал ее изолированной и отвергнутой всеми.

Юнг описывает такой эффект фантазий во второй части «Психологии и Алхимии». Он пишет:

В подобных вмешательствах всегда есть что-то жуткое, поскольку лицу, которого они касаются, это кажется иррациональным и необъяснимым. Они вносят исключительной важности изменение в личности, так как они моментально превращаются в болезненный личный секрет, который изолирует человека от его окружения. Это то, о чем мы «не можем никому рассказать». Мы боимся, что нас обвинят в психических отклонениях, и не без причины, ведь то же самое происходит с душевнобольными. Даже так, это далекий крик интуитивного восприятия, что подобное вмешательство патологически заблачивается, хотя обывателю этого не понять. Изоляция через секрет, как правило, приводит к

одушевлению психической атмосферы как замены утерянного контакта с другими людьми.

Именно это и происходит с крестной, продолжает в своем рассказе Сильвия. Крестная не осознает происходящего с ней, и поэтому оно проявляется в виде психосоматики, как это часто и бывает. Она постоянно болеет, хотя раньше отличалась своим крепким здоровьем, теряет работоспособность. В конце концов, она серьезно заболевает. У нее держится высокая температура несколько дней, после чего доктор назначает ей отдых в горах. У нее наконец появляется время обдумать, что с ней произошло. Она ходит на долгие прогулки и решается потратить оставшиеся несколько дней отдыха на то, чтобы отправиться в Люцерн и выяснить, что же произошло на самом деле.

Как говорилось раньше, Сильвии все еще видится происходящее с крестной, а не с ней самой, и все яснее становится, что этот образ – больше не ее Самость, а ее Эго, которое слепо хватается за истину.

Крестная направляется в старый квартал Люцерна и с легкостью находит старинный дом «Золотая Свинья». Правда, его переименовали в «Золотого Борова», а на первом этаже разместился дорогой ресторан. Она пришла туда немного за полдень, в ресторане почти никого не было. Однако ей удается расспросить об управляющей ресторана. К ее удивлению, она узнает, что ресторан располагается здесь уже не первый год, и что весь дом принадлежит фрейлин Альтвег, живущей на верхнем этаже.

После приема пищи крестная поднимается по лестнице к фрейлин Альтвег, желая выведать историю дома. Она принята более чем гостеприимно, и рассказывает свою историю, пусть и несколько сбивчиво. Она начинает с того, что уже была в этом доме, еще когда тот принадлежал Геру Шикельгрэберу, юристу, которому девушки продали дом. Фрейлин Альтвег немало удивлена, она говорит, что так звали ее деда, который был весьма известным юристом в Люцерне, и от которого она через мать унаследовала дом. Она говорит: «Не может быть, чтобы вы его знали; он умер 60 лет тому назад, а вы моложе меня». Фрейлин Альтвег замечает беспокойство крестной и просит ее рассказать историю от начала

до конца. «Я знаю, что вы расскажете мне правду», добавляет она. К ее огромному облегчению, крестная, наконец, может прорваться через свою изоляцию и поведать все фрейлин Альтвег.

Когда крестная закончила свою историю, фрейлин стала стремительно просматривать свои старые бумаги, и оказалось, что рассказ крестной основан на фактах. Гер Шикельгрэбер действительно купил дом от наследников Гера Шульце, и письма указывают на то, что они были убиты. В этот момент обе женщины чувствуют, что Сильвии пришло видение из далекого прошлого.

В начале двадцатого века книга, содержащая описание подобного опыта, была весьма популярна в Англии, так как в правдивости ее двух женщин-авторов сомневаться не приходилось, и, хотя они печатались под псевдонимами, их личности были известны с самого начала. Первая – Мисс Энн Моберли, дочь Епископа Солсбери, ставшая первым директором женского колледжа имени Святого Хью в Оксфорде. Она настолько успешно им управляла, что к 1907 году он стал одним из четырех лучших женских колледжей Оксфорда. Второй была ее подруга Мисс Элеанор Жордэн, которая была заместителем директора этого колледжа в течение нескольких лет. Помимо этого она была главой школы для девушек в Англии с филиалом для старших девушек в Париже. Поэтому обе в то время были весьма знамениты.

В 1901 году они посетили Версаль и увидели Трианон в точности таким, каким его видела Мария Антуанетта. Они увидели не только людей, одетых в костюмы 1789 года, но и земли во многом отличались от того, какими они были в 1901. Следующие несколько лет они провели в поисках подтверждений и уточнений того, что видели, и расследовали, были ли какие-либо графические доказательства тому, что они видели. Только после этого они остались целиком и полностью удовлетворены искренностью своего опыта, чтобы издать свою книгу. (Они опубликовали ее в 1911 под названием Приключение под псевдонимами Мисс Морисон и Мисс Ламонт, и книга моментально стала популярной. Я прекрасно помню, как читала ее в свои двадцать, и как ее все вокруг обсуждали. Ее много раз перепечатывали в разных изданиях. Насколько мне известно, в последний раз ее напечатали в 1947 г. в издательстве Faber &

Faber, Ltd., в Лондоне. Это издание, разумеется, давно распродано, но ее все еще можно купить с рук. Мне она показалась весьма интересной).

Юнг описывает в Воспоминаниях, Сновидениях, Размышлениях несколько похожий опыт, полученный им и Тони Вульф. Я слышала, как и Юнг, и Вульф говорили о нем как об одном из самых невероятных событий в их жизни. Более того, у меня создалось впечатление, что Тони Вульф все еще сомневалась, что она не видела эти фрески в обычной реальности. Хотя было абсолютно точно доказано, что они не существуют уже несколько сотен лет.

Я сама пережила подобный опыт в Париже весной 1913 года. Я обедала в ресторане с отцом, сестрой и дядей, как вдруг все окружение и люди переменялись, хотя ресторан остался таким же. Все пребывали в состоянии великого возбуждения, обращаясь ко всем, кто входил, будто бы спрашивая, есть ли новости. Через несколько минут все вернулось в изначальное положение. Атмосфера была нормальная и даже излишне веселая, но я была встревожена очень сильно.

Следующим утром мы на поезде отправились в лес Фонтенбло. Король Испании должен был появиться там же в тот же день. Пока поезд проходил через туннель, несколько солдат следили за тем, чтобы из поезда не выбросили чего-либо подозрительного. (Это было время, и удавшихся, и тщетных покушений на властителей). Осознание явилось как гром среди ясного неба: «Вчера вечером я пережила состояние войны, и она очень близка». И хотя мне не хотелось в это верить, где-то в глубине моего сердца на протяжении шестнадцати месяцев я была уверена в ее неизбежности. И я была в ужасе, но не очень удивилась, когда она разразилась в августе 1914 года. За некоторыми исключениями подавляющее большинство было уверено, что мы уже стали достаточно цивилизованными, чтобы подобное варварство уже нас не постигало!

Крестной не казалось, что все так просто. Во-первых, было очень странно, что у Гера Шульце была машина, которых точно не существовало шестьдесят лет до 1930 года, в котором она оказалась теперь. И как бы она убила Шульце, родившись много

лет спустя? Однако теперь, когда она нашла сочувствие и понимание у фрейлин Альтвег, они обе всю ночь просидели, пытаясь разобраться в головоломке этих вопросов.

На следующий день они решают отправиться в лес, где расположены старые руины. Стоит жаркий июльский день, и крестная говорит, что из-за жары они как будто находятся где-то посередине между реальностью и сном. Все выглядит так же, как после перестроения замка, и, находясь в этом трансовом состоянии, они совершенно не удивлены что существо, похожее на сатира, получеловека-полукозла, машет им, пытаясь привлечь внимание к предмету, который он держит в руках. Наконец, он бросает этот предмет в бурные воды речного потока. Когда они поднимают его, они обнаруживают старый ключ, тот самый, что крестница получила позже от крестной в завещании. Когда они начинают махать в ответ, чтобы возвестить об успешном получении ключа, старый Фавн пропадает. Руины оказываются тоже где-то вдалеке; они видят лишь радугу, превращающуюся в мост над бурным потоком. Радужный мост кажется им очень обнадеживающим.

Сильвии теперь предстоит осознать, что благодаря фантазии она побывала глубоко в бессознательном, где, как часто говорил Юнг, понятия времени не существует, или же оно сильно отличается от нашего понимания времени. В своей фантазии она переживала настоящее, прошлый век и древние времена задолго до рождества Христова, и все вперемешку.

Как заметила Мария-Луиза фон Франц, имя Шикельгрэбер очень похоже на изначальное имя Гитлера (Шикельгрубер), что показывает нам, что происходит, если мы контактируем с глубинами бессознательного, не понимая, что мы делаем. Под слоем античности: Эрос, Улисс, Фавн – лежит примитивность. Как замечал Юнг, именно классическое образование Ницше позволило ему говорить о Дионисе, когда он затронул эти глубины в своих работах. Юнг говорил, что Ницше на самом деле имел в виду Вотана и его дикую орду, которые лишь спали в бессознательном немцев. И когда Гитлер и его последователи-нацисты позаимствовали его идею сверхчеловека, они всего лишь были одержимы Вотаном, чьи примитивные силы всегда были где-то рядом с поверхностью сознания в Германии. Юнг говорил, что

защитная сила христианства в Германии и других северных странах было намного слабее; немцы не были обращены подобно другим нациям, но были принуждены к христианству. Возможно, это и стало скрытой причиной диких и примитивных событий, произошедших в цивилизованной Германии во времена Гитлера.

Таким образом, когда Сильвия встречается с Улиссом, Эросом и старым Фавном в ее фантазии, она проецирует на классическую античность ее давнее стремление к язычеству и дикой примитивности. Настоящая тому причина – вопрос любви настолько сложен в так называемые «цивилизованные» времена, ведь он ведет нас куда дальше царства христианских ценностей, и даже дальше античности, в опасную, примитивную дикость, которой мы боимся и не знаем, как подступиться. Тем не менее, правда в том, что женщинам придется предстать перед этими дикими, примитивными силами в себе (и фактом, что человеческая природа на самом деле способна на все те ужасы, что происходили в Германии во времена нацистского режима, и все еще происходят повсеместно в мире), прежде чем они смогут обрести утерянный Эрос и женское начало в себе.

Сильвия завершает фантазию, говоря, что, к сожалению, фрейлин Альтвег скоропостижно скончалась, поэтому крестная вновь осталась в одиночестве. Но переживания не оставили крестную насовсем; в течение какого-то времени она проводила все свое свободное время в лесах, так и не увидев и следа старой железной двери, к которой подошел бы ключ, или Фавна, старых руин, или чего угодно еще, что она пережила в видении с фрейлин Альтвег. Она передала ключ крестнице, Сильвии, надеясь, что однажды она найдет таинственную дверь, которую отныне ей есть чем открыть.

Фантазия заканчивается на довольно зловещей ноте. Автор говорит о себе, что он занятой бизнесмен, у которого на подобные вещи нет времени. Итак, вся история рассказывалась от лица женщины, и она озабочена от начала и до конца женским началом и Эросом; иными словами, ядром проблемы Сильвии как женщины. Поэтому эта внезапная перемена пола на мужской, чье начало – Логос и действие, указывает на опасность вновь стать жертвой образа анимуса, впечатанным ее отцом, и потерять стремление найти применение ключу.

Помимо этой опасности чувствуется, что Сильвия обрела многое благодаря этой фантазии. Главное, что была дана задача: воссоединиться с Эросом и девушками, составлявшими ее целостность, ее процесс индивидуации. Фантазия показала ей самую главную цель всей жизни.

Мария-Луиза фон Франц указывала мне на невероятную параллель ключа в фантазии Сильвии и важной сцены второй части Фауста, когда Фауст оказывается вовлечен в поиск «Матерей». Мефистофель дает Фаусту ключ, который он пренебрежительно называет «мелочью». Мефистофель говорит ему не презирать ключ, ведь он покажет ему путь к «Матерям». К удивлению Фауста, ключ растет в его руке, начинает светиться и выбрасывает вперед луч света. Мефистофель указывает Фаусту спуститься за ним, потом добавляет: «Я мог сказать, «направься ввысь». Это предложение, которое так часто цитирует Юнг, показывает полную гармонию противоположностей – жизненно необходимый фактор в процессе индивидуации.

Как видно из фантазии, Сильвия тоже презирает свой ключ. Она жаловалась, что ее крестная, богатая женщина, ей оставила лишь «маловажную вещицу» - старинный ключ. Хотя на самом деле ее крестная оставила ей наиболее ценную вещь для женщины: ключ, способный открыть путь к Эросу и целостности. Если она, подобно Фаусту, сможет удержать его, из тьмы, оставленной ее отцом, появится свет, и во второй половине своей жизни она сможет обрести в Самости уверенность и надежность, в которых ей было отказано в первой половине жизни очевидно нерадивыми родителями. Я говорю «очевидно», так как люди с хорошими родителями и счастливой первой половиной жизни редко проявляют стремление заглянуть глубже, и часто теряют свой путь тщетно.

Как пишет Юнг в Воспоминаниях: «Для человека основной вопрос в том, имеет ли он отношение к бесконечности или нет? Это его главный критерий. Только когда мы осознаем, что существенно лишь то, что безгранично, и что оно, это безграничное, в свою очередь, существует, мы теряем интерес к ничтожным вещам и неважным целям». Ключ Сильвии – это уникальный шанс ответить на «основной вопрос» ее жизни положительно, ведь именно он

приведет ее к бесконечному, если она научится не презирать его и доверять себя его руководству.

Глава 4. Бессознательное готовится к смерти

Случай Беатрис

Случай Беатрис – более продвинутый пример активного воображения, чем оба предыдущие. Он показывает, что эта форма активного воображения способна подготовить человека к самым неожиданным кризисам, даже смерти, при условии верного использования. Приведенный ниже материал относится к последним семи месяцам жизни Беатрис и показывает, как постепенно ее притягивало к центру, и как она покинула позицию Эго и научилась приспосабливаться к позиции Самости.

Беатрис была анализантом в течение многих лет, и сама уже успешно анализировала. Ей не было предопределено судьбой долгой жизни. Доктор Юнг предупредил ее психоаналитика, что, как он предполагал, ранняя смерть была наиболее вероятной, и, в самом деле, она едва ли достигла возраста пятидесяти пяти лет.

К моменту начала нашего рассказа Беатрис занималась активным воображением уже довольно давно; оно ей всё больше представлялось убежищем, когда что-то начало идти не так. Благоразумие не позволит мне описывать эти сложности более ясно, поэтому я лишь скажу, что они были вполне характерны для замужней женщины её возраста. Её дети росли и покидали родительский дом, что всё неизбежнее оставляло её наедине с проблемами с мужем. Она его любила слишком сильно, и при этом была склонна волноваться больше, чем стоило. Помимо этого ее постоянно мучила необоснованная ревность, хотя это и компенсировалось ее полной осознанностью. Она была, как называл это Юнг в статье «Брак как Психологические Отношения», «сдерживателем» в браке. Юнг позже определял этот термин как партнера в браке, у которого было больше всего граней, чувства которого не заключались только внутри брака, или партнера, «смотрящего из окна». В своей собственной практике, она также была склонна к контрпереносу на своих мужчин-психиатров, и как раз это не давало ей покоя в то время, с которого начинается наш рассказ.

У Беатрис был очень позитивный анимус, который вел ее в активном воображении; помимо этого, образ цветка в дремучих лесах становился все более важным для нее. С этого приблизительно начинается наш рассказ.

О цветке она говорит:

Ты, чудесный цветок из серебра и золота, как будто сияющий центр во мне, у которого я учусь жить. Я больше не могу жить сама по себе, но мне приходится жить из этого другого центра, где еще живет мой божественный дух. Тайна цветка объединяет меня с безвременностью, даже с вечностью.

Ясно, что этот цветок – символ Самости у Беатрис. Он – притягивающий к себе центр. Этот материал показывает нам, насколько точно его описывал Юнг в *Психологии и Алхимии*.

Нам не избежать ощущения, что бессознательные процессы движутся по спирали вокруг центра, постепенно приближаясь к нему, при том, что образ центра становится все более четким. Или же мы можем перевернуть все с ног на голову и сказать, что центр, сам по себе непознаваемый, ведет себя как магнит с различными элементами и процессами бессознательного и постепенно захватывает их будто бы в кристаллическую решетку...

В самом деле, кажется, что личностная запутанность и серьезные перемены фортуны, что создают интенсивность жизни, ничего более, чем сомнения, робкие сокращения, почти что мелкие сложности и жалкие оправдания, созданные для того, чтобы не представлять перед лицом финальности этого странного и жуткого процесса кристаллизации. Нередко создается впечатление, что душа бегаёт вокруг центральной точки подобно робкому животному, любопытному и пугливому, постоянно бегущему прочь, придвигаясь все ближе.

Беатрис старается как может, чтобы достичь центра, о котором говорит Юнг. Она даже надеется жить им, а не сознательным Эго. Но, как и все мы, она более робка, чем сама это осознает, и все равно убегает от него время от времени, что мы и увидим.

Беатрис продолжает рассказ:

Цветок – это дом, который я себе строила целую вечность. Я уже переселилась в него, чтобы у моей души было свое место, когда тело мое погибнет. Это кусочек райского сада.

Здесь Беатрис вероятнее всего была вдохновлена статьей Ричарда Вильгельма «Смерть и Возрождение Китая», в которой он объясняет, что китайцы не превозносят жизнь так, как это делаем мы. Наиболее древние китайские документы указывают, что величайшая удача, которую способен постичь человек, это встретить смерть, которая станет венцом всей его жизни, и самая большая неудача – встретить смерть неподходящую, нежели ту, что была предначертана. Конфуцианцы полагают, что к этому событию следует готовиться; в течение жизни следует уделять внимание телу, причем тонкому телу духовной природы, созданного из мыслей и работы, телу, поддерживающему сознание в тот момент, когда оно покидает это тело. Беатрис, видимо, надеялась, что этот цветок разовьется в тонкое, духовное тело, которое поддержит ее сознание, когда она умрет. Мне неизвестно, предостерег ли ее Юнг о ее ранней смерти; вне зависимости от этого, она, видимо, чувствовала это сама, и была необыкновенно заинтересована в построении этой опоры в относительно молодом возрасте. Как мы увидим, она не прогадала.

Из нижеследующего материала может сложиться впечатление, что Беатрис была излишне оптимистична, или скорее предвкушала будущее, когда она говорит, что уже переселилась в дом. На самом деле она осознала его объективное существование, и очевидно ее целью стало в него перебраться.

Подобно многим из нас, ее волновали мировые события. Она решила обсудить их с ее позитивным анимусом, своим духовным наставником. Она говорит:

Великий Духовный Наставник. Помоги человечеству не уничтожить и не разрушить себя. Помоги нам против демонов тьмы, что угрожают нам. Помоги нам против злого бога, который может уничтожить нас, и планирует еще большее зло, чем мы сами.

Он отвечает:

Думай о цветке, ибо в нем все едино.

Затем она видит белую птицу. Она влетает в цветок, купается в его свете, а затем улетаает, возвращаясь в мир.

Ее духовный наставник прав в том, что привлекает ее внимание к объединенным противоположностям цветка, ведь единственная надежда для нашего разорванного на части мира в том, что воюющие стороны объединятся. Когда мы оцениваем состояние мира, что Беатрис и делала, мы узнаём, что одна противоположность всегда старается одержать верх над другой. Коллективно мы ни на что не способны, ведь, как постоянно говорил Юнг, единственное место, где мы можем сделать для себя что-либо лично – внутри нас самих. Это следует за принципом заклинателя дождя (Глава 1): если один индивид в Дао, месте, где противоположности соединены, он оказывает необъяснимый эффект на окружение.

Осознает это Беатрис или нет, она делала все, что могла для состояния мира, когда она повиновалась духовному наставнику и последовала навстречу цветку. Птица, за полетом которой она наблюдала, дает нам ключ: мы не можем надеяться быть вечно свободными от противоборствующих противоположностей, но мы можем осознать, что место, где мы можем быть едины, *внутри нас*, и мы можем научиться посещать его, позволяя его свету сиять во внешний мир. Если достаточное количество людей осознает важность этого и направится к этому внутреннему месту, они смогут выдержать напряжение противоположностей снаружи, что, как говорил Юнг, является первоочередной целью для избегания ядерной войны. Птица укажет нам, как это сделать.

Беатрис оставила запись о своих посещениях цветка, которые случались примерно дважды в месяц. Она, скорее всего, думала о нем постоянно, и, соответственно, ее посещения со временем учащались.

В следующей записи о посещении цветка она отражает, что осознала единение противоположностей как никогда ясно. Она говорит:

Я направляюсь к цветку и созерцаю его. В нем что-то соединилось, что-то, что раньше было противоположным. Это – чудо. Возможно, дух этого цветка сможет исцелить мир и защитить его от войны. Я молю его об этом.

И следующей ночью:

Я иду в место, где два превращаются в один, где золото и серебро, солнце и луна объединяются, и где человек также становится одним с самим собой.

В алхимии солнце и луна представляют собой полные противоположности. Юнг детально описывает это в *Mysterium Coniunctionis*. Солнце, само собой, представляет мужское начало, луна – женское. Сочетание этих двух означало объединение двух абсолютных противоположностей. Благодаря этой фантазии Беатрис осознает, что Самость в ней выдерживает напряжение между двумя абсолютными противоположностями, с чем само Эго бы точно не справилось. Золото и серебро тоже часто используются в алхимии как символы противоположности: золото всегда ассоциируется с солнцем, а серебро – с луной.

Затем Беатрис жалуется на то, что контрперенос ее сильно беспокоит. Она неспособна понять его значение, поэтому она идет в лес и рассказывает своему духовному наставнику, насколько ей от этого грустно. Она обвиняет его в появлении в образе мужчины и просит его не быть таким жестоким.

Все больше мы видим, как она приносит свои внешние проблемы к цветку или духовному наставнику; на следующий день она гуляет по тому, что назвала своим «сказочным лесом», постоянно взывая к нему. Наконец он приходит, идет рядом с ней и приводит ее к цветку. Они стоят перед ним в тишине, держась за руки, и «наблюдают великое чудо единства». Она спрашивает, существует ли огонь, который, горя, не пожирал бы себя и все вокруг. Он предлагает ей посмотреть на цветок и увидеть, как светло и тепло он горит, не уничтожая себя и все в округе. Он сообщает ей, что цветок – это символ и дитя их любви и всей той любви, которую она когда-либо дарила людям. Затем наставник

упрекает ее в грусти и советует пережить контрперенос с радостью, ведь он принадлежит к ее психическому, и он уместен.

Это вводит Беатрис в бешенство, и она зло заявляет, что грустить и страдать – ее право. Она обвиняет его в жестокости, говоря ему, что ее любовь к нему превратилась в ненависть, что он – чудовище, и она не хочет иметь с ним больше ничего общего.

Такие внезапные проявления отвращения – ничего необыкновенного для глубин бессознательного. В непростой внешней ситуации, человек вдруг теряет веру в свою фантазию, или считает, что сам ее целиком создал. Я поняла, что лучший способ сражаться с этой проблемой – задуматься о том, как объективно активное воображение помогало мне в прошлом, пока я не восстановлю постепенно свою веру.

Но когда само бессознательное решает вернуть человека к чувствам, и именно это происходит в этот момент с Беатрис. Она не может стряхнуть фантазию, как бы сильно она ни пыталась; она все еще в лесу, но он резко потемнел. И цветок, и ее духовный наставник исчезли; она боится, что упадет в пропасть, сделав шаг в любом направлении.

Она снова бросается в отчаяние, но оставаться лежать на земле слишком холодно. Беатрис решает медленно начать движение, даже если ей предстоит упасть в пропасть, она думает, что ничего хуже, чем ее нынешний страх, уже быть не может. Беатрис думает о своем муже и доме, и решает, что потеряла все из-за любви к духовному наставнику – любви, которая теперь стала ненавистью. Коснувшись дна отчаяния, она даже обвиняет сам прекрасный цветок в предательстве, ведь он должен быть вечным, а теперь он исчез.

Беатрис «подобно робкому животному» устремилась по направлению от центра. Но эта темнота, которую она переживает, это то, что Святой Хуан де ла Крус называл «темной ночью души». Но Беатрис, по всей видимости, совсем забыла, что она сама себе вызвала все трудности, обвинив своего духовного наставника во всех своих бедах, и до сих пор винит. Можно удивиться тому, с чего это старые мистики допускали темные ночи души и забывали, что сами же это и сделали. Как я неоднократно указывала в моем

описании жизни Юнга, что пока человек не помнит о своих путях, его может постигнуть любая беда, до тех пор, пока он не вспомнит и не признает свою вину. Но Беатрис все еще проектирует всю вину; поэтому темнота никуда не девается.

В этот момент происходит что-то очень важное: она осознает, что, хоть и темно вокруг, ее медленная прогулка проходит не так уж плохо, и она удивленно спрашивает: «Может, сама темнота питает меня?»

Именно это ей не удалось осознать во внешнем мире. Она восстала против страдания и неясности контрпереноса; она не видит ничего хорошего в своем страдании. Ее любовь к духовному наставнику обратилась в ненависть из-за ее подозрений в том, что у него недобрые замыслы, что он даже не позволяет ей рыдать. При том, что она интроверт, для нее, естественно, непросто увидеть цену внешних страданий. Бессознательное довольно часто делает то, что оно сделало в случае Беатрис: создает отвергнутую неясность и темноту *изнутри*, где интроверту намного проще оценить их по достоинству и осознать, что они питают ее.

Тем не менее, она все еще очень одинока и боится, что положение дел никогда не переменится. Она задумалась, не изменит ли раскаяние отношений, сделав их такими же хорошими, как были изначально. Она продолжает:

Но я не могу раскаяться; он причинил мне слишком много боли. Почему я обязана раскаяться? Я не смогу его снова полюбить, и я потеряла все, что было между нами. Я знаю, что он был моим богом, моим светом и теплом, но также моей пыткой и отчаянием. Поэтому я больше не могу любить его. Я предпочитаю эту тьму.

Затем она ударилась ногой обо что-то жесткое; нагнувшись за предметом, она находит любопытный стеллаж с книгами. Она отбрасывает книги одну за другой, просматривая их.

Очевидно, Беатрис пришла в место, описываемое алхимиками: «Разорви книги, чтобы не разбить себе сердце». Читать книги – «одна книга открывает другую» - рекомендуется вновь и вновь в

алхимии в качестве способа поистине изучить «наше искусство», но вдруг все, что узнала Беатрис опосредованно, стало ей помехой. Только свой собственный опыт жизненно важен, ведь путь каждого человека уникален, хотя вплоть до последних стадий процесса индивидуации, книги, содержащие опыт других людей, могут указать человеку пути. В данный момент Беатрис стоит сконцентрироваться на факте, что она *пережила* тьму, питающую ее, и поэтому она должна принять все свои страдания как неотъемлемую часть жизни. «Страдания – самый быстрый способ на пути к совершенству», как говорит нам Майстер Экхарт.

Процесс выкидывания книг моментально оказывает влияние на Беатрис. Она уже видит что-то вроде дальнего света – слабое свечение, менее темное, чем его окружение. Она идет в том направлении. К ее удивлению, она видит, что рядом идет кто-то еще. Когда она спрашивает, кто это, он отвечает: «Твой друг». Хотя она рада, что одиночество осталось позади, она отвечает: «У меня нет друзей». Они идут в темноте дальше, друг с другом рядом. Поначалу они идут в тишине, потом он говорит ей, что ей просто казалось, что она одна. Он всегда был рядом, говорит он, ведь он – ее судьба; с ним бесполезно бороться, ведь они двое едины. Без укора он показывает ей, что иногда он приходит к ней снаружи, а теперь он в этом контрпереносе, который она все никак не может принять. Беатрис возражает, что человек настолько странный, что он никак не может быть ее частью. Он спрашивает ее: «В таком случае, ты знаешь, кто ты?» Она признает, что никогда не знала свою личность, и что иногда она чувствует, что она непонятный человек с непонятной судьбой. Даже когда она была ребенком, она задумывалась об этом и спрашивала себя: «Есть эта необычная женщина Беатрис, как ее называют. Но кто она такая на самом деле?» Она спрашивала, предстоит ли ей пережить еще больше страданий с ним. Он отвечает: «Теперь тебе известно, что нам суждено быть вместе; само собой, это уменьшает страдания и делает их переносимыми. Затем человек быстро переходит к цитате Джона Гоуэра: «воюющий мир, сладкие раны, согласное зло». Юнг цитирует эту же фразу в начале введения к «Психологии Переноса».

Теперь Беатрис смирилась с тем, что она сама на себя призвала тьму, отвергнув свои внешние страдания и обвинив духовного наставника за все, что с ней произошло. Юнг говорил, что тогда

как мужчина справляется с проблемой действием – убив дракона, женщина справляется с ней, оставаясь спокойной и приняв свои страдания. В последний раз Беатрис сражается со своей судьбой; с этого момента она принимает страдания в гораздо более женственной манере.

Это новое состояние принятия заставляет тусклый свет сиять немного ярче, и начинает вырисовываться геометрическая форма. Она спрашивает у духовного наставника, действительно ли это вид сверху цветка с восемью лепестками, дитя их любви, плод страданий и боли. Он соглашается и говорит: «В нем все едино, я и ты, в рамках или вне их».

Огромным улучшением является то, что Беатрис видит цветок в форме мандалы – основания, которое человек всегда использовал для выражения невыразимого, называем ли мы это Богом, или, как говорим мы, Самость. Она осознает свою судьбу как *единое*, с ним или без него.

Опять же, она поражена тем теплом, которое излучает ее мандала, при том, что ее огонь не пожирает себя и не причиняет ничему вреда. Когда духовный наставник говорит, что Беатрис должна пройти через огонь, иначе ей не стать огнеупорной, способной выдержать все, она сразу же соглашается. Он подает ей руку и ведет в огонь. Когда они начинают чувствовать его жар, она боится, но при этом осознает необъяснимое стремление пройти через него, как бы больно ей ни было, ведь она не может жить как раньше. Они идут по пылающим углям, и их окружают огни, но вреда ей не причиняют; наоборот, она чувствует, как огонь омывает ее и проходит сквозь нее, как будто сжигая всю пустоту в ней. Когда Беатрис оказывается в центре огня, она теряет сознание, но не падает на землю, потому что все это время они держались с духовным наставником за руки. Она осознает, что благодаря этому стала очень сильной, и разрушение ей больше не угрожает. Ей напоминают об алмазном теле. Но она уже не совсем в нем, хотя ее больше нигде нет, она со стороны смотрит за тем, как ее духовный наставник целует и обнимает другую женщину в центре. Пока они вместе медленно покидают пламя, опустив головы, она идет рядом.

Здесь фантазия идет на неожиданный, но очень правильный поворот. Это не может идентифицироваться с Самостью, не раздувшись при этом до ужасных размеров. Беатрис видит королевскую пару со стороны и себя саму так же, как себя видел Юнг в видении во время болезни в 1944 году. Об этом он пишет: «Я не знаю, какую роль я в них сыграл. Где-то глубоко это был я сам. Я сам был свадьбой. И мое блаженство было блаженством свадьбы». Это полный парадокс: они являются собой и не являются, и человек не может отождествлять себя с одной из противоположностей.

Пройти через огонь – это условие многих, если не всех, ритуалов инициации, и это всегда проводится с целью избавления от лишнего. Беатрис постепенно устанавливает связь с бесконечным и позволяет преходящим связям сгореть дотла.

В настоящей жизни, огонь означает сильные страдания. Беатрис уже увидела цену страданий, когда осознала, что тьма питает ее. Но на самом деле, она должна пережить их во многих формах, ведь таинство вечности на данный момент недоступно для нашего понимания, и мы можем добиться ощущения контакта с ним только переживая самые многообразные опыты. Как мы видели в части, где Беатрис выкидывает книги, только интеллектуального осознания уже не хватает.

Она снова говорит о таинстве любви, и боли, которую эта любовь ей приносит. Но ей сильно помогли его слова всегда следовать за загадочным, появившись оно внутри или вовне. Беатрис всегда чувствовала беспокойство от ее излишнего волнения за мужа и за очевидной бесчувственностью контрпереноса и странности мужчины, от которого он исходил. Учитывая, что она интроверт, для нее очень важно узнать, что этим мужчиной всегда был ее духовный наставник, шел бы он с ней рядом в огонь внутри, или же появлялся в проекции во внешнем мире. Также он говорит ей, что когда человек находится в огне, внутренне или внешне, естественно он не видит его первичный узор. Для этого наблюдателю нужна дистанция, которая была у них, когда они приближались к цветку во тьме, и она впервые увидела его как мандалу.

В следующий раз, когда она входит в фантазию, ее духовный наставник принимает форму человека-медведя. Юнг описывает в письме видение о том, как швейцарский святой, Никлаус из Флюэ, увидел фигуру пилигрима, одетого в медвежью шкуру с золотистым блеском. Юнг говорит, что с одной стороны, он увидел в этом пилигриме Христа, а с другой – медведя, и что так все и должно быть: сверхчеловек нуждается в нечеловеческом образе для соблюдения баланса. Вероятно, именно поэтому духовный наставник Беатрис принял форму медведя. Она забралась слишком высоко, и, как мы увидим, подавляла слишком много эмоций, которых, как ей казалось, у нее быть не должно. Например, любой матери очень тяжело, когда их дети вырастают и покидают дом. Но Беатрис была настолько полна решимости не стать поглощающей матерью и дать детям свободу, что она не осознавала, насколько сильно это ее ранит. Соответственно, эти эмоции подавлялись, и, как Никлаус нуждался в жестокой холодности нечеловеческого создания, чтобы покинуть жену и детей и стать отшельником, так и Беатрис нуждалась в чем-то подобном, чтобы сконцентрировать всю свою энергию и интерес на внутренней жизни, что бессознательное и требует от нее во все больших количествах.

Она, по-видимому, чувствует, что от нее требуется холодность, ведь в следующей части видения огонь сменился снегом. Принимая силу и тепло медведя, она говорит ему:

«Мой духовный наставник, мой Бог, мой великий, могучий медведь, возьми меня в свои лапы и пронеси меня через холодный снег. Я устала и слаба, и больше не могу идти. Благодаря твоей помощи и защите я не сгорела в огне. Теперь пронеси меня через снег, чтобы я не замерзла».

Он нагибается и осторожно поднимает меня, не поцарапав своими когтями. Он невероятно силен, и я чувствую в нем мощь дикого зверя. Он греет меня своим теплом и длинной, мягкой шерстью. Я счастлива с ним; страх покинул меня.

«Ой, не клади меня обратно на холодную землю. Принеси меня в наш дом, где цветет чудесный цветок. Я вижу его вдалеке, как он сияет в холодной ночи. Он – моя цель и мое нерушимое спокойствие. Мой духовный наставник, я знаю, что под шкурой

ты король, бог. Но твое животное тепло защищает меня, мне нужны твои силы и знания».

Он отвечает: «Ты тоже нужна мне, ты, бедное маленькое человеческое существо».

Подобно Никлаусу из Флюэ, Беатрис видит в своем духовном наставнике бога, поэтому для нее приемлемо видеть в нем медведя. Ведь мы должны опускаться настолько же низко, насколько высоко поднимаемся, и наоборот для того, чтобы удерживать баланс противоположностей. Ей нужен ее животный инстинкт, ведь медведица – отличная мать, пока ее детеныши маленькие, но как только они подрастают, она выставляет их в тот же момент, когда они оказываются в состоянии постоять за себя. Затем она посвящает себя собственным заботам, что и требует бессознательное от Беатрис. Беатрис осознает, что она нуждается в тепле и силе медведя, чтобы она справилась с, возможно, самым тяжелым путешествием в жизни: путешествии от Эго к Самости. Иногда это очень холодное путешествие, как здесь, а иногда оно проходит через пламя страданий, как это было здесь раньше. Но бессознательное оказывает ей полную поддержку, предоставляя ей в обоих случаях помощника. Если человек в состоянии ему поверить и услышать его нужды, бессознательное всегда будет играть по правилам; как ее духовный наставник и сказал ей, когда ты находишься в огне (или снеге), ты не видишь основной структуры.

Далее, она продолжает:

Я всегда нахожусь в поисках центра в качестве защиты от моих эмоций. Но, с другой стороны, именно эмоции, ревность и мой контрперенос привели меня к центру. Без них я бы туда никогда не пошла, ведь ничего бы меня не побуждало туда идти.

Она осознает ценность своих эмоций, и все благодаря медведю. До его появления она постоянно пыталась превознестись над ними. Это тоже необходимо, так как мы не можем всегда качаться на волнах эмоций. Но их не следует подавлять, как Беатрис пыталась делать; скорее, их следует принять. И нам следует научиться выдерживать боль и страх, которую они вызывают.

Пытаясь понять центр, Беатрис признает, что, как и все мы, она вообще его не понимает, но осознает все больше, что он – полный парадокс. Она говорит, что живет рядом с огнем, и Самость защищает ее от Самости. И она понимает, что чем дальше она от Бога, тем ближе она к нему: эмоционально она далеко, но именно в этот момент она нуждается в нем больше всего и наиболее искренне его ищет. Он – дикое, ужасное пламя ее страсти, и он же искупление от него.

Юнг пишет в Психологии и Алхимии:

Во всех религиях постоянно наблюдаются логические противоречия и суждения, которые принципиально невозможны, но разве это не есть сущность религиозного суждения? В доказательство этому мы имеем заявление Тертуллиана: «И Сын Божий мертв, что достойно веры потому, что абсурдно. И когда Его похоронили, Он снова встал, что абсолютно точно, так как невозможно». И поэтому религия обедняется изнутри, когда она теряет или уменьшает свои противоречия; но их приумножение обогащает, потому что только парадокс хоть сколько-нибудь приближает нас к пониманию полноты жизни. Отсутствие двойственности и противоречий односторонни, и поэтому не в состоянии передать непередаваемое.

Кажется, что Беатрис не осознавала этот принцип в полной мере до тех пор, пока ее духовный наставник не стал медведем, и в этот момент вся необходимость парадокса снизошла на нее и заполнила.

В следующий раз, когда она приближается к цветку через активное воображение, Беатрис находит его окруженным высокими стенами; он в *теменосе*. В нем четыре двери со всех сторон, выходящие на восток, юг, запад и север. Человек-медведь держит золотые ключи. Он открывает одну из дверей, и они входят внутрь. Моментально она чувствует себя радостно и защищенно, она спрашивает медведя: «Почему?» Он отвечает: «Потому что стены удерживают снаружи всех демонов». Беатрис повторяет ему, как здесь хорошо, ведь цветок сияет чудесным, целительным светом. Она подчеркивает, что она не *внутри* цветка, но стоит рядом с ним, под его защитой и слабым теплом.

Она спрашивает медведя: «Кто построил стену?» Он отвечает, что Бог построил ее для защиты себя от себя, но и из-за него же светится цветок. Вновь шокированная парадоксом, она вскрикивает: «Ужасный, хороший, помогающий Бог!»

Теперь она осознает, что и добро со злом тоже должны быть объединены, и должны быть объединены в Боге. Добро и зло – наиболее яркий пример противоположностей в нас, в особенности для тех, кто был воспитан по христианским устоям. Христианские устои обладали огромным недостатком подавления зла. Из-за этого оно высвободилось, и теперь слепо захватывает все больше людей, чтобы те жили во зле, не осознавая, что делают. Более того, они подавляют добро, светлую противоположность, почти так же сильно, как христианство подавляло зло, темную противоположность. Мы больше не можем позволять себе подавлять любую из противоположностей; мы должны видеть их обе и жить с ними сознательно и ответственно, что Беатрис и старалась искренне делать. К сожалению, очень мало людей осознают это.

С этого момента Беатрис занимается активным воображением намного чаще и посещает свой *теменос* по первой возможности. Оказавшись там, она видит, как звезда сияет в ночи. Она спрашивает себя, кто она. Она звезда? Она думает, что это любопытная судьба, если так; так или иначе, весь ее интерес и страсть в звезде. «Если там есть человек, то только ради звезды».

В седьмом из своих «Семи наставлений Мертвым» Юнг пишет:

Когда пришла ночь и мертвые снова приблизились со скорбными минами, они сказали: Есть еще один вопрос, о котором мы забыли сказать. Научи нас тому, что есть человек.

Человек – это проход, через который из внешнего мира боги, даймоны и души переходят во внутренний мир; из большего мира в меньший. Человек мал и переходен. Вот он уже позади тебя, и снова ты оказываешься в бесконечном пространстве меньшей, глубинной бесконечности. В неизмеримой дали светит единственная Звезда в зените.

Это – один бог этого одного человека. Это его мир, его плерома, его божественность.

В этом мире человек – Абракас, создатель и уничтожитель собственного мира.

Звезда – бог и цель человека.

Это его единственный ведущий бог. К нему человек идет на отдых. К нему в долгое путешествие снаряжается душа после смерти. В нем сияет свет, который человек приносит обратно из внешнего мира. Этому одному богу возносит он молитвы.

Молитва усиливает свет Звезды. Она создает мост через смерть. Она готовит жизнь к меньшему миру и утоляет безнадежные желания большего.

Когда большой мир становится холодным, горит Звезда.

Между человеком и его одним богом ничего не стоит, пока человек может отвернуть глаза от горящего зрелища Абракаса.

Человек здесь, бог там...

Здесь ничего, кроме тьмы и охлаждающей душу влаги.

Там все солнце целиком.

Это поясняет, почему весь интерес и страсть Беатрис внезапно переместились на эту звезду, ведь она резко движется к смерти. Ясно, что бессознательному было известно об ее надвигающейся смерти, и что Самость готовила Беатрис, показывая ей звезду, одного бога и цель для каждого из нас, к которой отправляется в долгий путь душа после смерти.

Звезда производит на нее большое впечатление. Но она отождествляет себя с ней слишком рано, решая, что она может отбросить свои мирские переживания окончательно, моментально став при этом трезво рассуждающей и объективной. Это приводит медведя в ярость, настоящую ярость берсеркера, и он бросается

на нее, как будто хочет порвать на куски. Бежать уже слишком поздно, и она бросается на землю перед ним и полностью сдается, «как будто молясь богу». Это успокаивает его и он не атакует. Она спрашивает: «Что я сделала, что ты пришел в бешенство и захотел меня убить?» Он отвечает: «Я не потерплю столь скудного умонастроения». Она обещает, что больше не будет подавлять эмоции «ради того, чтобы быть рациональной». Они вместе идут к центру: цветку.

Очевидно, наши инстинкты не позволяют нам забывать о себе, пока мы находимся в наших телах, и действительно, Беатрис все еще часто разрывало от эмоций из-за внешних трудностей, ревности и желания восстать против внешней, недоступной для понимания странности контрпереноса. Я однажды рассказала Юнгу о человеке, который вернулся к жизни уже после того, как доктора решили, что он мертв. Он рассказал, что в тот момент он находился в месте более знакомом ему, чем его дом и сад. Он был неописуемо удивлен, что смерть была именно этим местом. Юнг сказал, что он сам именно так и ожидал увидеть смерть. Он добавил: «Эго это не понравится. Стоит ожидать протеста с его стороны».

Кажется, что медведь привлекает внимание Беатрис к этому протесту, и она со скукой выслушивает его слова. Но ее все больше привлекает к ее *теменосу*; в конце концов, она посещает его каждый день. Кажется, что когда Беатрис покинет наш мир, он и вправду уже будет ей более родным, чем ее собственный дом, благословение, которым она определенно обязана тем, что все больше проводит времени и тратит сил на активное воображение.

Совсем незадолго до смерти, она находится в центре и говорит:

Отныне я должна вовек оставаться в центре, иначе проблему не удастся решить ни с одной из сторон. Возможно, я и есть центр. Тайна цветка во мне; я – это он, а он – это я. Он вошел в меня и стал человеком. Я есть два: обычный человек и тайна цветка. Я выросла в центре. Мои корни глубоко в черной земле леса. Здесь я росла. Мои лепестки развернулись, и тогда чудесный цветок оказался в центре, с четырьмя золотыми и четырьмя серебряными лепестками. Я – этот сияющий цветок,

из которого вырывается весна. Я ярко цвету в центре темного леса. Неужели я и вправду цветок?

Тогда Беатрис вошла в цветок впервые, но это определенно не был первый раз, когда она этого хотела. Она постоянно говорила об этом желании духовному наставнику, в какой бы форме тот не представлял. Но он каждый раз запрещал ей входить, говоря, что это опасно, ведь зачастую обратного пути нет. На этот раз, однако, он не протестует; время пришло для ее собственной смерти – она больше не сможет найти путь назад к своему мирскому телу, но может войти в тонкое тело, которое она строила через такие страдания.

Хотя мысленные образы совершенно иные, Беатрис, по сути, описывает тот же опыт, который получил Юнг после болезни в 1944 году в своем сне о йоге. Он пишет:

В том... сне я отправился в пеший поход. Я прогуливался по узкой дороге по холмистому ландшафту; солнце сияло, передо мной простирался далекий вид во всех направлениях. Я подхожу к маленькой придорожной часовне. Дверь была приоткрыта, и я вошел. К своему удивлению, ни образа Девы на алтаре не было, ни распятия, но только прекрасная цветочная композиция. Я увидел, что на полу перед алтарем лицом ко мне сидит йог в позе лотоса в глубокой медитации. Рассмотрев его поближе, я понял, что у него мое лицо. Я стоял в искреннем страхе и проснулся с мыслью: «Ага, то есть он медитирует и видит меня. Ему снится сон, и этот сон – я». И я знал, что когда он очнется, я перестану существовать.

Он комментирует, что, очевидно, во время его рождения, Самость Юнга ушла в глубокую медитацию, и в этой медитации с тех пор видит его земную жизнь. Он продолжает:

Говоря иначе, она принимает человеческую форму, чтобы войти в пространство трех измерений, как будто кто-то надевает костюм аквалангиста, опускаясь на морское дно. Когда она отрывается от существования в дальнейшем, Самость принимает религиозную позу, как показывает часовня во сне. В земной форме она может пережить опыт трехмерного мира, и

через большую осведомленность сделать следующий шаг к осознанию.

Беатрис называет цветок Самостью; она выражает свой опыт следующими словами: «Я – обычный человек и тайна цветка», так же, как и йог с чертами Юнга в его сне, указывал на то, что он сам был тайной медитации йога, при этом будучи обычным человеком во время прогулки. Он одновременно и наблюдатель прекрасной цветочной композиции на алтаре, и медитирующий йог.

Беатрис вошла в цветок и даже чувствует, как корнями проросла в темную землю. Так как ее духовный наставник, который с такой заботой все время за ней следит, не выразил никакого протеста, мы вправе ожидать великой перемены. Однако ей удалось вернуться в свое земное тело на короткий срок.

На следующий день она пишет:

Я иду к стене. Медведь, мой могучий, великий спутник, открывает одну из четырех дверей. Мы заходим внутрь, и он запирает дверь за нами. Как только мы оказываемся внутри, он принимает человеческую форму. Это – мой духовный наставник с белой с золотом мантией. Я наблюдаю цветок. Медитируя на него, я становлюсь, как и вчера, самим цветком, с корнями, растущим, сияющим, безвременным.

Таким образом я принимаю бессмертную форму. Я чувствую себя довольно хорошо, и защищенной от атак снаружи. Это защищает меня и от моих эмоций. Когда я нахожусь в центре, ничто не способно напасть. Мое человеческое обличие они еще могут ранить, и я знаю, что я должна проводить почти все время там. Но теперь у меня всегда будет возможность стать цветком. Я очень рада этому, ведь я только сейчас осознала, что это возможно. Я долго видела цветок как объект, но теперь я знаю, что я могу еще и быть им.

Беатрис была права, что у нее все еще есть человеческая форма, но ошибалась, думая, что ей придется проводить в ней большую часть времени. Она скоропостижно скончалась от неожиданного тромбоза на следующий день после последнего ее визита в активное воображение. Как ее духовный наставник предупредил

ее, если человек входит в цветок во время своей жизни, он может потерять возможность вернуться в свою человеческую форму. Поэтому Беатрис было позволено вернуться в нее лишь на два последних дня ее жизни. Однако, очевидно, что *теменос* уже ей «гораздо роднее собственного дома и сада» на земле. Более того, она достигла цели нашего следующего примера, Уставшего от Жизни Египтянина. У нее есть ее дом и ее духовный наставник.

В последнем отрывке ее духовный наставник стал Самостью, украшенный золотой мантией. Он сбросил звериную форму, так как она уже больше не нужна Беатрис. Она наконец может оставить позади все, что атаковало ее снаружи, вместе со своими собственными дикими эмоциями. Она может войти в тихую гавань и стать «самим цветком, с корнями, растущим, сияющим, безвременным» - ее представлением о бессмертии.

Она пока еще не осознает, что это конец ее жизни, ведь она все еще боится, что ей предстоит провести большую часть времени в человеческой форме, осаждаемая эмоциями и атаками других людей. Ясно, что теперь вместе с цветком она гораздо счастливее. Активное воображение привело ее к полной независимости, и она больше не полагается на внешнюю опору. Поэтому, хочется думать, что китайцы сочли бы ее счастливой: она построила свое тонкое тело, и пришло время для ее особенной, собственной смерти. Хотя с сознательной точки зрения ее смерть и была внезапной, несомненно, что к смерти она была полностью готова. Разумеется, для ее мужа, детей и друзей это был ужасный шок, но она, при том, что умерла определенно преждевременно, была спасена от отрицания, которое, как говорил Юнг, чувствуют люди, умирающими молодыми. Это обычно ясно по снам членов семьи и друзей, и в случае Беатрис я не слышала ничего подобного. Насколько можно осмеливаться судить о Потустороннем, кажется, что Беатрис достигла всей полноты на земле, которое было нужно бессознательному, и поэтому смогла найти полную поддержку в тонком теле, которое для нее стало более реальным в ее активном воображении за много дней до ее смерти.

Я думаю, что возможность изучить подобный случай для нас – большая удача, и я закончу историю глубокой благодарностью

мужу за то, что позволил мне описать переживания Беатрис в этой книге.

Глава 5. Пример древнего активного воображения: Уставший от Мира Человек и Его Ба

Лучшие два примера так называемого аудиторного метода активного воображения (беседа с образом или образами бессознательного), о которых мне известно, дошли до нас из древних времен. Первому уже больше 4000 лет, он произошел около 2200 до н.э. Образ бессознательного сваливается человеку на голову так внезапно, что поначалу тот полностью разбит. Однако со временем он находит в себе силы разобраться с ситуацией так, как очень немногие из нас, если вообще хоть кто-нибудь, смогли бы сегодня.

Второй пример (глава 6) произошел в первой половине двенадцатого века н.э. и являет собой полную противоположность первому. Беседу начал сам человек, которого так сильно выбило из сознательной колеи вмешательство анимы. Все, что мы знаем об «Уставшем от Мира Человеке», мы почерпнули из самого текста и комментариев к тексту египтолога Гельмута Джейкобсона; второй пример же описан весьма знаменитым человеком, Гюго Сен-Викторским, о котором нам известно намного больше.

Я уже приводила в пример эти два текста на первом семинаре по активному воображению (1951), но в то время, несмотря на их замечательность, мне пришлось пережить ощущение приниженности, приводя эти примеры из-за моего незнания египтологии и египетского языка. Только благодаря тому, что Юнг сам передал мне рукопись, которую ему только что прислал Джейкобсон, и везению, что Джейкобсон сам был в Цюрихе во время моего курса, мне удалось преодолеть это ощущение. Я обязана выразить благодарность им обоим за щедрую помощь, оказанную ими мне, не налагая на них ответственности за то, что я говорю.

Текст до этого переводили много раз, но никто даже не приблизился к пониманию его так, как Джейкобсон, когда тот взялся за дело. Те, кто знают перевод Книги Перемен Легга, сравнивали его с более новым, превосходным переводом текста Вильгельма, сделанного Кэри Бэйнсом, поймут, о чем идет речь. Сравнение более ранних переводов нашего Египтянина с переводом Джейкобсона даст тот же результат. Невозможно

перевести такой текст без знаний в области психологии, а доктор Джейкобсон обладал пониманием психологии древних египтян, которое сложно было бы переоценить. Я жалею, что у меня нет возможности цитировать его комментарии в намного больших объемах, но их все можно найти в *Безвременных записях Души*.

Именно незнание эмпирического существования бессознательного и того, что оно принимает персонифицированные формы стесняло ранних переводчиков, считавших двух авторов лишь сознательными приспособлениями для выражения тенденций своих времен. Доктор Джейкобсон пишет, что мы должны отбросить все предвзятости и предубеждения, работая с этим текстом:

Больше всего мы наталкиваемся на трагедию человека гораздо более многомерную, чем кто-либо когда-либо признавал. Текст не просто о человеке, который не может найти себе места в свое время, и поэтому стоит на краю суицида: это лишь общая тема, начальная точка отсчета. Это о человеке, который живет вдалеке от Бога и который потерял всяческую поддержку и теперь исследует то, что, насколько нам известно, еще никто из египтян не исследовал. Он находит, что Ба, собственная «душа» человека, представляет собой силу еще во время жизни человека, силу, от которой, с одной стороны, человек не может бежать силами сознательной воли, и с другой, которую не может понять сознательным умом, поэтому сначала он должен стараться снова и снова противостоять этой силе внутри себя. Это трагедия беспомощности, не только по отношению к миру, но и по отношению к себе самому. Эта трагедия может быть пережита не просто тем, кто не живет «праведной жизнью» среди безбожных людей, но тем, кто сам пострадал от ужаса и отчаяния жизни вдали от Бога. Не стоит гадать, что произошло с Уставшим от Мира Человеком, находящимся во власти его Ба в такой безнадежной ситуации: это и есть настоящая тема описываемого исследования.

Нужно не забывать о том, что то, что мы называем **личностью**, начинало свое существование только *после* смерти религиозного египтянина тех дней. Читатель, знакомый с *Египетской книгой мертвых*, уже знает, что каждый элемент личности переносится в

Загробный мир и что насколько неопиcуемая важность придавалась погребению и соответствующим ритуалам с мертвыми.

Хотя тексту уже больше четырех тысяч лет, он любопытным образом близок нам во многих смыслах. Вероятно, из-за того, что он появился на свет в то время, когда древний Египет был в поxожем на нынешнее наше состояние. Это было время распада старого царства, первой революции в истории человечества, поxожей на современные революции: на жрецов нападали, их даже убивали; уничтожались храмы и могилы в пирамидах; бедные грабили богатых и пытались истребить их; каждый мелкий правитель рвался стать Фараоном. Суициды были настолько часты, что крокодилы в Ниле не успевали разбираться с трупами.

Для религиозного египтянина, каковым был наш Уставший от Мира Человек, это было сильнейшее психологическое потрясение. Все – материальное и нематериальное – рушилось у него на глазах, очень напоминая нам то, что происходит сегодня.

Заголовок этого текста – «Уставший от Мира Человек и его Ба». «Ба» всегда переводят словом «Душа». Доктор Джейкобсон во введении говорит нам, что мы не знаем точно, что именно значило «Ба» для человека в то время, но Тексты Пирамид учат нас, что оно представляло собой духовное существо, божественное по природе, связанное с появлением личности и воплощающее в себе бога. Прочитавшие Египетскую книгу мертвых уже знают, что после смерти все египтяне, прошедшие испытание, становятся Осирисом. Ба человеческого существа также связана с личностью, представленное в форме отдельного человека и поэтому, в противоположность Ка, оно может поселиться в мумии в могиле человека. Иными словами, Ка – дубль, жизненная сила человека; Ба – его ядро, божественная искра личности. Ба изображается в египетской культуре как птица с человеческой головой, парящая над мумией в могиле. Важно не забывать, что согласно догме тех времен, Ба было целиком и полностью связано с посмертным состоянием человека. Факты, что оно связано с воплощенной формой бога и обладает мужским полом, не женским, уже указывают скорее на Самость, нежели на душу или аниму. Это подтверждается в конце текста. В самом деле Ба представляет собой все бессознательное человека.

К сожалению, начало текста не сохранилось, но неразборчивый фрагмент и последующий ответ Уставшего от Мира Человека ясно дают понять, что Ба своей весьма неожиданной речью чуть не свело его с ума от страха. Нужно представлять себе, каким потрясением для человека того времени мог быть факт, что Ба может играть какую-либо роль при его жизни. Древние Египтяне видели в себе лишь фрагмент коллективного состояния и религии, и все, что связано с индивидуальностью, переносилось в Загробный Мир.

В первом сохранившемся фрагменте мы видим:

Затем я открыл рот, чтобы ответить на то, что сказала моя Ба!

Тот факт, что Ба обладает отличным от его самого мнением, шокирует Уставшего от Мира Человека. Стал ли его Ба нейтральным? Он всегда должен оставаться привязанным к телу человека путами и бичевой. Однако теперь Ба атакует человека из-за того, что он хочет умереть раньше своего времени. После этого человек умоляет Ба перестать и умиловать Запад, то есть страну мертвых, и закрыть глаза на грехи, которые он еще совершит за свою короткую жизнь. Он завершает речь неуверенной мольбой нескольким богам о помощи.

Переведя на современный язык, Уставший от Мира Человек совершил открытие, которое мы и сегодня совершаем с ужасом: он не хозяин своего собственного дома, но в его бессознательном есть что-то, что пересекает его сознательные намерения. Это открытие нам приходит в различных ситуациях, но зачастую именно в активном воображении, так же, как его встречал Уставший от Мира Человек столько лет назад.

Юнг однажды работал с немецким доктором, который жаждал поведать о методе активного воображения своим пациентам, но сам при этом никогда его не пробовал. Юнг объяснил ему, что не очень мудро рекомендовать его другим без личного опыта, поэтому врач согласился попробовать. Через некоторое время он увидел каменный обрыв в горах и горного козла, стоящего на этом обрыве. Юнг посоветовал ему сохранить этот образ. Через пару

дней человек вернулся совершенно бледный и рассказал, что козел пошевелил головой! После этого он наотрез отказался когда-либо заниматься активным воображением. Что-то произошло в его душе не по его сознательному намерению, и для него это было непереносимым потрясением. Любопытно, что этот доктор был одним из пациентов Юнга, впоследствии ставшим нацистом!

Другой ранней пациенткой Юнга была девушка, обрученная с мужчиной с Дальнего Востока. Она убедила Юнга, что только внешние затруднения удерживают ее от того, чтобы приехать к нему туда, и Юнг помог ей устранить их. Но вместо того, чтобы ехать к своему жениху, девушка сошла с ума! Внешние затруднения были лишь проекций огромного внутреннего сопротивления браку. Юнг всегда говорил, что этот случай его очень многому научил.

Идея, что Ба должна быть привязана к нему путами и бичевой – это фундаментальный образ того, как человек пытается избавиться от этих тревожных проникновений из бессознательного. Он пытается уговорить Ба догматическими фразами. Мы видим похожую тенденцию в современной психологии: фрейдисты уже почти завершили формирование догмы, почти совсем не оставляя места течению жизни, тогда как Юнг до самого конца своей жизни всегда оставался открытым для коррекций бессознательного, то же самое касается и его последователей. В какой-то степени это неизбежно; нужно иметь волнорез, чтобы избежать наводнения, но слишком далеко с этим заходить тоже нельзя, иначе вода жизни будет исключена вовсе. Это можно сравнить с управлением корабля между Сциллой и Харибдой в Одиссее.

В активном воображении мы все время попадаемся в одну и ту же ловушку. Нам оказывается очень сложно относиться к нему как к «обычной истории», чтобы наблюдать за ним объективно и затем начать действовать самим с той же наивной простотой.

Мы постоянно пытаемся исправить парадоксальное бессознательное с нашим односторонним, сознательным пониманием и удержать анимуса или аниму путами и бичевой, совсем как Уставший от Мира Человек.

Что касается мысли человека о суициде, против чего, очевидно, восстал Ба, нужно помнить, что суицид был обычным делом в те дни. Это была поворотная точка в истории, ведь тогда не было личного сознания. Так называемое негативное признание, которое необходимо было совершить духу человека сразу же, как только тот достиг загробного мира – это долгий отчет о всевозможных грехах, но скончавшийся должен был объявить, что он их *не* совершал. Древние египтяне соглашались с Маат, богиней правосудия, и на этом успокаивались. Суть в том, что думать, что человеческое существо обладало силой совершить грех, являлось святотатством; такая надменная мысль была бы оскорблением богов.

Это указывает на весьма примитивную стадию развития сознания, но и по сей день можно найти много ее следов. Всем знакомы люди, которым непросто признать свою вину. Они раздражают, но всегда есть вероятность, что они попросту не могут себе этого позволить.

У Юнга однажды был пациент, который, по всей видимости, был в отношениях с несколькими женщинами. Юнг про себя сосчитал их; получилось пять. Затем он упомянул слово «полигамия». Человек сразу же в ужасе возразил – он был целиком и полностью моногамен! Юнг напомнил ему о его секретарше. «О, но это совершенно другое дело. Работа идет намного лучше, если я время от времени с ней ужинаю!» А затем? «А, ну затем что-то иногда просто происходит».

Так как это не стало для него откровением, Юнг в дальнейшем упомянул миссис Грин. «О, это всего лишь для разминки. Мы вместе играем в гольф, а ее дом совсем недалеко от поля, мы заезжаем к ней поговорить, а, и, ну да, иногда затем что-то просто происходит». Только третья женщина стала последней каплей в чаше и он наконец вскричал в ужасе: «Да, да, вы правы, я полигамен!» Потрясение сделало его импотентом на многие месяцы и Юнгу пришлось очень нелегко, когда он пытался его излечить. Все свои романы он держал под разными разделами, например, «работа», «разминка». Когда все эти отделения слились воедино, он был в совершенном ужасе. Юнг узнал о

раздельном мышлении из этого случая и об опасности слияния этих разделов друг с другом слишком внезапно.

Таким же образом, древние египтяне нарушали законы Маат, но в то время они просто не могли себе позволить узнать об этом. Как мы увидим, Ба заставил нашего человека встретиться лицом к лицу с личной виной, но он был одним из первых в истории человека подобных людей, и не стоит забывать о том, насколько необычный это был для него опыт.

Суицид не упоминается среди негативных признаний, и именно поэтому наш герой надеялся, что ему это сойдет с рук. Но он чувствовал себя очень неуютно и был очень занят *интеллектуальным* оправданием своей цели. В дни, когда загробный мир представлялся идеально счастливой жизнью, это было не так сложно. Почему бы не отправиться туда чуть раньше предначертанного срока? Это звучит вполне рационально для людей того времени, но нам тяжело залезть в их шкуру.

Затем Ба отвечает:

Тогда разве ты не человек? Ты вообще живой? Какова твоя цель, что ты смотришь за благами [Эрман, ранний переводчик, здесь верно передал смысл, слово «блага» определенно используется в моральном смысле] подобно хранителю сокровищ (т.е. тот, кому небезразличны сокровища)?

Ба переходит сразу к делу. «Ты вообще живой? Какова твоя цель?» Ба пытается разрушить иллюзии человека, его оправдания, его псевдореальность, одним ударом. Нет ничего более прямолинейного, чем бессознательное.

Эта речь демонстрирует стадию активного воображения, в которой человек еще не видел *ничего*, что бы из себя на самом деле представлял Ба; он просто проецирует свои собственные идеи на него. Ба, очевидно, раздражает, как человек по-ребячески пытается спроецировать на него ответственность за свой суицид. Как часто замечал Юнг, бессознательное существует вне нашего пространства и времени, и поэтому относительно мало внимания обращает на смерть. А интересует его то, живем ли мы полной жизнью, позволяем ли Самости представлять себя на земле.

Вопрос «Какова твоя цель?» задается с тем, чтобы человек задумался. Это подобно сну св. Моники, матери Августина Блаженного, в котором ангел спросил у нее, почему она так недовольна сыном. Августин Блаженный поясняет, что ангел, разумеется, знал, но спросил затем, чтобы она задумалась.

В труде «Женщина в Европе» Юнг пишет: «Быть мужественным означает знать, чего ты хочешь, и делать именно то, чтобы достичь этого». Ба, очевидно, отвратительна его женская установка. Он хочет «плыть по течению смерти», как он сам выражается, совершенно пассивно.

Ба обвиняет его в смотрении за «благами» подобно хранителю (как кажется, подразумевается, собирателю) сокровищ. В конце концов, добро и зло – лишь человеческие понятия, и человек переносит свои стереотипы на Ба, которая, понятно, отвергает просьбу смягчиться относительно того, что человек называет своими грехами, или, скорее не обращает внимание как на нечто маловажное. Как мы увидим, само *представление* Уставшего от Мира Человека о грехе неверно передает суть ритуала, предписанного догмой, и интересы Ба лежат в другой области, что становится все яснее по мере развития их диалога.

Человек, который пока еще не понимает Ба, как кажется, слышит только упоминание «благ» и отвечает: «Да, именно это мне и нужно: блага». Ему это видится эквивалентом верно проведенных похоронных ритуалов и предначертанную жизнь в Загробном Мире. Он объявляет, что пока он еще не вошел в Загробный Мир надлежащим образом, так как этот вопрос еще не решен. Человек делает акцент на том, что он не грабитель, в нем нет жестокости, и продолжает попытки подкупить Ба, чтобы тот дал согласие на его суицид, обещая ему самое скрупулезное исполнение всех похоронных ритуалов, так, что его Ба все другие Ба будут завидовать. Он угрожает Ба, что у того не будет дома в Загробном Мире, если он позволит человеку дойти до смерти без его помощи.

Современным аналогом этой речи была бы ситуация, в которой кто-нибудь из нас говорил бы своей аниме или анимусу, что если только тот согласится сделать что-то по-нашему, он окажется в

таким завидным положением, что анимус Миссис Смит или анима Мистера Джонса прямо-таки позеленеют!

Уставший от Мира Человек снова пытается взять Ба под контроль своими догматическими представлениями о Загробном Мире. Так как Ба принадлежит к незримой реальности, очевидно, что человек пытается учить орла летать. Он безнадежно запутался: он хочет урегулировать вопрос суицида с Ба, вопрос, в котором тот должен взять ответственность на себя, и он хочет сам диктовать Ба свои условия касательно следующего мира, что совершенно вне его понимания.

С другой стороны, и мне хотелось бы это подчеркнуть, человек весьма прав в своем стремлении защитить сознательную точку зрения и до последнего не сдаваться Ба, пока он не будет полностью переубежден. Человек зашел слишком далеко, но учимся мы только методом проб и ошибок. Главная ценность этого текста в том, что, с точки зрения современного активного воображения, он представляет действительную *Auseinandersetzung* (договоренность – нем.) между сознательным и бессознательным. Оба защищают свои точки зрения весьма энергично.

Ба отвечает:

Когда ты думаешь о похоронах – это сентиментальность; это производство слез и несчастья у людей; по сути, это вынос человека из дома, чтобы забросить его за холмом; тогда ты уже не сможешь встать и увидеть солнечный свет.

Ба говорит человеку, что мертвым, для которых совершен каждый ритуал и возведены прекрасные гранитные пирамиды, не обязательно хоть сколько-нибудь лучше, чем всем остальным, кто умер на берегу реки и разлагается там без всяческих похоронных ритуалов.

Ба заканчивает такими словами:

Теперь слушай меня! Смотри – хорошо, когда люди слушают. Следуй за прекрасным днем и забудь свои печали!

Очевидно, что религия египтянина становилась стереотипом; воды жизни в ней не осталось, и Ба ясно заявляет о бессмысленности похоронных ритуалов. Она не возражает против них; она просто говорит человеку, что верить им безоговорочно бессмысленно и смешно.

Доктор Джейкобсон говорит, что Ба выражает сомнение, которое в то время только появлялось на поверхности бессознательного: являются ли все еще традиционные церемонии абсолютным понятием. Вероятно, именно это сомнение стояло за всеми сдвигами в настроениях в то время, прямо как сейчас существует сомнение касательно установки Христианства относительно зла, что вызывает подавляющую часть беспокойств в наше время. По суги, Ба говорил об опасности зависимости от внешних вещей.

Я хотела бы напомнить вам, что активное воображение представляет собой отношения по типу «забирай и отдавай» между сознательным и бессознательным. В нашем тексте, именно Ба хочет научить человека тому, чего тот не знает. В следующем тексте все наоборот: уже человек хочет научить аниму. Уставший от Мира Человек, как мы видим, пытается научить свою Ба, но его попытки оканчиваются провалом, ведь именно у Ба есть великая истина.

Укус сарказма Ба, прозвучавший в его словах о сентиментальности установки человека, наверняка был большим потрясением для Уставшего от Жизни Человека. Ба говорит ему, что тот неверно занимается активным воображением; он погружен в сентиментальность и жалость к себе. Это дает нам ценный намек об опасности подобного погружения, ведь Ба говорит напрямую, что если он будет так жить и дальше, он уже мертв в этом мире и не сможет подняться снова в «солнечный свет». Момент, когда ты проклинаешь себя таким погружением – это неверный шаг фантазии; ты теряешь контакт с реальностью и плохо влияешь на себя самого и других людей. Если бы он со временем не послушался Ба, он бы заточил себя в этих нереальных фантазиях и неизбежно бы сгинул. Более того, нужно помнить, что человек объявляет себя не жестоким, хотя и планировал убить себя. Противоположность жестокости – это всегда сентиментальность.

Раушнинг рассказывает в книге «*Разговоры с Гитлером*», что Гитлер, в чьей власти было отдавать приказы расстрелять целые деревни, мог плакать целый вечер о смерти своей любимой канарейки. И плакаты, на которых он целует детей, которые иногда публиковались в швейцарских газетах, вызывали тошноту.

Последние предложения речи Ба особенно впечатляющи: «Теперь слушай меня! Смотри - хорошо, когда люди слушают. Следуй за прекрасным днем и забудь свои печали!».

Настояние на том, чтобы слушали, очень позитивно и полезно нам и сегодня. Нам все так же сложно прислушиваться к настоящему голосу бессознательного. Мы постоянно обманываем себя, думая, что оно не хочет разговаривать с нами, но гораздо чаще на деле мы просто не хотим слушать. Мы живем в наших иллюзиях, не желая оставлять их, и почти что сходим с ума, ведь нужен настоящий героизм, чтобы предстать перед безжалостной реальностью бессознательного.

Когда Ба говорит: «Следуй за прекрасным днем и забудь свои печали!», он привлекает внимание к жизненной необходимости жить «здесь и сейчас». В Юнговском семинаре по книге «*Так говорил Заратустра*» есть замечательное описание этой концепции. Я лишь вкратце напомню, что сказал Юнг: что *на самом деле* мы здесь и сейчас, в самом полном смысле слова, и это самое трудное и пугающее из всего, но еще и самое ценное. Уставший от Мира Человек, очевидно, не понимает всей важности «здесь и сейчас», иначе бы он даже не задумывался о том, чтобы выбрасывать свою жизнь на помойку. Ба бросает ему вызов сначала стать мужчиной, а после стать целостным.

Либо Ба не дала ему возможности ответить, либо он не отреагировал на ее речь, потому что Ба продолжает, рассказывая ему две притчи. Они весьма интересны и наполнены смыслом, поэтому я процитирую их целиком.

Первая притча Ба

Человек возделывает свой участок земли. Затем он погружает свой урожай на корабль и начинает путешествие. Его торжество приближалось, но вдруг однажды начался ночью

шторм и продолжался до захода солнца, они с женой спаслись, тогда как дитя погибло в предательской воде в ночь крокодилов. И в конце он сидел, и, вернув себе дар речи, сказал: «Я не оплакивал девочку. Она уже не вернется на землю с Запада. Но я горюю о ее детях, которые были убиты в зародыше и которые увидят лицо крокодилового бога, не успев пожить».

В данном случае, Ба использует символизм, чтобы помочь человеку понять, что напрямую его пониманию было недоступно. Эти притчи – как вспышки в кинотеатре, которые внезапно вламываются в наше активное воображение – слишком быстро, чтобы мы успели сыграть роль – или в сон, чтобы исправить или объяснить наше активное воображение.

Так как у нас нет ассоциаций, как если бы был живой сновидец, нам самим приходится придумывать контекст этих тем; место, однако, не позволяет мне этим заняться как следует. Я только скажу о том, что так как Египет был земледельческим государством, жатва – очень важный для них символ. Как хорошо известно, бог Осирис был тесно связан с зерновыми. Африка – земля штормов, поэтому когда африканец говорит о шторме, он имеет в виду что-то ужасающее. Корабль представляет собой нечто рукотворное – способ передвижения человека. Например, все еще говорят о корабле Церкви.

Крокодиловый бог играет огромную роль в египетской религии. Это самый парадоксальный бог, он считался весьма позитивным в дни Уставшего от Мира Человека, хотя в поздние времена он сопоставлялся и с Осирисом, и с Сетом, его уничтожителем. Одно из предназначений Себека, которое в особенности важно для нас, заключалось в том, что он собирал разбросанные части мертвого Осириса и объединял их вновь в целое. Сам крокодил, с другой стороны, представлял огромную опасность для египтян всех возрастов.

Очевидно, человек в притче – это образ самого Уставшего от Мира Человека. Скорее всего, он представлен как торговец из-за своей односторонней установки: он присматривает за благами, как хранитель за сокровищами. Человек погрузил весь урожай на одну лодку; иными словами, положил все яйца в одну корзину. Так как

символ зерна напрямую связан с Осирисом – и говорилось, что мертвые перерождались как Осирис в Загробном Мире – Ба, очевидно, указывает на то, что Уставший от Мира Человек рискует тем миром так же, как и этим из-за своей установки.

Шторм – видимо, аллюзия к ужасному эмоциональному беспокойству, которое переживает человек. Ветер – тому причина, и, являясь символом ума и духа, мозговой шторм, видимо, наиболее верная интерпретация его значения. Человек думает, что он совершает спокойное и стоическое решение покинуть жизнь, но то, как реально обстоят дела в его бессознательном, показано в первой притче. Та же идея поддерживается позже его горем, которое лишает его дара речи.

Он избегает шторм вместе с женой, в которой доктор Джейкобсон видит Ба. Эта гипотеза подтверждается во второй притче. Так как Ба – мужской образ в Египте, наверняка была причина для него представиться в виде женщины. Как раньше упоминалось, Ба всегда переводили как «душа», и хотя, как мы увидим, Ба оказывается гораздо большим, чем просто мужской анимой, она, возможно, дала Уставшему от Мира Человеку понять, что человеческая душа женского рода. На самом деле, как заметила Мария-Луиза фон Франц, можно зайти еще дальше и сказать, что Ба дает человеку понимание отношений в принципе, и что она появляется в образе женщины для того, чтобы человек понял, как ему относиться к Ба. Более того, он не способен чувствовать ценности; он, например, не ощущает ценности жизни, которую Ба осознает так хорошо. Она показывает человеку, что не только мнение Ба может отличаться от мнения человека, но и сама Ба может отличаться от человека так, как мужчина отличается от женщины.

Нельзя говорить только о жене в притче, не упомянув о дочери, сгинувшей во время шторма. Кажется, дочь представляет собой гораздо более индивидуальную ипостась анимы; она дочь и человека, и Ба. Ба – известный образ в египетской религии, и, поэтому, в какой-то степени является коллективным, тогда как дочь гораздо больше представляет собой аниму именно человека. Она символизирует возможность истинной индивидуальной реализации и находится в наибольшей опасности от неосознанных эмоций человека. Это момент возможного обновления, поэтому

для него смертельно опасно не иметь понятия, что происходит. Человек думает о суициде не как о смерти, а как о шаге к несомненной и лучшей жизни; Ба, однако, говорит: «Никаких больше иллюзий! Это реальность, ради всего святого; будь осторожен!»

Ночь крокодилов можно сравнить с моментом, когда Иаков встречает темную сторону Господа на реке. Иаков держался до тех пор, пока не появилась светлая сторона и не благословила его. Среди примитивных культур это видение повсеместно – что темный и зложелательный бог правит ночью и светлый и доброжелательный – днем.

Ту же идею мы встречаем в мистическом папирусе, переведенном Прайзенданцем: бог солнца поднимается подобно скарабею, взлетает вверх подобно ястребу, и превращает каждый час в новый символ, завершая крокодилом при садящемся солнце.

Но не потеря урожая доводит человека из притчи до отчаяния, и даже не смерть дочери, но потеря нерожденных детей, «убитых в зародыше».

Этих детей, несомненно, стоит трактовать как еще непопавшую возможность, о чем и пишет Джейкобсон, которая находится в наибольшей опасности. Ба, как и жена в притче, представляет собой вечную, универсальную Самость, которую невозможно уничтожить. Девочка – поле индивидуальности между человеком и Ба, появившееся от их контакта. Самость может быть рождена в личности, и дети представляют собой семя всего процесса индивидуации. Этот символ содержится в эссенции притчи: Ба была посеяна в этой жизни, и это уже огромное достижение, но этого недостаточно. Притча очень элегантно показывает нам, что все будет потеряно, если этот неизвестный плод человека и Ба не получит возможность существовать.

Ба срывает бельмо с глаз Уставшего от Мира Человека: пока он будет болтать о похоронных церемониях и о зависти других Ба к его, итог всей его жизни будет под угрозой и точно будет потерян, если он не сможет вернуться в чувства, пока не стало слишком поздно.

Но в то же время, притча не оканчивается на исключительно пессимистической ноте. Нужно помнить, что крокодиловый бог был весьма позитивным божеством во времена Уставшего от Мира Человека, с предназначением собирать разрозненные кусочки и собирать их вновь в целое. Египтолог Генрих Бругш рассказывает нам, что фигурально это означает «собраться с силами, стать тихим и расслабленным, собрать мужество в кулак».

Когда Юнг прибыл в восточную Африку, старый житель подошел к нему у железнодорожной станции, и, спросив, как давно тот прибыл в Африку, предложил ему один совет. Когда Юнг с благодарностью согласился, он сказал: «Это страна Бога, не человека, и если что-то пойдет не так, сядьте и не беспокойтесь».

Если человек понимает свои собственные эмоции, понимает притчу, и, самое главное, бросает неверный путь и учится правильному пути активного воображения, есть немаловажный шанс, что ситуацию еще можно спасти, если он способен, как говорил старик из Африки, сесть и не беспокоиться.

Вторая притча Ба

Человек спрашивает у жены вечером, есть ли что перекусить, но жена отвечает ему: «Приходи сначала ужинать». После этого он выходит на улицу в дурном настроении на некоторое время, а затем возвращается домой совсем другим. Жена наставляет его: а именно, он не способен услышать ее, он просто в дурном настроении, и сердце его невосприимчиво к посланиям.

Эта притча кажется простой, но мне ее понять было весьма сложно. Она начинается после окончания первой, когда муж и жена спаслись.

Здесь стоит сказать, что в заключительной речи Ба становится ясно: ее цель – научить человека обустроить общий дом для них обоих. Эта притча – первое появление этого дома, представленная простым, домашним языком. По всей видимости, она представляет собой пределы индивидуального существования человека; рамки, в которых человек и его Ба, Эго и Самость, могут встретиться. Дом, особенно старый дом – весьма часто

встречающийся символ Самости во снах. Это интимное царство, внутренняя сторона, но все же она достигает внешнего мира.

Суть спора удивительна: муж хочет перекусить, в то время как жена настаивает на полноценном ужине. Он ведет себя как ребенок, настаивающий на десерте в начале приема пищи. Возможно, Ба намекает на его мысль о суициде и о желании радостей Загробного Мира раньше времени. Нетерпеливость в ожидании, неспособность дать время созреть вещам часто отражается на нашем активном воображении. Как написано в *Rosarium philosophorum*, «Любая спешка от дьявола» - слова, которые часто цитировал Юнг. Более того, муж скорее бы перекусил сам, чем ел бы ужин вместе с женой, что указывает нам на мысль о коммуникации, отношениях, эрос.

Эта притча показывает ситуацию между сознательным и бессознательным с очень важной точки зрения. Бессознательное готовит ужин, *cibus immortalis* (бессмертную пищу, лат.), целостную и вечную еду, тогда как сознательное смотрит на еду односторонне и хочет просто перекусить вместо того, чтобы съесть целый ужин наполненной смыслом жизни. Мы имеем склонность желать осмысленных, рациональных вещей, тогда как корни Самости обычно весьма иррациональны.

«Выходить в дурном настроении» - это прекрасное изображение того, что мы делаем, когда бессознательное преподносит нам на ужин то, что нам не нравится. Мы выходим из себя, покидаем дом, нашу мандалу. Мы становимся эмоциональны и «вне себя».

Юнг часто говорил, что, по сути, мы всегда обманываем себя, когда говорим, что не знаем, что нам делать в той или иной ситуации. Где-то мы вполне себе представляем, но *не хотим делать этого*. Мне потребовалось немало лет, чтобы осознать эту истину, ведь у мысли, что мы не знаем, глубокие корни. Как говорят китайцы: «В каждом из нас есть мудрец (тот, кто знает, что делать), но людям в это не верится, поэтому он остается погребенным». Ужин на столе, как и было и для Уставшего от Мира Человека, но мы все равно его не хотим.

Фраза «а жена наставляет его», как говорит доктор Джейкобсон, справедлива и для внешней жизни. Как раз там, где мужчина слаб,

его жена обычно сильна. Касательно бессознательного это даже точнее: где мы слабы, оно сильно. Сила есть в поиске компенсирующей истины в бессознательном, в чем и помогает активное воображение. Но сложность для мужчины в том, чтобы увидеть точку зрения жены, так же, как и нам невыразимо тяжело видеть диаметрально противоположную точку зрения бессознательного.

Притча оканчивается фразой, что муж не способен услышать жену, а сердце его невосприимчиво к посланиям. Читатель вспомнит, что Ба уже привлекал внимание человека к этой теме: «Смотри – хорошо, когда люди *слушают*». По сути своей, притча оканчивается прямым призывом продолжать активное воображение, но с другим подходом: заняться настоящим активным воображением, сделать огромное усилие и *услышать* голос бессознательного. Ему говорят, что его погружение сентиментально и обманчиво, и это привело к тому ужасному результату, что он не в состоянии услышать правду и его сердце невосприимчиво к посланиям.

Уставший от Мира Человек отвечает:

Затем я открыл рот, чтобы ответить Ба на ее речь: Смотри, от моего имени пахнет ради тебя хуже (более буквально: из-за твоего существования), больше чем от гуано (птичий помет) в летний день, когда небеса сияют.

Начало его ответа затем повторяется, чтобы выразить себе самому ужас. Притчи наконец открыли ему глаза и, как это типично бывает при энантиодромии (предрасположенность любых поляризованных феноменов или явлений переходить в собственную противоположность – пер.), он занимает противоположную точку зрения. Поначалу он думал, что Ба делает что-то гораздо более ужасное, чем может передать любое преувеличение; теперь он видит, что был в корне неправ. Это вполне типичная реакция, когда мы поначалу видим наши недостатки или ошибки; мы можем вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Интересно, однако, то, что человеку это сходит с рук. Он способен стать свидетелем тому, что его имя осквернено и не сломаться из-

за существования Ба. Имя для древних египтян значило еще больше, чем для нас, как говорит доктор Джейкобсон, ведь когда имя уничтожалось на монументе, считалось, что сама сущность скончавшегося терялась. Уставший от Мира Человек, видимо, был одним из тех, кто способен увидеть свою темную сторону, не разрушившись. Очень интересно то, что он говорит «ради тебя», что может, по словам Доктора Джейкобсона, также означать «с твоей стороны» или «из-за твоего существования». Совершенно поразительно, что человек, воспитанный по традиционному египетскому канону более 4000 лет назад, осознает суть юнгианской морали; а именно, что мы ответственны за знание о существовании Самости внутри нас. Незнание и есть смертный грех. Как читатель помнит, Ба не интересовали обычные грехи человека, которые, как оказалось, были переносом личного, догматического сознания на Ба, но Ба был в первую очередь заинтересован в том, чтобы его поняли и осознали. Он хочет, чтобы Уставший от Мира Человек слушал его. И по его речи ясно, что Уставший от Мира Человек наконец уловил суть.

Первые пять аналогий, которые использует человек, чтобы передать, что он осознает, что осквернил свое имя, связаны либо с рыбой, либо с навозом. Психологически это весьма любопытно, так как именно в навозе, в том, что мы не смогли усвоить, может произрасти зерно Самости. Более того, в алхимии часто говорят, что философское золото, ляпис, ценную вещь, можно найти в навозной куче. Как вы знаете, сны об экскрементах и миазмах очень часто означают творческий материал, который не был должным образом обработан. Поэтому эти предложения превосхищают мысли, которые стали появляться тысячелетиями позднее.

Сравнение, касающееся рыбы, также высокопсихологично, ведь когда мы видим и принимаем все наши недостатки и ошибки, как сделал Уставший от Мира Человек, и самое главное, когда осознаем эмпирическое существование бессознательного, мы наконец в состоянии выудить содержание бессознательного, о котором мы ранее даже не догадывались.

Последующие сравнения также весьма интересны. Уставший от Мира Человек сравнивает дурной запах своего имени с ложью, которая окружает женщину. Ба представляется женщиной, даже

женой человека; поэтому сравнение, вероятно, касается Ба. Нужно помнить, что во времена Уставшего от Мира Человека догма заявляла, что Ба не играет совершенно никакой роли при жизни человека, лишь *после* его смерти. Поэтому наш человек оказался в крайне раннимом положении, так же, как и женщина, которая находится в самых ценных для себя отношениях: она может оказаться окруженной ложью в любой момент. Про него, например, могут сказать, что он безумен, раз разговаривает со своим Ба при жизни, и, к тому же, у него с ним интимные отношения, какие бывают между мужчиной и женщиной. Поэтому для него необходимо сохранять эти отношения в секрете, как нам и говорил делать Юнг, когда мы переживаем на своем опыте глубокие уровни бессознательного.

Уставший от Мира Человек сравнивает себя с дерзким ребенком, которого принуждают принадлежать кому-то, кого он ненавидит, сравнение, которое в точности описывает его первую установку касательно знания, что он уже принадлежит Ба в этом мире.

Последнее сравнение, которое он описывает – это вероломный повстанческий город, видящий себя *снаружи*, что и есть по сути его отношение к Ба. До этого момента он был бессознательным жителем города, но наконец он начинает видеть себя объективно. Однако, парадокс в том, что, так как город – символ Самости, он все еще видит себя вне дома, как человек во второй притче.

Если эту часть речи рассматривать в рамках активного воображения, то она, со всеми своими сравнениями, демонстрирует серьезный прогресс относительно того, что мы видели в речах человека раньше. Его ранние выражения выказывали полное непонимание точки зрения Ба, или даже того, что таковая в принципе существовала, и ни в коем случае не являлись частью активного воображения; человек просто давал Ба инструкции и проецировал на него свои догматические взгляды. Главная заслуга первой части текста в том, что человеку удалось объективизировать своего Ба и записать то, что тот сказал. Это соответствует первой части работы, необходимой для активного воображения – сбор информации о бессознательном и обучение способности позволять событиям развиваться.

Но в речи, о которой мы сейчас говорили, суть совершенно иная. Не только он позволил чудесному содержанию притч работать над ним и *изменить* его, ведь вся его установка фундаментально поменялась, но он также позволил бессознательному проникнуть в его собственные заявления, что видно из наполненных смыслом сравнений, которые он приводит, сравнения, которые зрели тысячами лет и до сих пор относительно неизвестны. Если эта речь была частью активного воображения, нам бы потребовалось много времени, чтобы переварить ее, ведь она идет как от сознательного, так и от бессознательного. Это классический пример того, как следует заниматься активным воображением.

На этой продвинутой стадии активного воображения, сознательная установка держит себя в узде; она хочет поведать Ба, что осознал свои грехи *относительно именно него*, а не коллективного, и что ему совершенно стыдно за себя. Эта установка активно и неизменно поддерживалась. Каждое предложение начинается с нее. Но когда он ищет в своем разуме новых сомнений, ясно, что он позволяет влиться бессознательному, ведь сознательное никогда не смогло бы нащупать таких значительных параллелей, на формирование которых потребовались тысячи лет.

Если бы это активное воображение было бы осуществлено одним из нас, нам нужно было бы все очень осторожно обдумать, прежде чем мы бы смогли его понять. Это отличный материал, который положил основу для трансцендентной функции, ведь он идет и от сознательного, и от бессознательного.

Уставший от Мира Человек здесь кое-что перенял от Ба, ведь его стиль начал сильно напоминать стиль последнего; он позволяет значительным аналогиям вылиться в форме некоей притчи. Более того, он получил что-то от объективного духа Ба, и между ними двумя явно формируется трансцендентная функция.

Доктор Джейкобсон завершает комментарий, делая упор на том, что Уставший от Мира Человек набрался уверенности от своего Ба, но помимо этого еще и ответственности по отношению к нему, и что в следующей речи он объясняет, почему он все еще не готов отозвать свое желание совершить самоубийство.

Человек начинает свою речь со слов:

С кем же мне еще говорить сегодня? Родичи – зло, друзья сегодня без любви.

Каждый следующий отрывок также начинается со слов «С кем же мне еще говорить сегодня?» и он продолжает, говоря, что все алчные, высокомерные, злые, жадные, несправедливые и так далее. Хорошего и доброго ему не найти, нет человека, которому он мог бы довериться и он невыразимо одинок.

Нет сомнений, что в его речи все еще остались инфляция и проекция, но нужно помнить о времени, в котором он жил и не судить его по современным стандартам.

Одиночество, по всей видимости, происходит от вторжения Ба, ведь, как замечает Юнг в «*Психологии и Алхимии*»: «Они привносят серьезное изменение в личности, потому что моментально создают болезненную личную тайну, которая отчуждает человека от его среды и изолирует его».

Ба положил конец жадности и силе в качестве целей, ради которых стоит жить, но человек все еще не освобожден от них окончательно, чтобы тот перестал презирать их в других людях. Даже спустя 2000 лет христианство призывало *оставить* мир, поэтому невозможно говорить о том, чтобы человек выдержал совершенно безнаказанно все, что было в мире против него.

Но то, что он объясняет свои внешние условия Ба, нам очень важно, ведь нам до сих пор приходится рассказывает бессознательному о внешних условиях, и, в крайнем случае, мы заявляем, что достигли предела того, что мы в состоянии вынести. Если сказать это слишком рано, горе нам, но если же мы *на самом деле* на пределе выносливости, бессознательное услышит нас и зачастую сменит курс. Не стоит забывать о двустороннем характере отношений, мы должны и слушать бессознательное – «Смотри – хорошо, когда люди слушают», и давать ему необходимую информацию с нашей, сознательной стороны.

Абсолютную необходимость этого мне доказал один мой разговор с моим анимусом. Он вдруг сказал, к моему огромному удивлению:

«Мы в весьма неуютной позиции, связаны, как сиамские близнецы, но при этом из совершенно разных реальностей». После он объяснил мне, что наша реальность невидима ему так же, как его – для нас. Поэтому в наших стараниях увидеть реальность бессознательного мы должны помнить о том, чтобы помогать и ему видеть нашу. Так же, как человек не видел поначалу точку зрения Ба, также и Ба не могла понять, почему внешний мир стал настолько невыносим для человека, пока тот не объяснил это в последующих двух ответах. Юнгу также приходилось несколько раз останавливаться, когда творческий порыв уводил его слишком далеко, до точки, которой уже не было способно выдержать его здоровье.

В третьем ответе Ба Уставший от Мира Человек объясняет, что сегодня смерть стоит перед его глазами так же, как выздоровление больного, как аромат лотоса, как конец плохой погоды, как возвращение с войны, как освобождение из тюрьмы, и так далее.

Затем он делает несколько глубоких заявлений относительно состояния скончавшихся в Загробном Мире, из которых я процитирую только первое:

Кто бы там ни был, он совершенно точно подобен живому богу, и удерживает богохульство тех, кто его совершает.

Это – наиболее глубокое психологическое заявление, хотя нам не стоит его полностью переносить на Загробный Мир, ведь его можно применить в какой-то степени и к нашему. На языке психологов это означает состояние замены Эго на Самость, или, на языке Юнга, предавания своей жизни личности Номер Два, вместо того, чтобы вечно недальновидно желать пути Эго (закуски), к которому стремится Номер Один. Самость обладает божественными чертами, в которых мы можем принять участие, но не стать ими.

То, что человек на самом деле говорит о том, чтобы стать живым богом, принадлежит к египетской догме, которые учила, что каждый, чье сердце пройдет тест взвешивания, станет Осирисом в Загробном Мире. Опасность инфляции была куда меньше в то время, когда личность Эго была гораздо менее развита, и то, что

оно полностью переносилось в Загробный Мир, было своего рода защитной мерой. В наше время, однако, человеку необходимо помнить, что «он лишь хлев, в котором рождается бог», как говорил Юнг.

Хотя Уставший от Мира Человек использует столь сильные образы, чтобы выразить то, как он видит смерть, он помнит прошлый совет Ба: он следует за прекрасным днем и забывает свою печаль. Однако, он все еще переносит все на Загробный Мир. Он разорвал оковы своего узкого сознания, но сможет ли он пожертвовать мыслью о самоубийстве – другой вопрос, к которому мы вернемся позже.

Я процитирую всю заключительную речь Ба целиком, так как она жизненно важна:

Теперь оставь жалобы при себе, ты, который принадлежит мне, мой брат! Ты можешь опустить чашу с огнем (далее) или можешь открыть объятия (более точно – прижать к себе) жизнь вновь, что бы ты сейчас не говорил: мне бы хотелось остаться тут, пока ты не отвергнешь Запад, или желаю также, что ты достигнешь Запада и твое тело уйдет в землю, и я смогу упокоиться после твоей смерти: в любом случае, у нас с тобой будет наш дом.

Здесь Ба несомненно раскрывает себя как «личная сущность отдельного человека»; как Самость. Мне кажется, что огромные старания, проделанные Уставшим от Мира Человеком в последних трех речах, отразились на Ба. В один момент, в самом деле, Ба остается непреклонным: «Оставь свои жалобы себе». Если человек вернулся бы к сентиментальному, полному жалости к себе погружению в неверно развившейся фантазии, он бы все еще смог бы потерять все, что приобрел, и это касается нас сегодня. Жалость к себе – это само по себе неверное развитие воображения; на деле все, что мы встречаем на нашем пути, принадлежит к нашей целостности, ко всему ужину, и приниматься должно соответственно.

Несомненно, и человек повлиял на Ба; впервые он принимает возможность, что человек не сможет продолжить свою жизнь. Как замечает доктор Джейкобсон, правда в том, что кажется, что Ба

гораздо предпочтительней, если человек продолжит жить; в самом деле, альтернативы есть лишь тогда, когда это *действительно* невозможно. Но, в любом случае, один жизненно важный момент в том, что Ба и человек будут вместе, в этом мире или следующем.

Развитие Ба в Тексте Пирамид также ясно видно в нашем тексте и напоминает о развитии, которое имеет место быть в современных случаях человека. Когда мы впервые сталкиваемся с бессознательным, все смешано между собой; «в темноте все кошки серые», как говорил Юнг.

После, когда мы привыкаем к тьме, мы начинаем различать один образ от другого. В нашем случае, образ Ба сначала был анимой, душой и Самостью. Но в конце, он явно – Самость, личность Номер Два.

Когда мы впервые встречаем бессознательное, самое поразительное – это смешение тени, анимуса или анимы и Самости. На самом деле, анимус или анима обязаны своей самостоятельностью тому, что стоят между нашим сознанием и Самостью.

В этом раннем тексте, однако, не было свидетельств анимы как захватывающего дэймона. Реакция человека на первые две речи – ужас – показывает, что его первоначальные чувства к Ба были такие же, как бывают у нас, когда анимус или анима вмешивается и сводит все планы сознания к нулю. Более того, в Тексте Пирамид, Ба разглашает свою истинную природу – Самость – только после объединения с универсальным знанием.

В комментарии к «Тайне Золотого Цветка» Юнг пишет, что его опыт анализа научил его тому, что проблемы пациентов редко разрешались на их условиях, однако он часто видел пациентов, перераставших свои проблемы. Эти проблемы просто блекли на фоне новых, высших и более широких интересов. Они виделись в новом свете и теперь больше напоминали шторм, который наблюдаешь из долины в горах. Но так как мы и гора, и долина, было бы заблуждением ставить себя превыше человеческих эмоций. Они мучают нас, хоть мы с ними больше и не идентичны, ведь нам стало известно о высшем сознании, которое может

взглянуть на ситуацию объективно и сказать «Я знаю, что я страдаю».

Мне кажется, что чистый исход этого старого примера египетского активного воображения заключается в следующем: человек вырос из своей проблемы. Она не была решена на его условиях, ведь он все еще страдает от конфликта в своей последней речи. Но ему стало известно о высшем сознании внутри него.

Ба делает упор на гораздо более срочной необходимости в общем доме, будь он тут или в Загробном Мире. Он чувствует, что больше не будет выходить в дурном настроении, как это было во второй притче. Дочь и нерожденные дети из первой притчи больше не упоминаются, ведь они были предвосхищением ближайшего будущего человечества. Мне кажется, что человек бы сделал все, что в его силах, если бы наладил общий дом для себя и своего Ба. Более того, то, что он записал этот пример активного воображения – серьезное достижение того – ну или любого – времени, которое сложно переоценить.

Весьма поучительный контраст к нашему тексту может быть найден в малоизвестной книге Джеймса Хогга, названной *Исповедь Оправданного Грешника*. Подобно нашему случаю, это текст о человеке, встретившемся со сверхчеловеческим образом. В книге Хогга, этот образ зовут Гил Мартин, и впервые он появляется точной своей копией. Но Роберт, представитель Эго в данной истории, обладает изначально ужасным характером; он злой, он лжец и сильно подвержен инфляции, в противоположность к Уставшему от Мира Человеку, который, хоть и не понимал Ба поначалу, явно являлся добропорядочным и целостным человеком. Поэтому Гил Мартин совершенно не так, как Ба, постепенно становится все более негативным, даже inferнальным, по ходу развития истории. Он заканчивает тем, что овладевает Робертом окончательно, заставляя его совершить несколько убийств, завершив убийствами брата и, позднее, матери. Но Роберт, и я хочу подчеркнуть это, не пытается устоять перед натиском убийства. Он не может возразить, как должен, что, будучи человеком, не имеет права положить конец чужой человеческой жизни. Очевидно, Гил Мартин понимает это по-своему, но то, что это не то, чего бы ему хотелось, показано в самом интересном предложении книги. Когда до Роберта доходит

значение всех его грехов, и он не видит другого выхода, кроме самоубийства, Гил Мартин говорит ему: «Я привязал себя к твоей блудной судьбе, и это мой провал так же, как и твой».

Юнг назвал книгу Хогга «Британским *Фаустом!*»

Глава 6. Пример активного воображения из начала двенадцатого века

Разговор Гуго Сен-Викторского со своей Анимой

Прежде чем мы начнем разбирать наш случай, мне хотелось бы прояснить - я буду касаться этого текста только с точки зрения активного воображения. Я не буду касаться теологических аспектов, поскольку это уведет меня не только вверх с моих глубин, но еще и прочь от того, что, на мой взгляд, представляет главный психологический текст этого материала.

Как я говорила раньше, изначально я работала с этим текстом во время подготовки к моему первому семинару по активному воображению в 1951 году, когда я сравнивала его с разговором Уставшего от Мира Человека со своим Ба (см. глава 5). Эти два текста образуют интереснейший контраст: один показывает, как человек может стоять на своем, когда что-то сверхъестественное вторгается в его мир из бессознательного; другой – как на бессознательное можно влиять, когда человек полностью убежден, как Гуго Сен-Викторский, что это необходимо.

В случае египтянина, сознание было исключительно слабым. Эго лишь поднималось из полного *participation mystique* (мистического соучастия) с коллективным паттерном. В нашем средневековом тексте Эго намного сильнее. В самом деле, можно судить, что оно даже слишком сильно, а его победа над душой абсолютна. Сегодня мы страдаем от обеих тенденций; поэтому, эти тексты я считаю весьма важными параллелями в размышлениях об активном воображении. С одной стороны, когда мы прикасаемся к архетипичному содержанию непосредственно, мы постоянно находимся в опасности пропасть в нем, теряя свое сознание, с такой тяжестью заполученное; с другой, наше Эго склонно быть слишком закоренелым и негнуцимся в плане установки касательно бессознательного.

Наш текст появился в начале двенадцатого века и представляет собой диалог между монахом, Гуго Сен-Викторским и его душой. Нужно кратко упомянуть об его происхождении. В 1108 году Гильом де Шампо, широко известный парижский теолог,

утомляемый ссорами со своим учеником, известным Абелардом, покинул свой профессорский пост в Париже и восстановил разрушенный монастырь на Сене, посвященный св. Виктору из Марселя. Шампо изначально хотел посвятить себя и своих монахов исключительно любви к Господу и ничего больше не иметь со схоластическими науками. Но скоро он был убежден, что и наука является одной из высших форм служения Господу, и храм процветал как научный, так и религиозный центр.

Три монаха, которые были в особенности известны, это Ришар Сен-Викторский, Адам Сен-Викторский и Гуго Сен-Викторский. Ришар Сен-Викторский, шотландец, был темой лекции Юнга в 1940. В своем интересном произведении *«Бенджамин младший»* он сравнивает знание человека с Горой Преображения, ведь он, как и все монахи этого аббатства, полагал знание себя «вершиной знания». Адам Сен-Викторский, француз из Британии, написал несколько прекрасных духовных поэм. Гуго Сен-Викторский, немец из Саксонии, будучи самым известным из всех, оставил великое множество писаний, включая наш материал о его разговорах со своей душой.

О ранней жизни Гуго Сен-Викторского известно очень мало. До восемнадцатого столетия его происхождение было забыто, и легенды относили его к французам, фламандцам и даже римлянам. В 1745 году его настоящее происхождение было снова обнаружено в Хальберштадских манускриптах. (Его дядя был епископом Хальберштадта). Гуго принадлежал к германской аристократии, являясь сыном, или, вероятно, племянником саксонского графа Бланкенбурга. Ему еще не исполнилось 20 лет, когда Гуго уехал из Германии, которую разрывали междоусобицы между императором и Папой, и он отправился во Францию, где и остался жить до конца своих дней. Поначалу он обучался в Париже, а затем отправился в Сен-Викторское аббатство в Марселе. Год, когда он именно переехал в аббатство, неизвестен, но степень профессора он получил в 1125 году, а в 1133 весь процесс обучения в монастыре был отдан под его контроль. Он погиб в феврале 1141 года в возрасте 44 лет.

Он был не только высокообразованным человеком, но также был в хорошем контакте со своими знакомыми и друзьями. Его друзья с гордостью заявляли, что религия и жизнь чудесным образом

объединялись в нем, но при этом мы часто слышим, что он был невероятно критичен. Известно, что он нашел предостережение апостола Павла «снисходительно относиться к людской глупости» (Кор. II, 11:19) неприемлемым. Говорят, его знания были обширны, однако к ним он относился как к «преддверию мистической жизни». Но Пол Вольфф говорит нам, что в случае Сен-Викторских аббатов невозможно отделить мистическое от теологического и философского, ведь их представление о термине «мистический» было гораздо шире, чем в случае мистиков четырнадцатого-пятнадцатого веков. Все символичное или имеющее отношение к символам считалось мистическим в Сен-Викторском аббатстве. Весь мир и все, что есть в нем, они относили к символу Бога. Гуго часто убеждал студентов обучаться всему, чему они только могут, уверяя их, что в поздней жизни ничто не будет излишним для них.

Гуго начал свое изучение мира, как он говорит, из-за того, что вечное слово раскрывается благодаря изучению создания. Само слово невидимо, но оно становится видимым и может быть увидено в работах творца. Мир – книга, начертанная перстом Господним, и каждое существо – послание Господне. Поэтому когда смертный человек смотрит на этот мир, он подобен неграмотному человеку, смотрящему на текст, ведь он для него ни о чем не говорит. Он видит лишь внешние формы, но не имеет понятия об их вечном содержании. Поэтому долг человека – учиться читать книгу мира.

Согласно Гуго, природа и благодать – два пути, по которым человек может достичь Господа: знак природы – видимый мир; знак благодати – воплощение вечного слова. Человек стоит между ангелом и животным; первый видит только духовную часть реальности, последний – только внешнюю форму. Только человек видит и то, и другое. Душа связана с телом через восприятие; душа принимает участие в духовной жизни Бога через идею.

Сен-Викторцы были как мистиками, так и учеными. Гуго в особенности был внимателен к филологической точности и мистической интерпретации одновременно, ведь последнее становится излишне умозрительным, если недостаточно внимания уделять тексту.

Я коснулась лишь поверхностно о жизни и учении Гуго Сен-Викторского, чтобы дать некое представление о почве, из которой появился этот текст, ведь именно активное воображение в нем – самое важное для нас.

В средневековье существование души как самостоятельного, независимого существа больше не было таким потрясением, как для Уставшего от Мира Человека, ведь душа появилась из бессознательного и была определенным фактом для монаха двенадцатого века. Самость, или, во всяком случае, ее светлая сторона, появляется отдельно от души, как ее жених, Христос. О душе говорят исключительно в женском роде, так что можно сказать, что в их понимании она идентична Аниме.

Подобные разговоры ни в коем случае не были редкостью в средние века. Но, насколько мне позволяют судить мои ограниченные познания, они обычно представляют из себя безынтесное, сознательное действие. Вполне возможно, что часть ответов души в нашей беседе также является из теологических заключений, касающихся *anima naturalis* (природной Анимы – лат.), и поэтому не вполне подлинна. Но беседа принимает столько неожиданных поворотов, что кажется невозможным сомневаться, что анима часто проскальзывает в спонтанной речи бессознательного.

В египетском тексте именно Ба представляла и душу, и Самость, сыграв главную роль в перемене человека, тогда как в этом тексте именно человек играет эту роль и меняет душу. Человек ставит себя на место Самости, или Христа, и во многом поэтому оказывается в состоянии переубедить душу. Однако ей позволено говорить свободно, что весьма нетипично для подобных текстов. Она выражает свои сомнения в правдивости его слов, при этом испытывая острую к ним неприязнь. У Гуго есть очень конкретная установка – установка Викторианцев – отвязать свою душу от мира и направить ее исключительно к Богу. То, что текст стремится только к свету, укладывается в рамки своего времени; это был век, когда нормандская архитектура, для которой характерны довольно низкие, грубые арки, уступала высоким, остроконечным аркам готического стиля.

Текст весьма ярко позволяет нам представить, как человек может повлиять на бессознательное. Юнг однажды сказал, что любая практика мистического влияния или суггестии бессознательного обоснована только *когда она применяется в отношении своего собственного бессознательного*. Людям времени Гуго были гораздо более сознательны в плане мистики, чем мы: они не сомневались, что слова и мысли влияют на нас самих и на наше окружение. Поэтому Гуго предпринял попытку воспользоваться методом, неизбежно черпающим силу из мысли и слова, *в службу Господу* стараясь не дать ему стать даймоническим, как бы случилось, если его использовать сознательно или бессознательно ради блага Эго. С психологической точки зрения, все это несомненно весьма здраво; подразумевается использование душевных сил во благо целого вместо того, чтобы превращать его часть – Эго – во врага всего остального в силу его собственной жадности.

Естественно, с нашей точки зрения, темная сторона слишком сильно подавляется, хотя и не исчезает. Средневековый человек был гораздо менее чужд инстинктам, чем мы, и путь к высшему сознанию поэтому сам по себе вел *вверх*. То, как Гуго Сен-Викторский настаивал на логической точности, дает нам понять, например, что не было бы науки, если бы человек не научился быть точным и неукоснительно откровенным.

Любое движение становится односторонним, если на нем слишком долго задерживаться. Целостность в современном мире требует установки, включающей гораздо больше темной стороны человека. Нельзя позволять этому факту влиять на нашу непредвзятость к данному тексту – тексту, который следует христианской программе разделения светлого соответственно своему времени. В связи с этим нас может поразить мысль, насколько мы все еще мыслим в средневековых терминах. То, что было естественно для Гуго в двенадцатом веке, во многом стало привычкой от лени для многих из нас сегодня.

Изложение текста и комментарий

Название текста таково:

О ЗАДАТКЕ АНИМЕ (DE ARRHA ANIMAE)

Разговор, затрагивающий
свадебный подарок (или дары) Душе
Диалог Между Человеком и Его Душой

Человек начинает разговор; он происходит по его инициативе. Он говорит душе, что их беседа будет полностью конфиденциальной, так что он не будет гнушаться спрашивать самые тайные вещи, и она не будет стесняться отвечать честно.

Гуго продолжает, спрашивая, что она любит больше всего. Он знает, что она не может жить без любви, но что она выбрала в качестве наиболее достойного объекта? Он долго говорит о прекрасных вещах нашего мира – золото, драгоценности, разноцветии и так далее. Любит ли она что-то одно превыше всего остального? Или эти вещи остались для нее в стороне, и тогда она должна любить что-то еще, и, если так, то, что это?

Начальная речь указывает нам на то, что Гуго прочно стоит на земле, гораздо прочнее, чем многие из нас стояли бы, говоря со своей анимой или анимусом, ведь он не только осознал душу как собеседника, но еще и то, что ее поле – эрос, отношения и любовь, тогда как его – логос, различение и познание. Он говорит так, как говорил бы мужчина с женщиной. Он знает, что она должна быть привязана к чему-либо, и что она останется в совершенном *мистическом соучастии* (*participation mystique*) с внешним миром, если он что-либо с этим не делает.

Сложно, я думаю, найти мужчину, который бы объективизировал свой эрос и персонифицировал ее эрос до такой степени, и который бы решился использовать свой разум для отделения своих чувств, начиная такой разговор со своей Анимой! Сложно найти такого мужчину, и почти невозможно найти женщину, которая бы достигла отделения своего поля и поля Анимуса. Патриархат в нашей цивилизации несомненно усложняет все для женщин. Мы говорим на мужском языке и так привыкли говорить «я думаю», что очень сложно объективизировать Анимуса и осознать, что чаще мы попадали бы в яблочко, если бы говорили «Он думает во мне». В теории это не так сложно, но применить это на практике весьма непросто. Однако, если нам это удастся, мы

впервые оказываемся в положении, когда мы можем задуматься, говорим ли мы на самом деле «да» или «нет» нашим собственным мыслям и словам.

Юнг рекомендовал это как настоящую технику для женщин, которые пытались познать своего анимуса. Он сказал мне обдумать каждую важную беседу в последнее время, пытаюсь вспомнить, что именно я сказала, и затем задуматься, сказала бы я то же самое снова. Если нет, мне следует определить, что же дало мне такое мнение и сказать то или это, что не совпадало бы с тем, что я думала тогда на самом деле. Далее я должна попытаться поймать мысль, которая появилась в моем мозгу, и повторить ту же процедуру с ней.

Я не знаю, рекомендовал ли он ту же технику мужчинам, когда речь идет об их чувствах. Мужчины, вероятно, говорят «я чувствую» гораздо реже, чем женщины «я думаю», но они совершенно точно соглашаются с чувствами так же, как женщины соглашаются с мыслями.

Именно поэтому поразительно, что Гуго проводит такую четкую линию между царством своих мыслей и царством Анимы, и держится этого на протяжении всего текста. Очень многому можно научиться у него, что поможет нам в активном воображении.

Душа отвечает, что она не может любить то, что не видит; она говорит, что никогда не могла лишиться то, что видит, своей любви, но она пока не нашла ничего, что любила бы превыше всего. Затем она жалуется, что она уже узнала, что любовь этого мира разочаровывает; либо она теряет то, что любит, из-за его разложения, либо того, что она любит, не устраивает она сама, в связи, с чем она чувствует себя обязанной меняться. Поэтому ее любовь все еще колеблется – она не может ни жить без любви, ни найти истинной любви.

Из первого вопроса Гуго становится понятно, что его разум уже научился видеть вечные идеи в видимых объектах. Помните, он учил, что мир – книга Господня, и человек неграмотен, если он не может ее прочесть. Из ее ответа ясно, что его собственная душа безграмотна и является пленницей *concupiscentia* (вожделения – лат.); на данный момент ей не хватает индивидуальных качеств

или дифференциации. Таким образом, чувственной стороне Гуго не хватало дифференциации разума.

Ответ показывает нам, что Анима человека склонна проецировать себя безраздельно то на одну женщину, то на другую. Если бы речь не шла о монахе с фиксированной установкой, и, более того, если бы он не приложил столько стараний к объективизации анимы, Гуго бы несомненно оказался в ее власти и следовал за ее странствиями совершенно бессознательно. Предположительно, именно эта тенденция привела его к этой беседе. Она, однако, не совсем согласна с его условием; она уже довольно стара, так сказать, и уже научилась разочарованию.

Юнг всегда говорил, что нам пока не хватает научных доказательств для уверенности в существовании реинкарнации. Однако, то, что у людей души разных возрастов – это факт. Многие люди в течение всех своих жизней учатся вещам, которые другим кажутся самым собой разумеющимися. Душа Гуго уже знает, что любовь к временным вещам приносит разочарование, о чем многие души и понятия не имеют. В наши дни материализма, к сожалению, приходится говорить, что подавляющее большинство не имеет об этом понятия, сознательно ли, как Гуго знал в течение многих лет, или же бессознательно, в душе. В наши материалистические дни, можно сказать, что это что-то, чего подавляющее большинство не осознает, сознательным ли разумом, где Гуго знал это в течение многих лет, или бессознательной душой.

Гуго хватается за этот момент и в следующей речи говорит, что он рад, что она не пленена целиком любовью к мирским вещам. Было бы хуже, если бы она себе устроила дом в них, на данный же момент она – бездомная скиталица и потому все еще способна вернуться на верный путь. Но она никогда не обретет вечной любви, пока она привязана к видимому.

Гуго проясняет свою философию, обращаясь к негодующему протесту души: как же можно любить что-то невидимое? Если не существует истинной, вечной любви к осязаемым и видимым вещам, неужели каждый любовник обречен на вечные страдания? Как можно кого-либо называть человеком, кто, забыв свою человеческую натуру и отринув все связи с обществом, любит

только себя, одиноко и печально? Поэтому, говорит она, Гуго должен либо согласиться с ее любовью к видимым вещам, либо придумать что-либо получше.

Это кажется поразительно точным описанием, данным самой душой, того, как Анима привязана к внешнему миру: индеец Майя, танцор. Оно совпадает с последними описаниями Анимы Юнгом в *Эон*. Анима Гуго – самостоятельный образ, и не гнушается нападать на него в манере, которая напоминает замечание Ба: «Ты вообще живой?». О ее точке зрения, конечно, можно сказать очень много; во многом, жизнь монаха – отрицание внешней реализации Анимы. Нам ничего не известно о матери Гуго, но матери его двух великих современников, Норберта и Бернарда Клервоских, сыграли большую роль в том, что те стали монахами. Во время беременности матери Норберта приснилось, что она родит великого архиепископа, а мать Бернарда, что она родит пса, который заполнит весь мир своим лаем. Церковник объяснил ей сон, что ее сын станет великим проповедником. Так как Гуго стал монахом еще до того, как покинул Германию, когда ему еще не было 20 лет, мы можем быть уверены в его серьезном материнском комплексе.

Сравнивая атаки души и Ба двух мужчин, мы находим, что Ба вполне конструктивно выражает свой протест против того, чтобы тот избавлялся от своей жизни, тогда как душа с более общей точки зрения говорит: «Ничего с собой не делай; это отвратительно». Поэтому это гораздо более деструктивный взгляд, так как основная идея в том, что смотреть внутрь себя отвратительно.

Однако в конце она бросает вызов Гуго, и, как пишет Юнг в *Эоне*, Анима всегда бросает мужчине вызов своими опасными качествами, пытаясь вытащить наружу его величие. Он должен придумать что-то получше, если хочет, чтобы она оставила этот мир.

Весьма интеллигентно Гуго встречает опасность, переворачивая все с ног на голову, и говоря ей, что ее красота неизмеримо превосходит красоту мира; если она только могла увидеть себя, она бы поняла, насколько глупо любить все то, что снаружи; он воспеваает хвалебный гимн ее красоте.

Этот хитрый, если не сказать бесстыдный, подход к женскому тщеславию был предпринят частично для того, чтобы выбить ее из колеи, предположив его самовлюбленность – что он любит только себя одинокой и печальной любовью. (Здесь стоит заметить, что, возможно, раз он был так впечатлен ее красотой, его активное воображение было и визуальным, и аудиальным; т.е. Гуго, пока говорил с ней, вероятно, видел свою душу глазами разума, как выражается Герхард Дорн).

Если бы Гуго говорил с женщиной из внешнего мира, эта речь была бы несомненно бесстыдной из-за опасного магического влияния, которое оказывает лесть. Но, как говорил Юнг, магия, которая совершенно точно включает в себя лесть, как раз подходит для того, чтобы ею воспользоваться во взаимодействии с бессознательным, а Гуго говорил со своей Анимой.

Но, видимо, он намазывал масло слишком толстым слоем, ведь она совсем не впечатлена (на немецком, *er redet an ihr vorbei* – *он говорит не по существу; они говорят на разных языках*). Она холодно отвечает, человек может видеть все, кроме себя, и что она оправданно считает глупцом того, кто желает наслаждаться любовью, лишь смотря в зеркало. Он должен дать ей зеркало другого рода, если ему хочется чего-то подобного. Любовь не может выжить в одиночестве, и не является любовью вообще, если не направлена на подходящего партнера.

Становится ясно, что душа экстравертирована настолько, насколько он интровертирован, как и ожидалось. Так, как делал это Гуго, с экстравертами говорить бесполезно, ведь любой взгляд внутрь для них ужасен поглощенностью собой. Более того, со своей точки зрения душа вполне права; отношения с другими людьми незаменимы. Они могли бы спорить об этом бесконечно, что мы видим в гностическом тексте, переведенном Джорджем Р.С. Мидом, в котором Христос и Иоанн Креститель не могут достичь согласия на тему того, стоит ли делиться тайнами с этим миром.

Важно в тексте то, что душа просит *зеркало другого рода*, это означает признание, что ей необходим свет его сознания; если Гуго не обеспечит ее им, то она останется крепко привязанной к

внешнему миру. Этот момент наиболее важен с точки активного воображения, ведь он показывает, что пассивного наблюдения или прислушивания недостаточно. Однако если воздействовать также и своим сознанием, можно достичь чего-то значимого.

Такое же осознание Анимы, а именно необходимости для нее в сознании человека мы находим в диалоге Деват (образов Анимы) Будды. Я процитирую два коротких примера:

*Третья Сутра: Стоя в стороне, Девата повторила следующие слова Просветленному (Будде): Существование проходит, дни жизни коротки,
Нет никакой защиты тому, кто стареет.
Поэтому держи опасность смерти перед своими глазами,
Человек точно должен стараться ради добродетели и счастья.*

Просветленный отвечает:

*Существование проходит, дни жизни коротки,
Нет никакой защиты тому, кто стареет.
Поэтому держи опасность смерти перед своими глазами,
Человек точно должен взирать на вечный мир и избегать всего,
что ему помешает!*

Обратите внимание на различие в последних строках. Будда говорит своей Девате во многом то же, что Гуго говорит своей душе.

Во Второй Сутре мы находим:

*Одна Девата говорит другой (которая говорила невежественно):
Не знаешь ли ты, глупая, слов Совершенного?
Все формы истинно преходящи,
Они подвержены законам появления и пропажи;
Они восстают и пропадают снова;
Положить им конец – благословение.*

Интересно, что Будде приблизительно 1600 годами ранее приходилось обучать свою Аниму практически тем же вещам, что

и Гуго в нашем тексте, и как придется любому мужчине в диалоге со своей анимой и по сей день.

Гуго принимает вызов души очень долгой речью. Он начинает с того, что никто не одинок, если с ним Бог, и что любовь только усиливается, если избавиться от стремления к никчемным вещам. После этого он настаивает на необходимости самопознания, и что она сначала должна осознать свою ценность, чтобы не бесчестить себя, любя что-либо менее ценное. Он говорит, что, как она знает, любовь – это огонь, и что все зависит от того, каким топливом его кормить, ведь она неизбежно станет тем же, что она любит.

Затем Гуго переходит ближе к ее стилю и говорит ей прямо в лоб, что ее лицо не невидимо для нее самой и что ее глаз не увидит ничего, пока не увидит себя; только прозрачность, необходимая для саморассмотрения, сможет не позволить затемнить обманчивым фантомам ее видение всего остального.

Эти заявления – некий пролог к настоящему тезису Гуго. Он говорит ей глубокие психологические истины, вероятно, надеясь, что зерно упадет на плодородную землю и пустит корень, ведь, если остановиться на этом, я сомневаюсь, что она будет впечатлена больше, чем ранее. Как вам известно, мы часто не понимаем психологическую истину, слыша ее впервые; мы, однако, откладываем ее где-то, и часто, возможно, годами позднее, она прорастает как наша собственная идея! Ведь, по большей части, кажется, что Гуго просто отпускает свой хлеб по водам.

В последнем предложении Гуго настаивает, что душа *может* себя видеть, и что ее глаз никогда ничего не увидит, пока она этого не сделает. Он, очевидно, предупреждает ее об опасности переноса. Можно еще предположить, что он пытается, подобно алхимику, заставить свою экстравертированную Аниму стать прозрачным ляписом, направить внутрь свои силы и через это превратить их с помощью спрессовывания в нерушимый кристалл или алмаз.

Он продолжает, говоря ей, что если она не может увидеть себя, она должна прислушаться к мнению извне. (Здесь он делает отсылку к ее словам, что, отвергая мысль о том, что она способна видеть себя, «можно научиться видеть свое лицо» «скорее ухом,

чем глазом»).) Затем Гуго впервые упоминает ее жениха и говорит ей, что тот видит и любит ее, хоть она его и не видела. Гуго говорит, но она игнорирует и не принимает это. Пусть она не видит его, она должна хотя бы задуматься о его дарах как выкуп за нее. Затем он перечисляет эти дары: все, что она любит в видимом мире.

Затем он жестоко порицает ее за принятие видимых даров, не видя скрытого дарящего. Она должна быть осторожной, или ее по праву сочтут блудницей, а не невестой, говорит Гуго, если она примет подарки и не вернет за них любовь – если она предпочтёт дары любви дарившего. Она должна либо отказаться от подарков, либо отплатить уникальной любовью к жениху, их дарящему. Это единственно чистая любовь.

Гуго принимает ее вызов предоставить другое зеркало. Он мудро дает ей объект любви и пытается доказать Его существования, показывая Его как невидимого дарителя всего, что она видит и чем восхищается.

На языке церкви, жених – Христос или Бог; на языке психологов – Самость. Гуго делает то, что мы можем сделать, чтобы ослабить излишне сильную Аниму или Анимуса: делает все, чтобы определить ее на место служения Самости. Фундаментально конфликт, возникающий между мужчиной и Анимой или женщиной и Анимусом, неразрешим, ведь они представляют собой самые основные противоположности – мужское и женское. Поэтому, почти что единственная надежда разрешения – это перерасти проблему, как это подробно описано в *«Тайне Золотого Цветка»*, который мы упомянули в конце 5 главы, *«Уставший от Мира Человек»*. В комментарии Юнга мы слышим, что неразрешимая проблема редко решается на своих условиях; она скорее теряет свою актуальность через рождение нового жизненного пути. Гуго пытается отправиться тем же путем, как Ба вместо того, чтобы разрешить проблемы Уставшего от Мира Человека на своих условиях, показал ему что-то более важное: общий с Ба дом. Гуго и его душа могут воссоединиться в Самости: «Бог – единство противоположностей», как сказал Николай Кузанский.

Разуму Гуго Сен-Викторского это хорошо известно, но его Аниме – нет. Она слишком сильно связана с миром чувств, поэтому

единственная его надежда – использовать язык, понятный ей, постепенно приводя ее к осознанию существования объединителя противоположностей. С великой мудростью он оставляет любые попытки отобрать мир, который она любит, и использует его, чтобы доказать свою точку зрения, представляя его в виде подарка жениха, который любит ее единой любовью.

Сейчас мне хотелось бы упомянуть современный сон, показывающий ту же проблему с женской точки зрения. Он – часть весьма интересной серии, иллюстрирующей конфликт между коллективной точкой зрения Анимуса и исключительно персональной точкой зрения тени. Нужно упомянуть, что сновидица не проходила анализ, что означает, что этот материал часто более наивен и полон.

Сновидицу постоянно разрывал на куски невероятно жестокий Анимус, часто появлявшийся в снах в виде монаха или священника, а также по-детски необузданной тени в образе ребенка или легко возбудимой, эмоциональной женщины. С одной стороны, она пыталась принять все увещания справедливого, но безжалостного Анимуса; с другой, ей приходилось опускаться до уровня тени *вопреки* ясным указаниям священника.

В этом сне она была вынуждена стоять в обществе священника, но несмотря на это она опустила на скамью около безнадежной женщины. Она сказала, что села рядом с этой женщиной не из-за того, что забыла о своем долге стоять, и не из неповиновения, но из сопереживания, которое превыше ее сил. Когда она посмотрела на священника, она увидела милосердие в лице священника, но она знала, что тот жестоко накажет ее за содеянное. Когда напряжение достигло пика, она заметила, что находится в огромном соборе, священник стоит позади нее, а женщина – перед ней. По всей видимости, они ожидали чего-то вроде суда или решения. Все они слушали этот голос со страхом и благоговением, он был так же величественен, как и сам собор. Голос был полон сострадания, но приговор был суров: Если дитя (или женщина) переживет свои раны, спящая может идти своим путем с миром, но если же нет... Сновидица не услышала альтернативы, но единственным вариантом был смертный приговор. Так, жесточайший суд был проведен с милосердием, что могло быть принято ими всеми.

Возвращаясь к нашему тексту, мы подходим к ответу Души. Она говорит Гуго, что сладость его слов разожгли в ней огонь, хоть она никогда и не видела этого жениха, которого тот так превозносит. Однако, только по его одному описанию, она чуть ли не обязанной себя чувствует его возлюбить. Но есть помеха, который может обрушить ее счастье, если не придет на помощь его поддерживающая рука.

Гуго оказал чуть ли не волшебное влияние на душу. Его слова разожгли огонь. Душа еще экстравертирована и не до конца осознала психологической истины о Самости; она очарована самими словами, а не их смыслом. Однако она видит и опасность их чар, о чем и говорит ему. Она подчеркивает очарование его слов и его поддерживающую руку, раздувая его Эго. Это любимая уловка и Анимы, и Анимуса, из-за которой нам постоянно нужно быть настороже во время активного воображения. Будучи независимыми даймонами, они поддерживают свои силы во многом осуществляя инфляцию и подчинение; они пользуются этим оружием нещадно и незаметно. Если Гуго возгордится, начнет думать «Я делаю это; как же я хорош», он будет у нее в кармане, и это сила, от которой Анимус или Анима, насколько мне известно, никогда не отказываются. При малейшей возможности они ею воспользуются.

Гуго говорит, что он целиком и полностью уверен, что ничего не может быть в любви ее жениха, что могло бы преуменьшить ее удовольствие, но чтобы ей больше не казалось, что она может быть обманута, он просит ее поведать ему о своих сложностях.

Гуго совсем не глуп. Он очень умно избегает ее ловушку; он признает, что может показаться, что он обманывает ее во благо своего Эго. На самом деле, у меня есть ощущение, что он, вероятно, изучал свое собственное сознание на эту тему очень внимательно.

Не стоит забывать и о том, что, хоть беседа написана так, как будто происходит за один раз, это на самом деле было совсем не так. Эти беседы требуют целостности человека и долгих раздумий. Мне часто требуется долгое время раздумий об

очередном шаге моего визави, прежде чем я увижу, к чему он ведет, или пока я разгляжу верный ответ.

Как Юнг часто замечал, в бессознательном время либо не существует, либо воспринимается иначе, поэтому подчас возможно продолжить ту же тему с тем же визави позже. Но в бессознательном все постепенно стремится тонуть, поэтому каждая отсрочка или предлог *без необходимости* всегда губительны. Я хочу подчеркнуть, что для беседы требуется огромные усилия, и все же мы идем на это. Только опустившись до человеческих измерений, увидев опасность, что он может обмануть ее ради своих собственных целей, Гуго смог избежать ловушки Анимы. Нужно постоянно помнить о том, как малы мы в подобных разговорах с более или менее вечными образами.

Затем душа довольно продолжительно описывает свои сложности. Хотя она и признает великолепие подарков жениха, но не видит в них ничего уникального, ведь она должна делиться ими со всеми людьми, и даже животными. Очень несправедливо ожидать от нее исключительной любви к жениху, если ничего не указывает на его исключительную любовь к ней. Она говорит, что Гуго это прекрасно известно, и он должен указать ей, в чем заключается уникальность даров.

Это пример весьма типичен для женской психологии. Каждая женщина, и, предположительно, каждая Анима, держится этого чувства исключительности. (Юнг рассказывал историю о сумасшедшей в Бургхолцли, которая кричала в часовне: «Он – мой Христос, а вы все – блудницы!») Каждая женщина, которая честна перед собой, может найти ту же потребность в себе, хотя часто она переносится на настоящего мужчину, который вынужден, так или иначе, страдать от ее исключительного собственничества.

Эта речь подтверждает наши подозрения, что Анима пыталась обмануть Гуго своей лестью, ведь, на данный момент, она, очевидно, любит свой путь гораздо больше, чем жениха. Это требование быть единственной любимой – требование силы, но не любви. В какой-то степени, Гуго пожертвовал своей сознательной питаемой силой Эго волей, но он осознает, что его эрос, его жизнь чувств, его Анима все еще идет старым путем. Люди часто говорят

вам, если вы предполагаете, что они за что-то страстно цепляются: «О, нет, избавился от этого». На сознательном уровне это может быть правдой, но этот пример показывает нам, что если мы думаем, что этого достаточно, то мы выписываем себе чек без ведома хозяина. Благодаря тому, как интеллигентно Гуго справляется с ситуацией, он узнает, что же есть Анима.

Гуго снова очень умно отвечает Аниме, что он не злится на нее, ведь, по всей видимости, она действительно ищет совершенной любви. Он не критикует ее отрицательный ответ, но подчеркивает положительное, как мог бы сказать муж: «Дорогая, ты вполне права; я вижу, твои слова бесспорны» в качестве пролога к огромному «НО». Если Гуго не был бы монахом, кажется, он вполне мог бы быть отличным мужем!

В длинной речи Гуго пытается привнести разнообразие в свою жизнь чувств, разделяя подарки жениха, скажем, на три вида: первый – принадлежащие всем; второй – особенные дары, принадлежащие ограниченному кругу лиц; а также третий – уникальные дары. Но речь не растопила лед: Анима говорит ему, что он отверг, нежели искоренил, ее сложности. Поэтому я упоминаю об этом лишь для того, чтобы продемонстрировать всю сложность подобных разговоров. Гуго пытается подойти исключительно рациональным путем, что не оказывает на нее никакого влияния. Она избавилась от чар его слов, и, подобно женщине, настаивает на *фактах*.

Он продолжает, однако, в том же духе, несмотря на ее протест. Он только начинает впечатлять ее, начиная с описания, основанного на факте, того, что на самом деле есть эта уникальная любовь. Я процитирую два весьма важных фрагмента целиком:

Любовь сама может быть счастьем, но оно будет много большим, если человек сможет возрадоваться счастьем многих. Ведь духовная любовь становится больше в личности, если она общая для всех. Она не уменьшается, когда ею делятся, ведь ее плоду суждено быть уникальным и безраздельным в каждой личности.

Иными словами, ее исключительное право на уникальную любовь не устанавливает границ на то, со сколькими людьми она ею

делится. Ей не стоит бояться, что сердце жениха будет разорвано на части, как это бывает в людской страсти, ведь оно целое и неделимое везде. Гуго продолжает:

Все должны поэтому возлюбить Одно уникальной любовью, ведь все любят уникально и должны любить друг друга (альтернативный перевод: любить себя) в Одном так, как будто они были этим Одним и через любовь к Одному стать Одним.

Алхимия полна отсылок к теме *Одного*, но нет возможности их здесь перечислить. По сути, «Одно» в алхимии и «Одно», о котором говорит Гуго, конечно, архетипический символ Самости.

В «Психологии Переноса» Юнг цитирует следующее из Оригена: «Ты видишь, что он (человек), кто кажется одним, не есть одно, но настолько много (различных) людей появляется в нем, сколько у него есть благих намерений». Поэтому цель христианина, согласно Оригену – стать внутренне объединенным человеком; стать одним.

Так же существует параллель в Брихадараньяка-упанишаде, которая настолько близка к нашему тексту, что я не могу не процитировать несколько строчек из нее.

Яджнявалкья говорит:

Истинно, муж не мил, чтобы ты могла любить мужа; но чтобы ты могла любить Атман, для того муж мил.

Истинно, жена не мила, чтобы ты мог любить жену; но чтобы ты мог любить Атман, для того жена мила.

После из всех вещей, что любят мужчины именно это повторяется, и отрывок заканчивается следующими словами: «Истинно, все не мило, чтобы ты могла любить все; но чтобы ты могла любить Атман, для этого все мило».

Для нас значение этого текста может быть найдено в нашем опыте. Это наиболее очевидно, особенно для женщины и также в нашем тексте, в отношениях. Мы все знаем, что никакие человеческие отношения не *совершенны*. Мы можем поделиться

тем или иным с тем-то или тем-то, или чем-то еще с кем-то еще, и так далее. Мы часто чувствуем себя разделенными, неустойчивыми, или разрываемыми между нашими отношениями. Но когда мы начинаем чувствовать некую приверженность бессознательному, чему-то, что бесконечно больше нашего Эго, мы начинаем осознавать что-то вроде верности Одному, Самости. Гуго это описывает религиозным языком как верность жениху души, а мы начинаем видеть, что он попросту описывает *психологическое явление*.

Это иногда очень ясно видно в переносе. Все наихудшие сложности переноса часто являются знаками, ведущими к опыту с психологической Самостью. Перед психоаналитиком стоит задача стоять крепко, и через консультации со своим бессознательным давать каждому пациенту именно то, что принадлежит ему или ей в *Одном*, ни больше и ни меньше. Перед пациентом же стоит задача по возможности принять страдания, вызванные отказом эгоцентричных притязаний, а не учиться познавать *Одно*, в котором только и можно найти решение проблемы. И очень часто, главная помощь обеим сторонам может быть оказана как раз через активное воображение.

Душа в начале своего ответа снова говорит Гуго об очаровании объяснений. Она говорит, что благодаря им она чувствует гораздо больше стремления встретить эту любовь, тогда как ранее, без них, ей становилось плохо. Она становится более практичной и говорит, что ей необходимо увидеть, что эта любовь действительно действенна. Она перестанет в ней сомневаться, если на своем опыте увидит настоящий, истинный эффект.

Хотя она все еще чувствует очарование его слов, они больше не удовлетворяют ее. Они сделали свое дело – заставили ее прислушаться, но теперь Гуго должен предоставить *факты*. Такая реакция души в точности согласна с нашим опытом бессознательного; оно обладает подавляюще эмпирическими взглядами, и предположения не оказывают на него долговременного эффекта. Оно действительно временами реагирует на предположения, но все равно всегда разворачивается назад и в конце концов требует *факты*.

Главная мысль, которую Гуго доносит в своем весьма длинном ответе душе, в том, что жених подарил ей не просто существование, но существование прекрасное и сформированное, и, более того, сходство с ним самим.

Это невероятно важный момент, содержащий в себе всю суть индивидуации. Это «прекрасно сформированное существование» - предположительно уникальная форма, которую у каждого из нас есть шанс привнести в реальность. Она действительно дана нам, и при этом мы обладаем выбором, реализовывать ее или нет. Юнг не раз сравнивал это с процессом огранки кристалла, но укрепляет ли эта огранка кристалл зависит, во всяком случае, в какой-то степени, от нас.

У Якоба Бёме есть эпизод о том, как он разговаривает о «тонком теле» Бога, но что Люцифер потерял это тело, когда упал с небес. Юнг однажды сказал об этом утверждении, что мысль о теле можно воспринимать и фигурально, имея в виду индивидуальную форму, образ. Согласно Бёме, дьявол отверг свою индивидуальную форму; иными словами, он не пройдет процесс индивидуации. Поэтому, в нашем тексте для души последовать примеру дьявола и отвергнуть это «прекрасно сформированное существование», дары жениха было бы фатальной ошибкой. Говоря иначе, если бы она отказалась от процесса индивидуации, это было бы для нее фатально.

Следующая мысль, которую выражает Гуго, о том, что жених не только подарил ей прекрасно сформированное существование, но еще и сходство с ним самим.

В «Психологии и Алхимии» Юнг пишет:

Интимность отношений между Богом и душой исключает любое принижение последней. Говорить о родстве, пожалуй, было бы перебором, но в любом случае душа должна обладать способом соотноситься (иными словами, чем-то, что бы было связано с Божественным Существом) в самой себе, или о контакте не было бы и речи. Говоря языком психологов, соответствующий фактор – это архетип образа Бога.

Это «что-то в нас, что связано с Божественным Существом» сформулировано Гуго Сен-Викторским как сходство души с Богом. В этом тексте мы касаемся ужасающего парадокса наших близких отношений с божественной ипостасью Самости, с которыми нам никогда не удастся ужиться без ужасной инфляции. Во времена Гуго, пожалуй, опасность инфляции не была такой уж большой, ведь в течение всего текста любое действие приписывается Богу, а душа просто принимает его дары.

Алхимическая мысль, что искупление чего-то божественного зависит от человека, вполне присуща этому тексту, хотя и акцент всегда стоит на деятельности Бога. Но можно также и сказать, что основная цель всей беседы – освободить душу от ее запутанности в мире – главная идея алхимиков: освободить что-то божественное от тьмы материи. Это в особенности ясно в момент, когда Гуго напоминает душе о схожести с Богом. Как видно из беседы, этим предположением алхимической стороны идеи мы обязаны исключительно научному разуму Гуго, который не стеснялся признавать существующее состояние его души.

Гуго, продолжая, говорит ей, что с помощью любви она получила четыре дара. Довольно интересно, что эти четыре дара – точное описание четырех функций. Две рациональные функции даже описаны словами: «сознание» и «дифференциация», главное качество «мыслительной» функции. Вполне логично, что две иррациональные функции и описаны были иррационально: «ощущения», так как Анима была *внешне* украшена драгоценными камнями чувств, и «интуиция», ее *внутреннее* «украшение мудрости». Кажется, что это очередное доказательство архетипичного характера четырех функций Юнга: Гуго явно выделил их в двенадцатом веке во время искреннего разговора с душой. Затем, достаточно неожиданно, Гуго обращается против своей души и порицает ее, говоря ей, что она оставила своего жениха, опустила до любви к незнакомцам, отвергла его дары – короче говоря, она не невеста больше; она «стала блудницей».

До этого момента душа не говорила ничего в течение нескольких страниц, кроме лишь нескольких искренних просьб продолжать, поэтому эта внезапная, жестокая атака прямо-таки шокирует. Предположительно, Гуго осознает, что она его не понимает. Во фразах, цитировать которые было бы слишком долго, он

постепенно переходит на тон «тебе следует»; вероятно, он чувствует неуверенность в себе, и, следовательно, вызывает противостояние души с помощью сильной эмоции. Возможно, он поднялся чуть выше себя самого в своих размышлениях о Божественном, и внезапно вошел в гнев из-за того, что не в состоянии контролировать половину своих функций.

В признании, которое он потом делает, Гуго отождествляет себя со своей душой и берет на себя часть вины за ее недостатки. Поэтому, эта резкая вспышка гнева может быть больше направлена именно на свои неудачи. Сильные эмоции, касающиеся ошибок других, почти всегда вызваны переносом, ведь слабость, которая на самом деле не дает нам покоя, *всегда только наша*.

Давайте задумаемся на момент, что же в повседневной жизни Гуго подтолкнуло его к разговору с душой. Она представляется как запутавшаяся в мире, поэтому мировые цели и амбиции вероятно играли большую роль в душевном складе Гуго, и, очевидно, были несовместимы с его внутренней целью. Не смотря на, или же из-за несколько снисходительного тона, в котором он иногда говорит с душой, особенно в этом эмоциональном порыве, можно заметить человека, который до смерти боится стать одержимым своей Анимой. Можно представить, что он постоянно ловил себя на мелких, или даже крупных, планах во внешнем мире. За такими искренними стараниями договориться с Анимой наверняка должна стоять мощная мотивирующая сила. В этом смысле он составляет очень интересный контраст с Отцом Иосифом в «*Сером Преосвященстве*» Олдоса Хаксли, который никак не мог пожертвовать страстью своей Анимы ради мирской силы.

С другой стороны, вполне возможно, что Гуго намеренно выпускал контролируемый гнев, чтобы шокировать свою душу и пробудить ее от бессознательности. В любопытном обсуждении этого момента Юнг сказал, что игра всегда проиграна, если игрок в процессе беседы потерял контроль. Миссис Юнг парировала, что иногда гнев – иногда верная реакция, как он сам и говорил. Юнг отвечал, что это вполне так, но *только* если человек в состоянии этот гнев *контролировать*. Если дать гневу взять верх, всегда ошибешься. Сейчас мы можем судить об этом только по влиянию, оказанному этим гневом на душу.

Душа отвечает Гуго так, что становится ясна ее глубокая оскорбленность. Она надеялась, что этот гимн вел к другой цели, но теперь она видит, что он его предпринял только для того, чтобы показать ей яснее, насколько она ненавистна. Поэтому она говорит, что хотела бы, чтобы этого разговора никогда бы не было, и что теперь должен потонуть в забвении, раз у него нет к ней жалости.

В этот момент Гуго чуть не потерял все, что приобрел раньше, ведь душа желает забыть весь разговор; иными словами, она раздумывает о возвращении к бессознательному. В нашем собственном активном воображении, мы не должны позволять себе забывать, что эти образы легко могут исчезнуть, и с точки зрения чувств Гуго совершил большую ошибку. Он смертельно приблизился к языку Анимуса: тебе стоит и тебе не стоит. Очевидно, Аниме это еще отвратительней, чем женщине; в самом деле, если вспомнить, как близка Анима к природе, становится удивительно, сколько она еще вынесла.

Мы касаемся проблемы всего нашего христианского наследия от средних веков. Человек средних веков был принужден быть жестким с собой от безусловной необходимости разделять светлое всеми силами. Многие современные люди так и живут и по сей день; им тяжело себя простить за что-либо. Но очень опасно не быть в состоянии себя простить. Христос сказал: «Любите своего соседа *как себя*», и мы в самом деле не можем любить или простить соседа, если не можем любить или простить себя. Анимус ведет себя в такие моменты очень предательски и любит беспардонно подчеркивать то, как мы себя вели. Я заметила, что стала часто ему говорить: «Не спеши так; возможно, ошиблась, но давай подождем и посмотрим, как разовьется ситуация *прежде чем* я начну слишком сильно волноваться о ней».

Взрыв Гуго был, конечно, угрожающим, ведь он находится в опасности потерять любой контакт с Анимой. В то же время, возможно, было необходимо пойти на энергичные меры, чтобы пробудить ее от собственных недостатков, ведь, так как она не видела своей красоты, она вероятно была слепа и к своим уродствам. Подобные вещи иногда неизбежны, но это случай Сциллы и Харибды: скажи слишком много – потеряешь контакт;

скажи слишком мало – не получишь возможности повлиять на образы.

Из пространного ответа Гуго ясно, что он осознавал опасность потерять ее, ведь он спешит уверить ее, что у него не было на уме винить ее в чем-либо, говорил он лишь для объяснения. Его намерением было показать ей, как велика была любовь жениха, ведь ее ошибки никак на нее не повлияли. С другой стороны, когда ее жених увидел, как та теряется в грехах, он снизошел до человеческого уровня, чтобы искупить ее вину.

Таким образом, Гуго все весьма умно развернул. Подчеркнув то, как сильно ее любят, она снова подпадает под чары этой мысли, и мы больше не слышим о ее желании забыть беседу. Психологически, Эго снова отрекается в пользу Самости. Гуго жертвует своим «слишком человеческим» гневом ради недостатков Анимы, перекладывая все в руки Самости.

Душа отвечает, что начинает любить свою вину, и даже благословляет ее, ведь она видит, что та привлекла любовь, от которой ей хочется, чтобы та поскорее смыла эту вину. Затем она отворачивается от Гуго и обращается напрямую к жениху впервые за все время, спрашивая его, что он нашел в ней, чтобы любить ее до смерти.

Таким образом душа компенсирует чисто моральную точку зрения Гуго, и кажется, что ее мудрость значительно превосходит его. Он сосредоточил весь акцент на светлом, но она видит, что подобная любовь может быть составлена только *обеими* противоположностями, и именно темное в ней взывало к ней. Весьма важно, что она впервые повернулась к жениху так, как будто это было что-то превыше понимания Гуго.

Ту же мысль мы видим у Майстера Экхарта около сотни лет спустя. Он подчеркивал, благо Господне может быть пережито только теми, кто познал все горе греха, и указывал, что поэтому все апостолы были ужасные грешники. Эта мысль, видимо, витала в воздухе уже во времена Гуго Сен-Викторского, хотя и неясно, насколько сильно она прорвалась в его сознание. В любом случае, в его благословенной научной точности он, полный веры,

записывает все, что говорит его душа, хотя поначалу лишь как подобие разговора между архетипами.

Как только душа снова крепко встала на ноги, она довольно спокойно позволяет Гуго порицать ее сколько угодно, что он и делает довольно продолжительно. Лишь иногда он ей наскучивает, и она прерывает его, прося его рассказать больше о восхитительной любви.

Диалог прерывается весьма интересным признанием, которое Гуго адресует напрямую Богу и в котором берет на себя ответственность за грехи, что он до этого приписывал своей душе. Он благодарит за все уникальные дары, данные ему, говоря, например, что Бог оставил множество его современников во тьме невежества, тогда как Гуго был особенно благословлен просветлением, через которое он может распознать пожелания Бога. Благодаря этому он стал способен узнать Бога подлиннее и любить Его еще чище, верить в Него честнее и следовать Ему еще более пылко, чем современники. Он благодарит за дары, которые получил: послушные чувства, великий разум, хорошую память, легкость и очарование речи, значительные знания, успех в работе, харизма, прогресс в науке, настойчивость, и так далее.

Так как исповедь начинается с признания грехов, которые совершила Анима, своими, Гуго очень мудро привлекает внимание к соответствующим положительным качествам. Когда мы осознаем свои отрицательные стороны, мы часто забываем противоположные. При этом душа человека, как и все другое, двойственна: позитивна и негативна.

После его исповеди душа ведет длинную речь, в которой она признает право этой любви называться уникальной при том, что она практически универсальна. Даже начинает казаться, что ее жених только и делал, что приглядывал за ее спасением. Она соглашается с точкой зрения Гуго, жалея о своих грехах, и теперь она понимает, что они стали помехой для ее обучения становлению вместилищем этой давно желанной любви.

Затем происходит одна из наиболее любопытных вещей за весь текст. Гуго провозглашает, что произошло чудо и говорит:

Я вижу, как ты с момента начала нашей беседы поместила то, что противоположно любви, в центр, и этим не ослабила любовь, но многократно преувеличила ее.

Она сдается не раньше, чем Гуго перенимает что-то от ее точки зрения; теперь это больше не разговор между архетипами, но прямой допуск Гуго, что все, что ему не нравилось в Аниме, только *усилило*, а не ослабило эту любовь. Так же, как и Уставший от Мира Человек перенял что-то от Ба в его последних речах, так же и Гуго, хоть и гораздо меньше, перенимает от своей души. Расположение вещей по центру, конечно, означает переход их в сознательное, передачу их Самости вместо того, чтобы хранить их в углу как личные грехи и со временем и вовсе забыть о них.

Эти взаимные соглашения имеют моментальный фактический эффект, и душа задает ему один последний вопрос: ее жених тот, кто так *ощутимо* касается ее временами, столь нежно, и с такой силой, что она чувствует коренные перемены?

Это нечто, что касается души, очень часто упоминается в алхимии. *Rosarium Philosophorum*, например, говорит нам, что некоторые мастера видели секрет и даже касались его руками. И алхимики часто говорят, что «мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели». Юнг замечал, что алхимики писали только для тех, кто переживал нечто подобное и не пытались объяснить суть всем остальным. Этот отрывок нашего текста затрагивает этот вопрос и вопрос перерождения, но он заведет нас слишком далеко, если мы сделаем что-то кроме того, чтобы просто упомянуть о нем.

Гуго отвечает, говоря душе, что, в самом деле, это ее жених, что касался ее, но это лишь верхушка айсберга того, что предстоит. Он все еще невидим и неприкосновенен для нее и она часто может думать, что тот вообще отсутствует, так что она еще не может обладать им. Гуго затем побуждает ее осознать, любить, следовать, держаться и обладать *Одним*. Текст заканчивается ответом души, что отныне это ее величайшее желание.

Заключение

Текст заканчивается почти полной победой человека над душой, настолько полной, что могут даже возникнуть сомнения, а не слишком ли хорошо это для правды. Несомненно, лишь из-за времени путь к сознанию вел лишь вверх к свету. Тем не менее, весьма негативные моменты присутствовали и в двенадцатом веке: среди всего прочего, битва между Императором и Папой, повлекшая уничтожение целых городов; поразительный психологический феномен, произошедший во время основания Премонстрантского ордена рядом с Ланом лишь в восьми милях от Сен-Викторского аббатства; и самое настоящее убийства Настоятеля Томаса в аббатстве, и все это во время проживания в нем Гуго.

На самом деле, Эго человека христианских убеждений, такого, как Гуго, было односторонним касательно противоположностей. Он должен был верить в добро и избегание зла. Но Самость во все времена содержала обе противоположности, как показывает Бог Ветхого Завета. «Бог есть объединение противоположностей», как говорил Николай Кузанский. Главная причина успешности Ба в египетском тексте, и успешности Гуго в этой беседе, в том, что оба были на стороне целостности человеческой личности, Самости. Ба сделал все, чтобы переубедить Уставшего от Мира Человека оставить попытки отделить себя от целостности глупым и необдуманым самоубийством. Он привел человека к большому несчастью, чтобы тот мог разглядеть целостность, единство с Ба было единственно важной задачей, а также перерасти проблему жизни и смерти.

Что касается Гуго Сен-Викторского, он был единственным человеком, находящимся на стороне целостности, что и стало причиной его успеха. Он никогда не пытался поставить интересы Эго выше души. Как мы видим, всё тут же оказалось в опасности в момент, когда он лишь едва предположил что-то подобное. Согласно его знаниям на момент, он использовал свой исключительный ум, чтобы отделить недифференцированные чувства от его разделенного состояния в мире, где несомненно оно выражается как благие намерения, в которых Ориген уже видел великий барьер для человека, чтобы стать одним с Самостью.

Так же, как египетский текст показывает нам, как может вести себя человек, когда архетипический образ прорывается из бессознательного в его сознание, нравится это ему или нет, и как он постепенно может с ним договориться, так и текст Гуго Сен-Викторского показывает нам, как можно вмешаться с помощью активного воображения, когда нас самих постоянно сбивают бессознательные намерения. Несмотря на, или же из-за очень снисходительного тона, который Гуго пытается использовать по отношению к своей душе, он успешен только потому, что он пожертвовал желаниями своего Эго. Я напоминаю читателю, когда он был так зол, что не мог контролировать свою душу и вдруг начал немилосердно распекать ее. Если бы он продолжил говорить с подобной позиции силы, он бы совсем потерял ее. Когда мы учитываем, как много говорили его современники, и его собственную исповедь, и харизматичность Гуго, мы понимаем, что делать все по-своему было для него делом несложным. Поэтому то, что он всем столь полно пожертвовал, еще более достойно похвалы.

В этой связи мы также должны помнить, что ранний возраст, когда умер Гуго, намекает на историю Авеля, светлого сына Отца, и что его судьба уберегла его от встречи со злом, которое топталось на пороге, например, его великого соотечественника Норберта. Нужно знать больше, чем мы знаем касательно того, почему Гуго умер столь рано.

Когда Гуго признал, что все, что он так не любил в своей душе, усилило, нежели ослабило силу любви, он, пожалуй, пошел на жизненно важное соглашение, которое следовало от него ожидать, и, как *pars pro toto* (часть вместо целого – лат.), он открыл путь к искреннему соглашению между человеком и анимой. Не нужно забывать, что Гуго был человеком весьма критичным и поэтому вероятно склонным к негативным выводам касательно несовершенства – под негативными выводами я имею в виду излишне спешные суждения, которые не дают ситуации развиваться, но порождают склонность сразу предполагать худшее. Мы видели эту тенденцию в действии в диалоге Гуго и его души: в начале, например, Анима предположила самовлюбленность Гуго и что его настаивание на самопознании было отвратительным. Гуго постоянно предполагает худшее касательно своей души; не только он уподобил ее блуднице не раз, но помимо этого есть страницы

негативной критики, как кажется, иногда основанной на недостаточных свидетельствах. «Все добро Богу и все зло человеку» - или, в данном случае, душе человека.

Противоположность негативным выводам – доверие, «выдача кредита», «сомнение во благо», как говорят. (Юнг однажды определил любовь как «выдачу кредита»). Это не могло быть просто для человеку вроде Гуго, в особенности в отношении своей души. Так как он столько говорит о любви, мы можем быть уверены, что это не дар от природы, а что-то, что он пытается с огромным трудом постичь. Мне кажется, что он постигает это не сам, вероятно, впервые в разговоре, когда он оказывает своей душе доверие, говоря об усилившейся любви из-за расположенных в центре вещей, которые ему не нравятся. Это может показаться небольшим соглашением с темной стороной, но, видимо, по причине ранней смерти, этого, кажется, достаточно, ведь за этим моментально следует осязаемое свидетельством существования жениха, что окончательно и убеждает душу.

Но если бы это было слишком одностороннее решение, суть бы все равно всплыла на поверхность сна. В любом случае Гуго жил бы дольше, как это всегда бывает в активном воображении, когда решение слишком поверхностно, или когда оно не дает достаточно места для той или иной стороны.

Какое бы ни было у нас мнение на эти темы, я надеюсь, что эта беседа иллюстрирует невероятную сложность подобных бесед с бессознательным и *общие усилия*, которые требуются в это время, также важно и построение целостности – поставить Самость, а не Эго, в центр. Ба выражает это как общий дом для сознания и бессознательного; Гуго как душу, выходящую замуж за Христа. По сути, они выражают одно и то же – целостность и единство человека.

Глава 7 Анна Марджула. Активное Воображение, Оказавшее Лечебное Влияние.

Введение

Около десяти лет назад в частном порядке был опубликован текст под названием «Активное Воображение, Оказавшее Лечебное Влияние в Отдельном Случае Невроза» под авторством Анны Марджулы, и с тех пор меня не раз просили сделать его более доступным. Юнг был знаком с этим примером активного воображения и был о нем весьма хорошего мнения. Он даже пообещал автору, что включит его в одну из книг, которую он планировал опубликовать наряду с другими подобными записями. Однако Юнг скончался прежде, чем успел завершить этот проект. Анна была весьма огорчена, но я не могла опубликовать ее рукопись, потому что в то время Юнг сказал мне, что ее ни в коем случае нельзя публиковать *отдельно*.

Тогда я пошла на компромисс и с помощью юнгианских клубов и учреждений, текст был напечатан и вращался в частных кругах так же, как семинары Юнга. Копии продавались только людям, уже знакомым с психологией Юнга. Теперь же мне думается, что Юнг не возражал бы против его печати в этой книге наряду с некоторыми другими примерами активного воображения. Это действительно весьма хороший пример, и упустить его из виду было бы слишком жалко.

Я представляю первую часть оригинального текста, который во многом состоит из разговоров с Великой Матерью. Вторая часть состоит из рисунков, созданных Анной Марджулой во время начала анализа с Тони Вульф. Рисунки являлись предвестниками активного воображения, однако сами по себе были малопонятны. Интерпретации в буклете были написаны Анной через некоторое время после диалогов с Великой Матерью, и они, будучи *сознательными* интерпретациями, напрямую не связаны с активным воображением. Также не было попыток свести эти две части воедино. Поэтому, кажется, лучше опустить эту часть материала, и вместо этого подвести итог некоторых встреч с Великим Духом, которые Анна испытала уже после печати буклета. Они лучше подходят к нашему материалу; более того,

они никогда ранее не видели свет, даже в частных кругах. Также я укоротила свое введение к ее работе, потому что вся первая часть касалась активного воображения, о чем уже шла речь в общем введении к этой книге.

Способы проведения активного воображения многочисленны и разнообразны, но визуальный и аудиальный – два наиболее распространенных. Анна Марджула занималась и тем, и другим. В визуальном способе, с которого она начинала, она держалась того, что видела на рисунках, некоторые из которых представлены во второй части рукописи. Конечно, весь материал очень сжат и укорочен. Образ канатоходца – хороший пример визуального метода в движении, скажем так. Однако именно аудиальный метод, выраженный в диалоге, помог ей больше всего. Более того, она достигла необычайно высокого уровня в активном воображении во время этих диалогов – уровня, для достижения которого требуется огромная работа, концентрация, честность, храбрость и самокритика.

Анна никогда не была склонна потворствовать своим фантазиям; напротив, ей было очень непросто справиться с внутренним сопротивлением против занятий активным воображением и весьма странным содержимым, создаваемом в бессознательном. Можно увидеть, что многое из этого было еще и весьма небезопасным; в этом смысле вполне понятно, почему многие люди боятся активного воображения. Но содержимое было там с самого начала, и самые опасные его представители (еще не распознанные ею в то время) появлялись на самых ранних зарисовках; естественно, чем менее они были заметны, тем более опасными они были на самом деле. Были заметны весьма опасные тенденции к мании величия, но они пропадали, как дым при первой попытке их проникнуть на сознательный уровень; моментально началась бы энантиодромия и их место заняли бы опасные чувства собственной неполноценности.

Психиатры, разумеется, распознают темы и идеи, которые во многих случаях доводили до лечебницы, но от этого материал становится лишь ценнее. То, как Великая Мать временами справляется с этим взрывоопасным содержимым, указывает, что у бессознательного есть свое противоядие на свой же яд. Как признается сама Анна, она часто боялась безумия, а

самоубийство ее сестры лишь указывало на наследственную слабость в этом смысле. Более того, в течение многих лет, как она сама пишет, ее собственный Анимус уничтожал любой прогресс, проделанный ею, и изо всех сил старался поддерживать ее склонность к панике. Хотя мне никогда и не казалось, что она может сойти с ума, по большей части из-за ее творческой работы и врожденной храбрости, признаюсь, что я долго сомневалась, возможно ли ее спасти из когтей Анимуса. (Важный аспект, когда ее храбрость дала о себе знать, заключался в ее желании посмотреть своей Тени в лицо. Это было очевидно с самого начала, хотя Анимус еще много лет мог украсть у нее осознание этого, чтобы оставить Тень себе. Но постепенно Анна осознает ценность единения с Тенью, осознание, которое является *conditio sine qua non* (необходимым условием – лат.) для дальнейшего развития). Это, в ее случае, могло быть достигнуто только с помощью индивидуации. Довольно скоро стало ясно, что это было ее судьбой.

Благодаря простоте Анны и ее неизменной личной честности, у меня есть возможность быть в равной степени прямолинейной и спокойно признавать, что, хотя с самого начала было ясно, что она была весьма ценной личностью, она была и весьма утомительным и разочаровывающим случаем в течение многих лет. Из-за ее комплекса отрицательного отца, поддерживаемого ее сопротивлением фрейдовскому аналитику, ей было бессмысленно работать с мужчиной. (Анна спокойно признает свои сложности с мужчинами, и, как читатель сможет увидеть, ей предстоит еще много работы над ее отношением и знаниях о мужчинах.) С самого начала, Юнг высоко ценил ее дар и внимательно следил за ее анализом; тем не менее, он настаивал на том, чтобы основная работа проделывалась женщиной. Анна не была швейцаркой и проводила большую часть времени в родной стране, поэтому лечение продолжалось в течение многих лет.

В ранние годы музыка оказывала Анне большую поддержку, поэтому я всячески поддерживала ее в ее профессии. Но с самого начала у Анимуса была двойственная установка на этот счет (как видно в отчете Анны об ее «Великом Видении»); со временем он все больше старался подорвать ее, даже убеждая ее, что она должна вообще отказаться от профессии. Но первое доказательство того, что в душе у Анны есть сила гораздо

большая, чем Анимус, пришло в момент одной из жесточайших атак Анимуса. Анна была в таком настроении, когда, как она описывает, она, отчаявшись когда-либо «излечиться», восстала против меня как ее аналитика, а также против Юнга, решив оставить профессию, которая все еще была *conditio sine qua non* (обязательным условием – лат.) в то время для продолжения ее жизни. Никто не мог заставить ее переменить решение, и она вернулась в родную страну одержимой Анимусом как никогда. Это был единственный момент, когда я совсем отчаялась касательно ее случая; когда она ушла, я боялась, что битва проиграна.

Несколько недель спустя, однако, я получила от нее письмо, в котором говорилось, что с ней произошло что-то поистине невероятное. Вся ее почта пересылалась в Цюрих, но, вернувшись к себе домой, она нашла лишь одно письмо в ящике, которое неясным образом там оказалось несколькими неделями ранее. Письмо содержало такое соблазнительное профессиональное предложение, что она никак не могла от него отказаться. «Но в Цюрихе я бы от него отказалась», писала она, «ведь тогда я была полна решимости».

Этот инцидент изменил мое видение ситуации. Я понимала, что лишь изматывая себя и мои действия к добру не приводят, когда я пыталась напрямую помочь Анне спастись от ее тирана-Анимуса. Я спросила себя, что же спасло ситуацию в одиннадцатом часу через ошибку почтальона? Разумеется, я не могла найти рационального объяснения, но я рискнула предположить, что в этом деле себя проявило нечто сильнее Анимуса в душе Анны, и что это «нечто» не собиралось допускать разрушение ее процесса индивидуации. В случае Анны, это не было изолированным синхронным событием. Еще более поразительный случай произошел в течение другой негативной фазы, когда Анна, в очередной раз злясь, что она не «излечена», отвернулась от всего, что было связано с юнгианской психологией. Затем с ней произошел странный несчастный случай. Когда она гуляла по берегу моря, ей по голове ударил мяч, что вызвало необходимость в продолжительной госпитализации. Во время болезни, она наконец осознала, что ей бессмысленно пытаться избежать стараний стать целой, ведь если бы она стала это делать, «круглый предмет» (главным образом символ целостности) лишь продолжал бы преследовать ее.

Юнг часто говорил мне, что люди редко прислушиваются к тому, что им говорят другие, даже к аналитику, с которым у них может быть сильный перенос. «Именно вещи, преподносимые нам бессознательным, оставляют наиболее яркое впечатление», говорил Юнг. Анна Марджула продемонстрировала мне истинность этой мысли так живо, как никто другой. В ранние годы ее анализа, вообще ничего не оставляло долгосрочного впечатления. Даже если и был заметный прогресс за значительный период времени, рано или поздно Анимус удавалось его разрушить, как она весьма ясно описывает сама. И перенос был весьма ненадежным фактором, как она сама замечает, как тепло бы Анна не относилась к своему аналитику, Анимус много лет держал все козыри в рукавах, разыгрывая их в каждый критичный момент, превращая веру в недоверие и любовь в ненависть.

Именно с Тони Вульф, ее первым аналитиком-юнгианцем, Анна Марджула нарисовала странные картинки, появившиеся после во второй части ее буклета. Уже они были предвестником ее активного воображения, когда содержимое, полившееся из бессознательного, было аккуратно записано словами. Юнг всегда учил нас быть осторожными в интерпретациях активного воображения, потому что очень легко остановить или повлиять на элементы, которые должны двигаться сами по себе. Эта серия зарисовок показывает мудрость подобного подхода весьма ясно. Как теперь Анна сама видит, интерпретации были бы бесполезны в то время; более того, учитывая взрывоопасность тем, которые Анна сама позднее разглядела в своих творениях, могла произойти катастрофа. И более того, попытка понять картины, совершённая пятнадцать лет спустя, была бы безнадежно загрязнена всеми предрассудками внешней интерпретации. Подобные идеи можно принять только из ее собственного бессознательного.

После того как Анна покинула Тони Вульф, через несколько месяцев она пришла ко мне и оставалась со мной до 1952 года, когда я на несколько месяцев вернулась в Америку, с длительными перерывами, когда была в родной стране или болела. Для Анны это стало большим везением, так как тогда она пошла к Эмме Юнг, которой принадлежат все почести за переход

критической точки в этом случае. Взглянув на дело свежим взглядом, Эмма Юнг моментально заметила, что Анимус властвовал над Анной через ее «Великое Видение» и сразу же испортила тому всю игру, заметив, что это все «неустойчивое мнение Анимуса». Прежде чем у него было время оправиться, она предложила уклоняться, прекратив любые прямые диалоги с Анимусом на время (как Анна пыталась сделать со мной), и вместо этого применив активное воображение к «какому-нибудь положительному женскому образу, например, напрямую к Великой Матери». Едва ли мне бы пришел в голову этот подход, ведь хотя женские архетипические образы мне весьма помогли в моем собственном активном воображении, в то время все происходило исключительно в тишине; только мужские образы и личная Тень были склонны говорить. Я упоминаю об этом, потому что это показывает, что аналитику ни в коем случае нельзя заводить анализанта дальше в активное воображение, чем заходил сам аналитик.

Для моего опыта довольно необычно то, насколько такой высший женский образ, как Великая Мать в случае Анны Марджулы, был бы склонен вести столь долгие беседы. (Мне знаком лишь один подобный случай, в котором также имел место быть необыкновенно сильный Анимус). Мне уже казалось, как будто Великая Мать, явно будучи ипостасью Самости, устала от наших жалких попыток и решила взять дело в свои руки. Так или иначе, когда Анна вернулась ко мне после смерти Эммы Юнг, анализ определенно лежал в руках Великой Матери.

Это не значит, однако, что аналитик-человек стал лишним. Анна все еще довольно сильно боялась этих разговоров; она находила свою Великую Мать столь неожиданной и бесцеремонной временами, что она в течение первых нескольких лет решалась на разговоры только пребывая в Швейцарии, и когда я была доступна по их окончании. Это было весьма мудро с ее стороны, ведь, хоть я и считаю, что эти разговоры убедят читателя, что никакое человеческое существо не способно быть столь мудрым и дальновидным, какой оказалась Великая Мать, она, конечно, существует в другой реальности и ей не всегда известны человеческие условия и ограничения. Поэтому, компаньон-человек совершенно необходим в этих глубоких погружениях в бессознательное, которые совершала Анна. Как однажды сказал

Юнг, нам нужно человеческое тепло, когда мы встречаемся лицом к лицу со странными плодами бессознательного.

Мне бы хотелось упомянуть, что я никак не повлияла на записи Анны Марджулы. Я однажды сказала, что ее диалоги с Великой Матерью должны быть сохранены. Она ответила, что распорядилась следующим образом: в случае ее смерти они будут не уничтожены, а присланы мне. Я мало слышала о них в течение многих лет, пока она не принесла мне рукопись, которая, за исключением некоторых сокращений, осталась практически неизменной. Я признаю, что я бы предпочла чуть более научную форму, с примечаниями, отсылками, развитиями мыслей, и так далее, но любое подобное предположение бы лишь мешало и путало бы Анну. Поэтому, за исключением нескольких моментов, я решила оставить записи на волю судьбы, нетронутыми как есть, как записи человека. Но они научны в одном важном смысле: они безупречно честны, и я могу освидетельствовать, что ничего в них не было перевернуто, изменено или «улучшено».

Читая собственные интерпретации Анны, читателю следует знать, что она относится к чувственному типу. Мышление – ее второстепенная функция, но и ей она обязательно пользуется в своих интерпретациях. Поэтому, у них необычно непроверяемый и негибкий характер, характерный этому типу.

Анна написала свой отчет с точки зрения воображаемого лектора, чтобы дистанцироваться от своего случая. Ее интерпретации, однако, обладают субъективным уклоном: это интерпретации, которые помогли *ей* и подходят только этому отдельно взятому случаю. И не стоит строить каких-либо обобщений, ведь их ценность особо индивидуальна. Они - свидетельство истинности убеждения Юнга в том, что люди получают *жизненно необходимое* из своего собственного бессознательного. Бессознательное Анны научило ее *так*, но ваше или мое научит нас *иначе*, соответственно нашей личной модели; поэтому, я не хочу сдабривать этот индивидуальный вкус какими-либо обобщающими объяснениями.

Читателю также весьма важно помнить о субъективности позиции, с которой Анна говорит с Богом: она всегда имеет в виду образ Бога в своей собственной душе. Когда она говорит о Боге, она

имеет в виду субъективный образ этой фигуры. Она поясняет это и сама, но я легко себе представляю, что, в случае любого недопонимания в этом вопросе, читатель может быть вполне оправданно шокирован вещами, которые Анна говорит о Боге, Христе и Сатане.

Чтобы обеспечить читателя лучшим пониманием личной психологической травмы, которой была отягощена Анна в ее стремлении стать более сознательной и справиться со своим неврозом, далее следует подведение итога ее анамнеза, который более детально описан на протяжении данного случая.

Анна, одаренный и интеллигентный ребенок, в детстве и юности страдала нарушениями ее женственности, вызванными в ней совершенно бессознательным и невротичным отцом. Помимо этого она пережила раннюю, неестественную смерть всей ее семьи: сначала ее мать, затем младший брат, ее сестра, и, позднее, ее отец.

Пока она выросла, опыт с ее отцом сделал ее застенчивой, неуверенной в себе и неспособной на общение с противоположным полом. К сожалению, за этим последовала болезненная любовь к фрейдовскому аналитику. Она жила с этим горем до середины своей жизни до начала юнгианского анализа в Швейцарии.

В заключение, я думаю, мы можем выразить Анне благодарность за разрешение публикации этого материала. Это - щедрость, обыкновенная для ее профессии, ведь творческие люди любых искусств приучены выставлять свой внутренний мир на всеобщее критическое обозрение.

Описание истории случая

[Анна Марджула](#)

На этих страницах я попыталась описать постепенное развитие процесса индивидуации в моей жизни. Для моего материала я выбрала форму лекции, потому что это дало мне возможность

объективизировать «пациента» и идентифицировать себя с воображаемым лектором.

Активное воображение, согласно методике, разработанной К. Г. Юнгом, и его целебная сила в особенности подчеркнуты в этом тексте.

Мне хотелось бы поблагодарить людей, помогавших мне в подготовке этой рукописи к публикации: Мисс Барбара Ханна, Доктор Мария-Луиза фон Франц, Миссис Мэриан Бэйс, а также мисс Мэри Эллиот.

I. Введение к случаю

Эти лекции призваны продемонстрировать положительный результат, которого достигла пациентка через ее искренние старания осознать и принять теневые стороны ее души, забытые ее части, или же подавленные, или же вообще ей неизвестные. И, что еще более важно, показать лечащую силу, которую она пережила благодаря ее активному и намеренному контакту с архетипическим содержимым всей человеческой жизни; контакту с некоторыми из великих бессознательных сил, которые содержатся в коллективном, вечном источнике жизни, которые питают, активизируют и влияют на все движения человечества, и в меньших масштабах, на личную жизнь каждого его представителя.

Метод, избранный пациенткой для ее стараний в достижении подобного контакта, - то, что Юнг называет активным воображением. Она сначала пыталась позволить бессознательным импульсам проявить себя в рисунках, а затем провела великое множество разговоров с несколькими образами бессознательного. Так как ее невроз был трудноизлечим, и она испробовала множество техник до того, как пришла к доктору Юнгу, немаловажно рассмотреть серию бесед, которые в конце концов принесли ей мир в разуме, которого она искала почти что всю жизнь.

Для начала, необходимо введение к ее внешней истории и случаю ее невроза. За этим последуют диалоги с архетипическими образами, и мы постараемся отследить растущее влияние,

которое эти диалоги оказывали на пациентку, и, как следствие, на весь процесс излечения ее души.

История пациентки

Пациентка родилась в Европе ближе к концу прошедшего века (XIX века – прим. переводчика). Ее отец был юристом. Семья состояла из отца, матери, двух девочек и мальчика. Пациентка – вторая дочка. Она была сообразительной девочкой со склонностью к школьным занятиям, и особенно одаренной в музыке и поэзии. Когда ей было тринадцать, она потеряла мать, а когда ей было двадцать, погиб ее брат; затем, спустя несколько лет, ее сестра совершила самоубийство. Ее отец умер, когда ей было сорок семь. Поэтому, из всей семьи она осталась одна в живых. Такова, вкратце, история ее семьи. Она осталась незамужней, в качестве профессии решила заняться музыкой. На ее внутреннюю психологическую историю сильно повлиял доминантный характер ее отца (который и вызвал комплекс отрицательного отца) и ранняя смерть матери.

Пациентка была нервным ребенком, страдавшим от бессонницы и плохого аппетита. Когда она была еще совсем маленькой, ее поведение было весьма интровертным. Она писала стихи и сочиняла мелодии обыкновенно в уборной; этими сокровищами она не делилась ни с кем, кроме своих кукол. Она, однако, была полна жизни, довольно счастливый ребенок, спортивный и любящий игры, популярная среди сверстников. Смерть любимой матери стала для нее ужасным ударом. Она не дала ее личности гармонично развиваться. Внутренне она развилась рано, а внешне становилась очень стеснительной, в особенности с мальчиками. Мальчики вызывали у нее панику, и сами ее не любили, что сильно ранило ее гордость. Она стала невротичной, но никто, казалось, этого не замечал. Из-за ее стеснительности, все мучения и чувство неполноценности были ее тайной. Она очень стыдилась этих чувств и пыталась компенсировать их достижениями в школе и музыке. Она изо всех сил пыталась быть лучшей ученицей, и всегда *была* лучшей ученицей. Ее амбиции росли несоразмерно. Однако, несмотря на то, что смерть ее матери была фатальным событием в ее девичестве, но начало

невроза было отложено на восемь лет. Его предвестником стало Видение, которое позднее стало фокусом ее невроза.

Великое Видение

В то время, как к пациентке пришло это Видение, которое было столь важно для нее, она готовилась к экзаменационному фортепианному концерту. Амбиции принуждали ее упорно трудиться и переоценивать важность успеха или провала на этом экзамене. Чрезмерно стремясь к артистическому триумфу и ужасно боясь уничтожить свой шанс на успех боязнью сцены, она доработалась до состояния невероятного нервного напряжения. В ночь перед экзаменом бессознательное затопило ее и создало «Великое Видение» или «Возвещение», следующим образом:

Голос сказал ей пожертвовать амбициями во время экзамена ради того, чтобы быть в равной степени согласной на успех или провал. После тяжелой внутренней борьбы пациентка честно пообещала повиноваться этому приказу. Затем ее желание пережить возможное поражение принесло ей что-то вроде религиозного экстаза. В этом экстазе Голос открыл ей, что ее призвание в жизни было не стать известным человеком самой, а стать матерью гения. Чтобы реализовать свое призвание, она должна пожертвовать своими обычными желаниями касательно любви и брака, и искать кого-то, кто бы подходил на роль отца гения. С этим мужчиной ей было суждено зачать ребенка в соитии, лишенном всяческого желанья. Если ей удастся отречься от любых ощущений в течение всего зачатия, только тогда все условия будут соблюдены; тогда ее дитя станет гением, которого ей суждено вырастить. Если же отец окажется женатым мужчиной, она должна превзойти предрассудки и выносить незаконного ребенка.

Для девочки это послание было полно сверхъестественной силы. Она чувствовала его священность. Это было религиозное переживание, завет, которому она обязана была следовать, который ни в коем случае нельзя отложить в сторону и забыть. Он оказался *тем самым* кризисом ее жизни, с которым оказалось весьма сложно ужиться. Мы еще как следует пройдемся по этому внутреннему происшествию, так как он для нее очень много

значил. Ее прошлая и будущая жизни встретились в этой кульминационной точке, ведь это видение не появилось ниоткуда. Оно было подготовлено событиями ее детства и раннего девичества, а также развитием ее характера, что вместе заблокировало нормальное развитие ее сексуальности. Этот голос, что говорил столь громко в Возвещении, как раз этим всем и питался в бессознательном. Его силы выросли до гигантских размеров, пока ему не удалось затопить Эго в ту ночь перед экзаменом, ведь оно тогда подвергалось слишком большому нервному напряжению.

Первые впечатления девочки о Видении были чудесными. Пока длился экстаз, она оставалась на более высоком уровне, чем когда-либо. Она превосходно сдала свой экзамен, ее стеснительность полностью исчезла. Она чувствовала себя вполне счастливой, невроз прошел, и это счастье преувеличило силу голоса. Но экстаз длился недолго; он постепенно затихал в ее обыденной, каждодневной жизни, а отец гения всё не являл себя. С течением времени она снова оказалась в состоянии обыкновенной девушки, что для нее стало поражением. Ее стеснительность выросла. Она чувствовала себя больной и несчастной, истощенной внутренним напряжением. Ее здоровье пропало. Несмотря на это ей удалось как-то поддерживать в себе силы еще года три. Однако она к этому моменту уже вошла в возраст, когда девушки находят себе мужчин и выходят за них замуж, и природа начала брать свое и заставляла несчастную девушку решаться на неудачные любовные похождения. Эти провалы были бы непростым испытанием даже и для обычной девушки; для нашей пациентки, чья уверенность в себе уже была подорвана, они означали абсолютный срыв. К возрасту двадцати четырех лет она оказалась в больнице физически больной, и затем начался анализ по Фрейду.

Анализ по Фрейду

Ее аналитиком по Фрейду был молодой доктор тридцати лет, лишь на шесть лет старше нее. Он был женат, но затем разведен и жил один. Он был хорошим человеком, сильно интересовался музыкой. Девушке он очень нравился, и произошло как раз то, что и ожидалось: она влюбилась и захотела выйти за него замуж.

Обстоятельства были таковы, что, казалось, ничего против этого брака не было, и их характеры весьма гармонизировали друг с другом. Но аналитик предпочел другую девушку, на которой позже и женился. Он отверг чувства пациентки, назвав их обыкновенным переносом отца, и он даже не имел понятия, хотя бы как можно развить этот перенос таким образом, чтобы он был приемлем и выносим для пациентки.

Лучшим решением было бы прекратить лечение, но девушка была им очарована и слишком слаба, чтобы оставить его; аналитик недооценил чувства пациентки и продолжал анализ, надеясь на исцеление. Некоторые симптомы действительно исчезли, и энергия была частично восстановлена. Также, помимо лечения, девушка сама постепенно стала более зрелой благодаря своей любви и горю, вызванному неостребованностью этой любви. Если бы доктор выразил хоть чуть-чуть чувств и понимания, он бы мог даже достичь результата, к которому стремился. Но будучи фрейдистом по призванию, он совершенно подавлял идею, что он может находиться под контрпереносом. И так, они оба опустились до того, что можно назвать сексуальным извращением, как мы увидим дальше.

Девушке потребовалось одиннадцать лет, чтобы избавиться от этих чувств; более того, она этим обязана лишь тому, что аналитик в конце концов ужасно себя с ней вел и был груб, что вызвало в ней гнев и ненависть достаточные, чтобы спровоцировать последний разрыв. Оскорбив ее женственность, он призвал ее гордость. После этого, она была благодарна за такое завершение; это было лучшее, что он когда-либо для нее сделал.

Годы между анализом по Фрейду и анализом по Юнгу

Пациентке теперь тридцать три. Ее невроз, естественно, совсем не излечен. Хотя она и настроена смиренно распорядиться как можно лучше с остатком своей жизни, ее душа была не на месте. Ей, правда, удалось создать себе какое-то имя в мире музыки, но она знала, что хоть ее достижения требовали вдохновения, ей не хватало упорной работы, которую ее испорченное здоровье явно не могло выдержать.

Другая женская возможность, а именно – найти хорошего мужа и выйти замуж, оказалась для нее как никогда отдаленной, и, как вариант, подходящий роман также был недостижим. Существовало сексуальное табу, которое анализ по Фрейду излечить не смог. Помимо этого, в дальнейшем явили свое воздействие на нее силы, которые вели в неизвестных направлениях, ведь каждый раз, когда перед ней оказывался важный музыкальный успех или же подходящий роман, что-то извне, как, например, самоубийство сестры, начало войны, смерть партнера – вставало на ее пути и оказывалось непреодолимым препятствием. Очевидно, данное исполнение судьбы в ее случае было недоступно. Эта психологическая истина стала ей ясна, и она выживала как могла.

Первые годы анализа по Юнгу

Восемнадцать лет спустя, в возрасте пятидесяти одного года она пришла со своими проблемами к К. Г. Юнгу. По его совету она начала анализ с одним из его многообещающих учеников, женщиной – Тони Вульф, и постепенно с двумя другими аналитиками, также женщинами. Сам же Юнг следил за ходом анализа.

Добраться до самой сути было невероятно сложно, так как внутренним образом, который позволял ей более-менее жить дальше все эти ужасно непростые годы, был сам Анимус. Анимусу удавалось оказывать такое влияние на пациентку из-за возможностей, которые он для нее открыл в музыкальном мире. Пока женщина не осознает образ Анимуса в своей душе, он остается слишком могущественным хозяином, способным настолько ее очаровать, чтобы заполучить полный над ней контроль. В случае пациентки Анимус был двойственной фигурой, и чары, которые он напускал на нее - поддерживающие, и в том же время деструктивные, охватили ее почти целиком. Хотя его музыкальные вдохновения не принесли истинного решения проблемы – а именно, что ей следует делать с оставшейся жизнью, они все же часто означали временный способ выбраться из кризиса и отчаяния. Когда вес ее проблем вводил ее в отчаяние, Анимус и его музыка оказывались единственной для нее поддержкой. Поэтому она не гнушалась вызывать его

недовольство, начиная осознавать и другую возможную роль, которую он бы мог играть в ее жизни. На самом деле, она *не могла не вызывать*, ведь она боялась, что если не станет этого делать, то сойдет с ума. И из этого великого ее страха мы можем вполне однозначно заключить, что «другая» роль, которую играл Анимус, была крайне отрицательна. Соответственно, во время ее анализа посмотреть этому чрезвычайно сильному образу в лицо было совсем не просто.

Другой внутренний образ, Тень, темная сторона сознательного Эго, был почти что полностью подавлен волевым, гордым и высокомерным характером пациентки. Как объясняет Юнг, очень важно осознавать свою Тень как можно лучше, ведь, если Анимус (или Анима) и Тень оба бессознательны, тогда Эго сражается в неравной борьбе с двумя противниками, и скорее всего оно недостаточно сильно, чтобы одержать победу. В случае пациентки эти двое – Тень и Анимус, давным-давно «поженились» в бессознательном и теперь были неразделимы. Они строили пациентке всевозможные козни, и поэтому она в то время не могла достичь истинного понимания своих проблем.

Но она была твердой и настойчивой; она не оставила анализ. Ее аналитик посоветовал ей заняться активным воображением. Затем она занялась спонтанными зарисовками. Некоторые из них были весьма интересны, ей нравилось этим заниматься. Это забавляло ее. Несмотря на это, эти рисунки не привнесли никаких качественных изменений к лучшему. Некая точка в глубинах ее души оставалась неприкосновенной, на тот момент она ее еще не видела.

Пациентка составляла конспект каждого аналитического занятия. Соответственно, у нее была возможность обзирать весь процесс лечения позже. Когда она перечитывала свои записи, ее поразило, насколько положительными выглядели сны и их интерпретации. И это же самое можно сказать и про весь процесс лечения. На этой ранней стадии ее анализ *казался* успешным, но почему-то на ней это никак не отражалось. У ее Анимуса была привычка выкрадывать любой положительный результат еще до того, как у пациентки появлялась возможность закрепить его. И он всегда впечатлял ее своими мнениями. Он был слишком силен, чтобы противостоять ему. Однако, несмотря на отчаяние, она не

сдалась ему целиком и полностью. Юнгианский метод впечатлил ее даже больше, чем заявления, сделанные Анимусом. Она держалась.

Однажды она обсуждала со своим аналитиком (миссис Юнг) эпизод видения, которое пришло к ней в молодости (Голос и сообщение). Касательно второй части Видения (ее женского предназначения), аналитик предположила, что вся эта идея может быть всего лишь мнением Анимуса! Она указала пациентке на то, что Анимус может быть весьма плохим советчиком в женских любовных делах; что само слово «любовь» вообще не появлялось в послании загадочного Голоса. И насколько же совершенно неженским было содержимое этого послания! Настолько, в самом деле, что их едва ли можно было отнести к любому другому образу, кроме Анимуса! Эта интерпретация открыла пациентке глаза и наконец, действительно изменила установку по отношению к авторитету Голоса. Это развеяло чары. То, что она задумалась о Голосе как о мнении Анимуса, спасло ей жизнь, уменьшило власть, которую Анимус имел над ней. Она почти что вообще избавилась от этой власти, за этим последовало огромное облегчение.

На гораздо более поздней стадии, религиозное прикрытие Видения следовало восстановить, ведь, если смотреть на него с более высокой позиции, власть и авторитет Голоса оказались оправданы, но оказались ошибочно расположены в низших, более примитивных областях разума, и чуть не довели пациентку до безумия, когда та восприняла их буквально. Ведь какое-то время пациентка еще не могла полноправно смотреть с более высокой позиции, и определенно главное в тот момент было избавиться от этой притягательной и опустошительной идеи Анимуса. Аналитик затем посоветовала разорвать контакт с Анимусом настолько, насколько пациентка могла, потому что тот обходился с ней просто ужасно. Затем аналитик предложила пациентке войти в более близкий контакт с каким-нибудь положительным женским образом, например, Великой Матерью. Она подразумевала образ, который юнгианцы обычно называют «хтонической Матерью», но пациентка, еще не зная ничего об этом образе, пробудила свою личную Великую Мать, как мы увидим.

Ее искренне впечатлило предположение аналитика, и она последовала ее совету, который сработал в ее пользу, потому что у нее был сильный комплекс высокоположительной матери. Преждевременная смерть матери произошла еще до того, как она была в состоянии критиковать этого тепло любимого человека. Аура святости, окружающая смерть, сделала из человеческой матери почти что архетипический образ: мудрый, любящий и надежный. Пациентке было необходимо сделать лишь один небольшой шаг, чтобы совершить перенос положительной матери на истинный, архетипический образ матери, находящийся в коллективном бессознательном. Более того, с этим переносом ей помогала и всячески ее поддерживала растущая любовь к ее материнскому аналитику (Миссис Юнг), с которой она была в особенности близка. Как следствие, она стала связывать с архетипическим образом Великой Матери власть, мудрость и силу Самости, доминирующего образа, являющегося символом целостности и всего, что находится в душе. Таким образом, Великая Мать нашей пациентки может временно рассматриваться как подходящая женская параллель Бога. Она является достойной альтернативой мужскому Богу при диалогах из-за того, что у пациентки был опасный, ненадежный Анимус в довесок к отрицательному отцовскому комплексу. Когда аналитик объяснила ей это, пациентка не отвергла этого, но продолжала называть свою внутреннюю советчицу «Великой Матерью», просто чтобы ощущать себя ближе к ней. В противном случае ей бы не удалось приблизиться к Самости столь открыто и дерзко.

Теперь, когда случай был достаточно подробно описан, мы подходим к сути. Теперь мы постараемся взглянуть внутрь внутреннего роста индивидуации, происходящего благодаря беседам, которые пациентка вела с Великой Матерью. После каждого разговора мы будем останавливаться на реакции Анимуса (настолько, насколько они нам известны), уделив особенное внимание более или менее видимому влиянию, которое и Великая Мать, и Анимус оказали на пациентку. Важно заметить, как голос Анимуса, поначалу столь доминантный, постепенно утихает, и как этот властный правитель опускается со своей возвышенной позиции и в конце становится более положительной, по сути, наиболее могущественной, силой. Эта эволюция, как казалось изначально, весьма отрицательного Анимуса, идет параллельно и идентично с процессом излечения души пациентки. Так как ее

индивидуация оказалась процессом медленным и детализированным, материал пришлось значительно сократить, прежде чем представить его. На самом деле, были выбраны лишь основные моменты, тогда как детали меньшей важности пришлось опустить.

II. Начальная беседа

Первые разговоры с Великой Матерью начались вскоре после богатого событиями дня, о котором упоминалось ранее, когда пациентка смогла осознать Видение, пришедшее к ней в юности, в качестве идеи Анимуса. Она начала контакт с Великой Матерью несколько нерешительно, как будто она все еще тяжело переживала расставание с Анимусом, хотя к этому моменту уже осознала в нем своего мучителя. Она пыталась наладить контакт с Великой Матерью следующим путем.

Первый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Моя Великая Мать, я хочу приблизиться к тебе и говорить с тобой, но я тебя вижу недостаточно четко. Ты как будто под вуалью. Когда я пытаюсь убрать вуаль, она окутывает Анимус и он становится невидим мне, что кажется опасным. Почему это так?*

Великая Мать: *Предположительно, Анимус облачил меня в эту вуаль в день, когда с него сорвал маску твой аналитик. Он сделал так потому, что он имеет над тобой власть, пока я невидима. Говори со мной несмотря на вуаль, а я тем временем буду следить за ним.*

Пациентка: *Ты можешь помочь мне обучить его.*

Великая Мать: *Сначала нужно обучить тебя. Он последует за тобой.*

Пациентка: *У меня есть ощущения неполноценности из-за того, что я не замужем. Я все еще сильно желаю восполнить свою непрожитую жизнь.*

Великая Мать: Реальность такова: любая жизнь проживается. Ты жила своим неврозом. Тем временем, я жила через представителя жизни, заключенного в твоём неврозе. Ты этого не знала и поэтому тебе кажется, что ты упустила свою жизнь. Но твоя жизнь была прожита мной! Ничего не может пропасть из души бесследно. Как только ты станешь достаточно зрелой, чтобы получить свое сокровище, я преподнесу его тебе. Невроз всегда меньше того, что прячется позади него. Ты не терпела этого спрятанного предмета и подавляла его. Но ты усилила свою смелость, пассивно живя с неврозом в течение многих лет. Сравни это с весами: когда смелость и сила собраны и расположены на одной чаше весов – скажем, пассивной чаше? – тогда другая, активная, может подняться. Тогда ты сможешь захватить итог твоей непрожитой жизни, которую за тебя прожила я. Ничего не потеряно; все находится там. Постарайся возвращать это по частям. Таким образом, ты еще сможешь стать зрелой как женщина с полной жизнью.

Пациентка: Но как я когда-либо могу стать женщиной с полной жизнью, если я даже не обладаю нормально действующей сексуальностью?

Великая Мать: Тебе следует начать не с сексуальной функции, а с чувств, которые могут вести тебя в том направлении, и для которых сексуальная функция может в итоге стать выражением.

Пациентка: Но как мне вернуть эти чувства? Я давно потеряла их.

Великая Мать: Ты подавила их. Их можно обменять на смелость.

Пациентка: Ты все время говоришь про смелость. Не думаю, что мне не хватало именно смелости.

Великая Мать: У тебя определенно есть смелость, но смелость эта опасна. Твой Анимус играет с твоей смелостью, и так как ты одержима Анимусом и не можешь противостоять

его власти, твоя смелость становится слишком пассивной. Твой Анимус любит вводить тебя в душевную горесть. Эту горесть ты переживаешь мужественно, но только потому, что видишь в этом возможность для себя почувствовать себя героиней. Это твоя компенсация за невротические переживания неполноценности. Такая смелость не работает правильно. Она слишком пассивна.

Пациентка: *В этом виноват Анимус.*

Великая Мать: *Да, но, в конце концов, именно ты ответственна за него. В юности ты забралась слишком высоко. Поэтому твой невроз был необходим. Теперь ты не должна ненавидеть Тень и Анимус столь горько. Их игра с тобой была ужасна, но необходима. Ты сама навлекла невроз на себя, не осознавая темные силы внутри тебя.*

Пациентка: *Я чувствую стыд.*

Великая Мать: *Чувствуй ответственность! Это будет твоей активной смелостью.*

Когда пациентка прочла эту беседу аналитику, последняя была под большим впечатлением, и тепло поощрила пациентку продолжить эти диалоги с Великой Матерью, что пациентка и делала с большим энтузиазмом в течение долгого времени. Ее Анимус, однако, ценил свою власть над ней и совсем не планировал от нее отказываться, не упускал ни единого случая, чтобы сказать ей, насколько черным все выглядит, насколько тщетны ее старания, насколько вредны такие разговоры ее здоровью! Пациентка и Анимус ввязались в жуткую и утомительную схватку, описать которую здесь можно лишь частично. Достаточно заметить, что много времени спустя пациентка начинала все разговоры с Великой Матерью с жалоб о том, что она больна и несчастна, полная сомнений, неверия и приступов отчаяния. Эти разговоры были невротичной «болтовней», не стоящей упоминания здесь.

Великая Мать терпеливо отвечала, что неверие и сомнения принадлежат Тени, которая завела партнерство с Анимусом в бессознательном, где оба устроили заговор против пациентки и

вполне этим заговором наслаждались. Если пациентка смогла бы вобрать эти теневые части в себя и ощутить ответственность за собственное отчаяние, Анимус мог ослабеть, говорила Великая Мать. Но на данный момент, пациентка еще не осознавала свою Тень, чтобы различить ее качества, и была слишком одержима Анимусом, чтобы восстать против его мнений. Она оставалась их жертвой еще в течение долгого времени. Слова Великой Матери перекрикивали мнения Анимуса, которым было легче поверить. Следующий примечательный сон пришел к пациентке в момент как раз такого душевного страдания.

Сон

Пациентка приближается к большому зданию. Из него выходит монашка, приглашает ее внутрь и дает ей четки, которые состоят лишь из нескольких бусин. Каждая бусина – это молитва. Монашка говорит ей добавить еще бусин к четкам, черных бусин, которые станут замечательными и сияющими, как только она их добавит.

Интерпретация сна

Пациентка привела ассоциацию к бусинам, или молитвам. Она сказала, что они назывались сдержанность, бедность и пост с сердцем. Сдержанность говорит сама за себя. Она связывала бедность со следующими словами поэта Рильке в его книге «*Stundenbuch*» («*Часослов*»): «*Armut ist ein Glanz aus Innen*» («*бедность изнутри сияет*»). «Пост с сердцем» рекомендовался Майстером Экхартом как способ достижения духовной жизни. Обобщая, монашка интерпретируется как кто-то, представляющий собой *духовную* женщину, которой этой пациентке (она, в довершении ко всему, была протестанткой) предстояло стать внутри и принять как свою судьбу. Черные бусины были теневыми частями, которые бы потеряли свою темноту, если бы она их добавила на свою маленькую цепь (ее сознание).

После столь ясного сна, кажется невероятным, что пациентке не удалось однозначно изменить свои установки. Она могла сделать это на какое-то время – она была под впечатлением, но долго оно

не прожило. Излишне ясный язык, использованные аналитиком и Великой Матерью, спровоцировали Анимуса на то, чтобы добавить собственные резкие комментарии. Пациентка затем постоянно соглашалась с ним и верила каждому его слову.

На этот раз, чтобы разрушить влияние той монашки, что явилась в прошлой сцене, следующий трюк Анимуса был весьма тонким. Анимус зацепился за склонность пациентки к религиозности. Он сказал ей принять свою судьбу, свои страдания и невроз добровольно, даже получить сексуальное удовлетворение от ее религиозной готовности нести бремя того, что она может назвать «жестоким соитием Господа» с ней! Здесь вмешалась аналитик, объясняя ей разницу между повиновением Господу и повиновением Анимусу. Аналитик показала ей, до какой степени она склонна к мазохизму, который связан с предельной женственностью, также как садизм связан с предельной мужественностью. Пациентка сама замечала свою тенденцию к мазохизму, что привело к следующему диалогу с Великой Матерью.

Второй разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Моя Великая Мать, о, если бы только я могла достичь положительного принятия судьбы вместо того, чтобы лелеять эту глупую пассивную смелость, которая заставляет меня терпеть невроз и страдать от мазохистского удовлетворения.*

Великая Мать: *Взгляни своему мазохизму в лицо и увидь моральное удовлетворение, которое он тебе приносит, укрепляющее убеждение, что ты героиня, доброжелательно испивающая из бесконечной чаши горечи. Ты извлекаешь из нее восхищение Эго и предполагаемую энергию. Если ты сможешь пожертвовать всеми этими владениями, которые тебе кажутся ценными, тогда положительные силы смогут начать действовать.*

Пациентка: *Моя жизнь строится на героическом страдании. Это моя поддержка и оправдание. Оно поддерживает во мне жизнь. Если я его оставляю, я стану очень слаба.*

Великая Мать: Ты и так очень слаба, только ты сама этого не знаешь.

Пациентка: Будет ли правильным заключить, что мое желание величия привело меня к тяжелому неврозу? Я имею в виду вот что: если я не могу быть великой в настоящей жизни, может, я хотя бы могу быть великой в невротических страданиях?

Великая Мать: Тебе так и не удалось пожертвовать своей манией величия и быть простой, обыкновенной женщиной. Поэтому ты выбрала невроз и возможность пассивного величия. Твои невротические страдания велики, но стерильны. Еще раз – мазохизм – опасная сила. В пылу страдания, мазохизм объединяется со своей противоположностью – садизмом. Ты пытаешься себя. Ты можешь распознать садиста в себе?

Пациентка: Я всегда называла его Анимусом.

Великая Мать: Взгляни на этот твой амбициозный невроз. Давай назовем его громким именем: садистски-мазохистский героизм. Мы также можем назвать его захватывающим душу страхом, ведь ты слишком незэнергична, чтобы осознать свою высокомерную Тень. Измени свой отрицательный героизм на положительную сдержанность. Первое доказательство истинного величия – овладеть темными силами в своей душе и скромно осознавать свою ответственность за них. Если тебе это удастся, ты будешь служить мне, а не мистеру Анимусу. Истинное величие состоит в пожертвовании Эго.

Теперь пациентке было о чем задуматься! Она так и делала какое-то время, а затем совсем позабыла об этом, ведь и Анимус также раздумывал кое о чем; а именно, о новом плане, чтобы вернуть потерянные территории. И, очевидно, он оказался хитрее своих противников, ведь произошло следующее: пациентка заболела. Как следствие, следующие несколько лет прошли в медицинских лечениях от болезней, которые доктора не могли излечить. В глубине души пациентка очень стыдилась своего невроза и всегда пыталась скрыть свои симптомы. Поэтому физическая болезненность, принося обоснованный диагноз из медицинских отделений, не заставила себя ждать. Болезнь доказала ей,

пациентка увидела своими собственными глазами, что она была не так невротична, как все думали. На самом деле, он освободил ее от большой части ее унижительной нервной слабости – или ей так казалось, по крайней мере. И Анимус старательно содействовал этому. Из-за этого врачи не могли излечить ее. Время и деньги были потрачены напрасно. Ей пришлось вернуться к психологическим методам.

Ее болезнь вызвала задержку; несмотря на это, стало очевидно, что аналитический процесс не был затронут перерывом. Пациентка оказалась вполне готова к анализу после лет, потраченных на лечение, госпитали, медсестёр и так далее. В конце концов, она вызвала Анимуса на серьезный разговор, главные моменты которого найдут свое отражение в этом тексте. После этого разговора, она была несколько напугана, и нашла свой путь назад к Великой Матери.

Разговор с Анимусом (фрагмент)

Пациентка: *Если моя болезнь вызвана Анимусом, то ты должен быть в состоянии объяснить мне замысел, кроющийся за ней.*

Анимус: *Ты хочешь страдать потому, что тебе подходит роль героини-мазохистки, не так ли? Я лишь даю тебе возможность быть ею.*

Пациентка: *Возможно, раньше я и была такой, но я изменила свою позицию. Какова твоя позиция?*

Анимус: *Моя – играть твоего мужа. Ты распутничаешь со мной, когда болеешь.*

Пациентка: *Выбирай слова поаккуратнее, пожалуйста!*

Анимус: *Я избрал для тебя болезнь, чтобы ты могла быть пассивной, беспомощной, сломленной. В обличье болезни, я твой муж. Достаточно ли приятно это прозвучало для твоих привередливых ушей? Великое Видение твоей юности (как ты его называешь) приказало тебе соитие без сексуального удовольствия. По этой причине я облачился в форму болезни. В*

твоей болезненности, ты со мной как женщина в середине сношения, разве что лишь без похотливых ощущений. Видишь?

Пациентка: *Что я вижу – так это то, что ты дьявол! Стыд и позор!..*

Но, мистер Дьявол, мне не нужно ни твое предложение болезни, ни предложение полового акта. Я лишь хочу принятия судьбы. Через это я почувствую себя женственной по отношению к Богу, и это моя цель. Ясно ли это тебе? Моя женственность сокрыта в Боге. И так я хочу изгнать тебя из моего тела, ты, злой дух!

Религиозная символика

После этой драматичной сцены с Анимусом, пациентка достигла изменений к лучшему, психологических изменений. Они состояли в растущем интересе к религиозной символике, что было более предпочтительно, ведь этот интерес вел ее прочь от проблем Эго и телесных сложностей. Она чувствовала себя менее несчастной. Более того, она ощущала себя гораздо более устойчиво благодаря явной симпатии аналитика.

Один из религиозных символов, сильно интересовавших ее, был символ четверичности и место Сатаны в ней. В ранние годы, она делала много зарисовок, представляющих четверичность, которые содержали Сатану. На тот момент эти рисунки были неясны для нее. Также и ее аналитик не смог объяснить их значения. Позднее все стало ясно: они были предвосхищениями. Такие предвосхищения, либо непонятные, либо даже понятые неверно, зачастую кажутся бессмысленными, но на самом деле они оказывают влияние на человека, которому являются. Они выступают в роли своеобразного мотора, который двигает их вперед. С этой точки зрения они важны.

Идея видеть четверичность Бога вместо триединства сама по себе для пациентки не была сложной. Она выросла на философии Спинозы, и Спиноза выражает мысль, что Бог был бы неполон, если каждая степень ценности – от самой нижней до самой высшей – не были бы представлены в Нем. Эта концепция

Спинозы давным-давно убедила пациентку в существовании злой части Бога. Спиноза прибавляет, что люди называют «хорошим» то, что хорошо для *них* и «плохим» то, что плохо для *них*, и в этом он с ними согласен. Но, заявляет он, нам нужно иметь в виду, что взгляды Бога на добро и зло могут не совпадать с нашими. Таким образом, Спиноза более-менее восстановил в глазах пациента концепцию безупречности Бога, потому что его великий план с точки зрения человека был недоступен к восприятию.

Возможно, в намерения Юнга не входило называть Бога безупречным, по крайней мере, не в смысле *идеальности*. Но идея восстановления *полноценности* Господа, возвращая Сатане его место в раю, объединила Юнга и Спинозу. Или так казалось пациентке, и сложностей в отношении этого у нее не было. Ее проблемой была невероятных размеров инфляция части Анимуса, и эту инфляцию она не осознавала. Она чувствовала замешательство, недоумение; поэтому, она спросила у Великой Матери о Сатане и четверичности. Великая Мать ответила объяснением только на субъективном уровне, сказав следующее.

Третий разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *В твоём случае, Анимус переплетен с Сатаной. Для него это слишком высоко. Он твой Анимус; дьявол – это часть Бога. Твой Анимус не может расположиться в четверичности. Он подвержен ужасной инфляции, если он об этом задумывается.*

Фантазия

Пока пациентка слушала слова Великой Матери, к ней пришло видение, или пассивная фантазия:

Она увидела огромного крылатого дьявола, летевшего вверх, чтобы исполнить свою небесное предназначение в четверичности. Она слышала хор ангелов, воспевающих Сатану в гимне, ведь он вскоре займет свое пустовавшее со времен падения место. Ангелы приветствуют его в раю, их славное пение «Да здравствует!» поднимается волнами гармоничного звука.

Интерпретация

Интересно, что слияние, или же смешение Сатаны и Анимуса распутывается как раз в тот момент, когда Великая Мать говорит о нем. В этот момент, Сатана освобождает себя от заключения в душе человека и теперь может вознестись. А Анимус пациентки, избавившись от демонической инфляции, чувствует, что потерял свое лицо и опускается на колени. Все это – предвосхищение, происходящее в душе пациентки. Оно сможет быть принято лишь намного позже, по чуть-чуть, но в то же время, оно оказало влияние на Эго пациентки. Теперь ей стало ясно, что она не могла совладать с Анимусом, смотря высоко вверх на облака. Теперь, по крайней мере, она действительно стала осознавать, что есть только один способ избавиться от овладения Анимусом; а именно, осознать свою собственную Тень и принять этот темный образ в себя. Или, если цитировать метафору, которой воспользовалась монашка во сне пациентки, ей нужно было вплести черные бусины в свою маленькую цепь, добавив, таким образом, молитв в четках. Осознавая это теперь весьма ясно, она провела следующий разговор с Великой Матерью.

Четвертый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Я хочу рассмотреть свои «грехи». Конечно, я знаю, что ими являются не только плохие дела, но и отрицание обязанностей. Я чувствую свою вину и обременена своей неполноценностью в присутствии мужчин потому, что не давала им утешения или удовольствия, которое они могут получить от женщины. Но если моя судьба остаться незамужней, если я отношусь к таким, как монашка, духовная женщина, и мне предстоит развить эту духовную женщину в себе, как это возможно, что это и моя судьба, и моя вина?*

Великая Мать: *Если ты действительно приняла условие о безбрачии как свою судьбу, тебя бы не мучило чувство неполноценности столь ужасно. Желание жить определенной судьбой не ощущается как неполноценность; на самом деле, с точностью до наоборот. Есть большая разница между активным исполнением своего предназначения и пассивным*

согласиеш с судьбой. Ты еще не достигла этого активного исполнения. Но проблема невероятно сложна, так как даже когда ты достигнешь активного исполнения, есть вероятность, что вина и неполноценность не пропадут совсем. Это похоже на следующее: незамужняя и бездетная женщина грешит против природы. Если грешить таким образом против природы – ее судьба, то в ней есть конфликт между природой и судьбой. Судьба идет впереди. Следственно, часть конфликта неизбежна, так как неразрешима. Но ты еще не совсем достигла этой точки. Твое принятие судьбы не есть исполнение, и также все еще недостаточно активно.

Этот разговор она, разумеется, обсудила со своим аналитиком, которая прокомментировала: «Так как судьбе и природе ты нужна для разных целей, и так как этот конфликт неразрешим, тебе нужно постараться взглянуть на него с более высокой точки, так же, как мы можем посмотреть вниз с высоты и увидеть обе стороны горы».

Пациентка еще пока не забралась на самую вершину, и пока еще не могла посмотреть с более высокой точки. Она сказала об этом Великой Матери.

Пятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Сложно не позволять Анимусу подняться, так как он на стороне природы и против судьбы; такова же и Тень.*

Великая Мать: *Твоя проблема – женская, и Анимус в этих делах – плохой советчик. Не прислушивайся к его словам! Тень, разумеется, на стороне природы. Но, самое главное, ты сама на стороне природы. Именно ты не способна пожертвовать сексуальностью в качестве жизненной цели. В самом деле, сексуальность тебе нужна даже не ради самой сексуальности, а чтобы ты могла избавиться от этой раздражающей неполноценности и своей тоски по тому, чтобы быть как другие женщины.*

Пациентка: *Я хотела бы знать, что именно судьба хочет, чтобы я сделала. Судьба мне всегда казалась чем-то чужим и*

враждебным моей природе, чем-то, что Бог определил мне извне. Если бы мне удалось увидеть, что судьба, моя судьба, всегда была во мне, и что она принадлежит мне лично, тогда я бы смогла жить с ней сознательно, а не только пассивно принимать ее.

Великая Мать: Твоя судьба была рождена в тебе зародышем. Нужно было жить, чтобы этот зародыш развивался. Или, он развивается сам по себе, пока живет человек. Это разворачивание судьбы – жизненная цель. Пока ты это не осознаешь, тебе кажется, что судьба возлагается на тебя извне. Постарайся осознать этот процесс развития в себе. Насколько ты сможешь это осознать, настолько ты сможешь стать единой с Богом. Бог – твоя судьба.

Пациентка: Есть ли разница между Судьбой с большой буквы «С» и просто моей судьбой?

Великая Мать: Насколько же мало, насколько мала разница между Богом и Богом в тебе. Можно сказать так: когда ты живешь бессознательно, ты просто достигаешь своей судьбы. Так живут животные. Но когда достижение твоей судьбы тобой осознается как твоя жизненная цель, тогда тебе открывается Судьба – с заглавной буквы «С». В идеале, ты получаешь судьбу – со строчной «с» - из рук Бога, чтобы развернуть ее, и вернуть Ему как Судьбу – с заглавной «С». Сделав так, ты создашь Бога настолько, насколько Бог создал тебя. Жизнь Христа – высший тому пример.

Пациентка: Христос создал Бога, когда он совершил осознанный выбор достичь Его Судьбы; а именно, погибнуть на кресте.

Дорогая Великая Мать, я понимаю, о чем ты говоришь, но не чувствую это изнутри меня, как что-то, что проистекает из моих собственных глубин. Я настолько ужасно боюсь подавить вещи или чувства, которые я действительно ощущаю спонтанно. Эти чувства, в конце концов, мои потребности как женщины, которые восклицают об удовлетворении.

Великая Мать: Ты думаешь, Христу было нечего подавлять в Себе, когда Он выбрал пойти по пути креста? Не подавляй вещи в себе настолько, чтобы уже не осознавать их, но говори им «нет» тогда, когда ты должна сказать «нет».

Пациентка: Это все еще сложнее.

Великая Мать: Конечно, сложнее. Из чистого фрейдизма, ты отринула в себе жизнь своего духа. Это тоже подавление, и в твоём случае оно еще более разрушительно, чем сексуальное подавление, так как духовная жизнь ценнее для тебя, и еще больше в твоей природе, чем так называемая естественная жизнь. Твое собственное естество ищет не только биологической реализации; «монашка» в тебе тоскует по Господу. Постарайся увидеть ее и дай ей шанс.

Пациентка: Странно, что я никогда не чувствовала вины в том, что мне не хватает духовной жизни.

Великая Мать: Так почувствуй же ее теперь. Почувствуй вину перед «монашкой» в себе, передо мной, если хочешь, или перед Господом. Но не чувствуй вины ни перед мужчинами, ни неполноценности относительно замужних женщин.

Пациентка: А если я не смогу избавиться от этих чувств?

Великая Мать: Страдай от них, если придется, но говори себе, что они – порождения Анимуса!

Так как Анимус продолжал молчать даже после последних важнейших открытий, у пациентки впервые появилась возможность их обдумать, чтобы никто не нарушал ее покой. Она заметила, что эти откровения, касающиеся исполнения судьбы были посланы ей, когда она захотела «рассмотреть свои грехи» (как она выразила себе свое желание принять теневые части). И она держала это в уме на будущее.

За этим следует ее ответ Великой Матери после обдумывания над сделанными открытиями.

Шестой разговор с Великой Матерью

Пациентка: Так как я хочу развить в себе духовную женщину и так как ты мне сказала, что из души ничего не может пропасть бесследно, я пыталась найти духовный эквивалент тем частям души, которые предположительно были утеряны. Стоит ли мне понимать чувствительную женскую установку по отношению к Господу, или судьбе, как духовный эквивалент тому, что выражается в любовном акте? И может ли духовное материнство найти отражение в моей надежде исполнить свое предназначение, чтобы вернуть его в руки Господа как что-то, рожденное мной, выношенное ранее моей душой? У меня появилось вдохновение касательно того, как я могу понимать духовную жизнь в общем. Я видела, что именно в настоящей жизни мы называем символом Настоящей Жизни – с заглавных букв «Н» и «Ж» - а именно жизнь Бога в нас, или часть Бога, которая проживает нашу жизнь в нас. Если смотреть на все под этим углом, кажется маловажным, наслаждаюсь ли я своей так называемой земной жизнью или страдаю от нее, находясь в высшей реальности, которая является Жизнью Господа.

На этот раз Великая Мать не ответила, но через несколько месяцев пациентка и она вернулись к этому вопросу. У них произошел следующий разговор.

Седьмой разговор с Великой Матерью

Пациентка: Как противоположности могут быть объединены в душе?

Великая Мать: Бог может объединить противоположности; ты – нет. В твоём случае, монашка и мать (судьба и природа) не могут быть объединены. Судьба торжествует, а мать в тебе была пожертвована. Когда ты пожертвовала ею, ты согрешила против своего личного естества, но при этом исполнила то, что называется человеческим естеством. Оно уникально, оно является существенной задачей человеческого существа, которая заключается в страдании от внутреннего конфликта противоположностей, которые нельзя объединить. Твоя ошибка была в том, что ты не чувствовала

ответственность, вину и раскаяние о твоём личном естестве. Вместо этого ты была неврастеником. Давай исследуем этот парадокс. Ты не можешь ничего сделать с приказом судьбы пожертвовать своим естеством. Тем не менее, ты должна чувствовать ответственность и вину, страдать от угрызений совести по отношению к своему личному естеству – или быть неврастеником. Тут мы приходим к причине того, почему говорят, что человек грешен по природе. Понимаешь? Человек принужден грешить потому, что он не способен объединить противоположности. Он грешит по отношению к одной стороне, или по отношению к другой. И в этом исполнение его человеческого предназначения.

Эти последние беседы, скорее всего, были превыше прерываний Анимуса. Стоит заметить, что он хранил молчание.

Встреча лицом к лицу с проблемами такого рода, конечно, подействовало обучающе не только на Анимуса, но и сознательное Эго пациентки. Прежде всего, ей стало легче избавиться от переоцененной важности, которую сексуальность (и ее отсутствие) заполучили во время анализа по Фрейдю. Пока она видела исполнение своей сексуальности как единственную возможную цель своей земной жизни, она не могла развиваться духовно. Теперь все несколько переменялось, и постепенно она смогла найти новое значение в своей прошлой и будущей жизни. Ей также помогло то, что она заглянула в возможное символическое значение жизни. И наоборот, это заглядывание помогло ей интерпретировать символическое содержимое снов и видений, и таким образом улучшить свое понимание своей внутренней жизни. Дорога к дальнейшему развитию открылась ей, и прогресс в осознанности также означал прогресс в излечении.

III. Интерпретации Великого Видения на различных уровнях души

В анализе по Юнгу, мы часто оказываемся в тех же местах, но каждый раз на более высоком уровне, как выражается Юнг – путь к индивидуации – спираль, по которой мы восходим.

Несомненно, пациентка одолела новый виток спирали, и ее более высокая точка зрения позволила ей обрести более широкий кругозор. Поэтому она смогла найти символическое значение любопытного феномена Великого Видения. Вместе с ее аналитиком (в это время Анна работала со мной – Б.Х.) она составила интерпретацию, которая теперь стала действительно приемлема для всего ее существа.

Буквальное или символическое осознание?

Можно разделить Великое Видение пациентки на две части: первая часть касается изучения ее страха сцены, а вторая объявляет ей ее истинную цель в жизни. Первая часть всегда была ясна; с ней можно было иметь дело буквально, и во время ее экзамена она вызвала спокойное и пассивное желание принять вещи, как бы они не развивались. На этот момент, она поняла свое Видение чудесным путем. Но вторая часть, которую мы также можем назвать Возвещением, была гораздо более сложной. Здесь, очевидно, подразумевалось символическое толкование.

В те ранние дни, когда к ней пришло Видение, пациентка ничего не слышала о психологических символах и, несомненно, чувствовала, что эти слова стоит понимать буквально. Она все еще была психически нормальной, чтобы увидеть в любой попытке буквального толкования опасность, которая может отправить ее по ту сторону черты безумия. К сожалению, она не могла от него избавиться из-за мистической природы, которая захлестнула ее. Так как она относилась к интровертированному чувствительному типу с сильной интуицией, ее разделенные функции могли более-менее безопасно вести по ее пути. Но девушка не видела обрывов, устроенных ее бессознательной Тенью, и, к сожалению, в качестве своего шофера она избрала Анимуса.

Взаимодействие Тени и Анимуса

Положительные части Тени пациентки, которые мы называем женскими инстинктами, были ранены в ее ранней юности и в начале ее девичества (к этому мы вернемся позже). Когда

инстинкты покалечены или поранены, они не могут функционировать должным образом; а главное, они вызывают боль. Поэтому пациентка подавляла их. Когда инстинкты подавляются, блокируется их рост. Как следствие, пациентка потеряла опору, которую нормально развитые инстинкты могли бы ей предоставить. Чтобы понять послание таинственного Голоса, ей пришлось с ним разбираться без помощи нормально функционирующей Тени, помощи, которая бы позволила ей твердо стоять обеими ногами на земле. Вместо этого, Анимус сделал себя хозяином содержания Возвещения. Анимусу хватило на это сил благодаря тому, что он играл против пациентки вместе с Тенью. Ее раненные инстинкты вызвали чувство неполноценности, которое требовало какой-либо компенсации. Этот механизм одарил девушку невероятными амбициями. Только во время экзаменационного напряжения она начала сомневаться, действительно ли она достаточно талантлива, чтобы удовлетворить потребности своих амбиций. Именно этого момента так долго ждали Тень и Анимус, чтобы атаковать ее тем, что они назвали отличным решением. В самом деле, что могло быть проще, чем перенести весь вес конфликта на весьма одаренного сына и таким образом освободить ей дорогу к выходу на пенсию, безболезненно и с честью, на которой ее ждала заслуженная материнская гордость? Действительно, вот прекрасное доказательство находчивости этой парочки!

Как упоминалось ранее, на вторую часть Видения можно взглянуть как на приказ к буквальному осознанию (и это был бы низший уровень) или к символическому осознанию (высший уровень). Анимус украл низший уровень в свою пользу, ведь устранение любви и сексуального возбуждения в любых будущих отношениях с партнером-мужчиной – это нонсенс, и такая идея могла происходить только лишь из уст Анимуса. Возможно даже, что он несколько изменил слова голоса – о, не так сильно – лишь чуть-чуть (чтобы дать себе возможность получить то, что ему нужно!). Это точно не известно. Это лишь предположение, но это вполне соответствует его природе, и факт остается фактом, что Видение не было записано еще на протяжении многих лет спустя. На более высоком уровне души, Возвещение имело совершенно другое значение, что мы и увидим. Но пока мы не оставили примитивные идеи Анимуса, нужно прояснить, что Анимус обладает двумя разными уровнями, или ипостасями природы внутри него.

Две ипостаси Анимуса

В своей изначальной ипостаси, он просто личный Анимус, что означает небольшую часть недоразвитой мужественности, содержащейся в женской душе. В этой ипостаси, он может меняться от проказливого и дразнящего поведения до подъявольски разрушительного, но все это внутри личного царства. Он может быть положительным образом даже в этой личной сфере, и часто он таким и кажется, особенно в наши дни, когда женщины выполняют мужскую работу, с которой они бы с одной женственностью не справились. На высшем уровне, мы рассматриваем его как Великого Духа. Каждое важное женское вдохновение должно быть приписано этому образу. Большую часть времени он весьма положителен. Если он отрицателен в своей верхней сфере, тогда он отрицателен и на внеличностном уровне. В этом случае, он – злой великий дух, как ни посмотри, вплоть до самого Сатаны!

В жизни этой девушки, мы видим его работу почти в каждой ипостаси. Мы уже слышали его хитроумную, поддразнивающую болтовню в беседах, и на высшем уровне мы должны отдать ему должное как тому, кто вдохновил пациентку в плане музыки. Во второй части Видения, он уничтожает одним ударом ее будущую карьеру (говоря, что это не ее призвание) и ее потенциал как женщины (исключая нормальные ощущения от сексуальных отношений). Но на высшем уровне он является посредником, который, в конце концов, позволяет ей понять символическое значение того, что Голос возвестил ей.

Видение Марии

Юнг однажды сказал пациентке, что ее Великое Видение – это «Видение Марии», и указал на три параллели между ситуацией Марии и видением пациентки: во-первых, Мария зачала своего ребенка от Святого Духа, вероятно, без сексуального удовольствия; во-вторых, Мария родила божественного ребенка, «сына гения»; и в-третьих, ребенок был внебрачный.

Можно ли из этого заключить, что Голос из Видения выбрал эти три параллельных момента, чтобы предложить видение Марии; таким образом, Голос пытался сказать девушке, что ей следует быть как Мария, скромной и послушной, исполняя судьбу, которую ей выбрал Бог, и что она не должна стремиться к славе и почестям, если *они* были ее жизненной целью? Ведь если мы несколько изменим начальную точку зрения и взглянем на жизнь Марии как на миф, можно интерпретировать этот миф (или эту жизнь) как символ, означающий крайнюю женственность души, разворачивающуюся, чтобы посвятить жизнь Воле Господней.

В «*Часослове*» поэт Рильке выражает передачу женщиной души Господу. Рильке говорит об этом так: «Моя душа теперь - Твоя жена». И снова: «Покрой крылом свою служанку». Именно эту установку к скромности и посвящению девушке предстояло принять. Также в одном из разговоров Великая Мать сказала: «Если мы сознательно исполняем свое предназначение в установке духовной приверженности, мы создаем Бога настолько же, насколько Бог создал нас». Более феминными словами, создать Бога подобно тому, что породить Бога. И то, что Великая Мать называла судьбу «божественным зародышем», может означать следующее: если мы сознательно живем, развивая судьбу в направлении духовной приверженности, мы порождаем *символического* божественного ребенка.

Из того, что Юнг однажды сказал пациентке, она составила впечатление, что Бог есть жизнь в нас, что мы – Его глаза и уши, и что мы должны подарить осознанность Богу. Эта последняя идея, возможно, выражает то, что Юнг считает целью каждой индивидуальной жизни: мы должны подарить осознанность Богу!

Если нам это удастся, тогда наше человеческое сознание станет божественным сознанием. И благодаря этому это божественное сознание рождается в нашей душе с помощью земного опыта или с помощью нашей принятой и активно прожитой судьбы. Может ли это не быть целью, на которую указывал Голос в Видении? Бог, как создатель зародыша судьбы в нашей душе, был таинственным «отцом ребенка», которого пациентке было приказано искать, и все это значит то, что она должна была *осознать* Бога как отца ребенка. И затем ее призвание было дать зародышу прорасти, чтобы он мог родиться от нее как божественная сознательность.

Символически, не только отец ребенка, но и сам ребенок должен быть Богом. Это видение и вправду видение Марии.

Конечно, Библия говорит нам то же самое гораздо короче и прямолинейнее словами Христа: «не Моя воля, но Твоя да будет» (Лука, 22:42). Но Юнг объясняет, что каждый символ, даже самый удачно адаптированный и подходящий, может потерять свою силу со временем. Иногда символ становится изношенным, исчерпанным, истощенным. Когда это происходит, должен родиться новый символ в человеке, который потерял контакт со старым. Индивидуальное рождение нового символа, который способен содержать в себе силу старого, было сложным процессом роста внутренней жизни пациентки. Когда он был достигнут и мог появиться в сознании, она смогла вернуть контакт с упомянутыми библейскими словами, которым она могла теперь отдаться всеми силами, которыми располагала ее душа. Позднее ее измененный взгляд на жизнь и судьбу оказался источником лечения ее невроза. Но он сработал не так быстро. Одной догадки не хватило. Этой догадке предстояло стать живущей силой, выраженной в ее повседневной жизни.

Экзамен девушки

Давайте вернемся к девушке, которая только что пережила Великое Видение, и которой на следующий день предстоял экзамен за роялем на концерте. Возможно, в первой части Видения властный Голос подразумевал практическую помощь для девушки, чтобы та не испортила свое выступление боязнью сцены. Мы уже видели, как оно сработало в плане помощи в этом направлении. Возможно, что только первой части Видения хватило на то, чтобы позволить ей достичь этой цели, но это кажется сомнительным. Ведь первая часть не была так тяжело нагружена нуминозной силой, как вторая. Пациентка не могла почувствовать в первой части религиозное переживание, которого бы в любом случае не хватило, как только страх сцены начал бы захватывать ее. Гораздо важнее была вторая часть, которая касалась не только ее музыкальной карьеры, но и всей будущей жизни, и, на самом деле, со всей будущей жизнью ее души. Здесь имеет место быть религиозное переживание. В эту полную событий ночь, она на секунду видела Бога, и ей уже никогда не

предстояло быть прежней. На следующее утро, когда она села за рояль, чтобы играть свои экзаменационные пьесы, она все еще полновластно находилась под чарами того, что случилось прошлой ночью. Именно поэтому она так хорошо играла. Даже экзаменующая комиссия почувствовала близость Господа. Когда она закончила играть, все они инстинктивно поднялись со своих мест, давая ей дорогу. Они потеряли дар речи.

Архетипические битвы в душе

Даже если в планы бессознательного входило лишь подарить девушке удовлетворение от сданного экзамена, вторая часть в любом случае была для этого необходима. Однако, бессознательное под этим подразумевало гораздо больше; по всей видимости, в его намерения входило достать таких душевных глубин девушки, чтобы привести ее к осознанию ее угрожающе амбициозной Тени и мощного, даймонического Анимуса. Она не собиралась получить позволение продать свою душу за всемирно известное имя, которого она так желала в мире музыки. У дьявола не было планов на эту душу, по крайней мере, пока ее Великая Мать сохраняла с ней контакт. Все выглядит так, как будто девушке достался личный ангел-хранитель в лице Великой Матери. Вышло ли так из-за того, насколько негативным было влияние на нее ее могущественного Анимуса? Кто знает. Что нам действительно известно об архетипических силах света и тьмы, сражающихся в наших душах? Пока они остаются полностью бессознательными для нас, мы можем быть лишь полем боя для них. Наша собственная маленькая роль, скорее всего, начинается после того, как мы постепенно начинаем осознавать, что мы есть не только сознательное Эго, но еще и частица громадных, коллективных происшествий в бессознательном.

Обратное действие: Разочарование и возвращение к Великой Матери

Теперь нам следует оставить юную девушку и ее экзамен и вернуться к старой женщине, которая в своем анализе пережила прошедшие дни, чтобы сформировать достойное объяснение ее

Великому Видению, и которая теперь переживает проблему того, как ей приспособиться ко вновь обретенным знаниям.

Как мы все знаем, весьма сложно обойти стороной инфляцию, когда мы касаемся, или касались, архетипических образов. Ведь если мы совершим ошибку отождествления себя с ними, почти неизбежно последует сначала инфляция, а затем дефляция. Именно это произошло с пациенткой после последней интерпретации Великого Видения. Вместо того, чтобы использовать обретенный ей взгляд на вещи для лучшей адаптации к потребностям жизни, она почувствовала – после всего, через что она прошла во время анализа – что у нее теперь есть *право* на обладание здоровьем, которое было сброшено ей в руки в готовом виде, чтобы им наслаждались и пользовались исключительно в собственных целях. Действительно, она могла осознать ранее упомянутую интерпретацию Великого Видения как верную, но с этим объяснением она не оказалась у райских ворот, как надеялась. Вместо этого, ей пришлось пройти через разочарование, горькую фрустрацию. Как мы знаем, она всю свою жизнь стремилась к верному истолкованию. И теперь, когда она получила его, она поняла, что оно одно не в состоянии излечить ее невроз. (Конечно, она совершила ужасную ошибку, настаивая на моментальном излечении как раз в тот момент, когда она должна была скромно принять перемены ее установки в сторону преданного служения бессознательным силам, которые открыли ей столь важные истины).

В таком состоянии депрессии и отчаяния, хорошо знакомый старый друг снова оказался тут как тут и вернулся на сцену. Ее старый Анимус, которого она потеряла из виду на долгое время, особо по нему не скучая, теперь вернулся, чтобы успокоить ее, «помочь ей увидеть», как он сам назвал свою функцию, и через это (он, однако, из осторожности этого не упомянул) вернуть свою потерянную власть над ней. Он лишь ждал подходящего момента, и вот он тут как тут, собственной персоной, постоянно уверяя ее, что она делает два шага назад с каждым шагом вперед по спирали, по которой она идет, которую они называют путем к индивидуации. Конечно, говорил он, этот подъем был много превыше ее сил; она сама должна была осознать это к тому моменту, что старания могли лишь навредить ее здоровью. Самое

время прекратить движение. Этими и многими другими подобными изречениями он бомбардировал ее вновь и вновь.

Пациентка слушала его одним ухом, это так, но другим ухом она слышала слабое эхо нескольких слов, что изрекла Великая Мать, слова, которые, к ее счастью, не пропали в ней бесследно. В диалогах об исполнении своего предназначения Великая Мать действительно затронула душевные струны души пациентки, ее установка к прошлой и будущей жизни действительно изменилась. Например, теперь она заметила истинную причину задержки своего выздоровления, а именно, свой своевольный характер, который оказывал серьезное сопротивление к успешному анализу, ведь у нее была фатальная склонность все время быть правой! Пока высокомерная установка ее Тени (существующая в качестве компенсации ее комплекса неполноценности) не была достаточно распознана, она время от времени доходила до того, что использовала регрессии в невроз, только чтобы доказать аналитикам, насколько те неправы, и насколько она сама (или же ее Анимус?) всегда была права! Нужно признать, не самый подходящий метод излечения. С такой установкой она оказалась превосходным убежищем для бессознательных теневых частей и собственничества Анимуса. Пока ее великое Возвещение не было в сущности разъяснено анализом, Тень и Анимус были довольны, а сама девушка больна и несчастлива, но спокойна благодаря мысли, что она всегда была сильнее, если не сказать недостижимой! Теперь ей приходилось отказываться от таких взглядов Анимуса. Во время вышеупомянутой инфляции у него была возможность накачать ее своими мыслями так, пока она не стала напоминать надутый воздушный шар. А когда началась дефляция, неприятное разочарование, она обратилась к Анимусу как к своей единственной поддержке. Вся эта стадия одержимости Анимусом служила ему вуалью, которой он так любил покрывать своих жертв; пока она оставалась ослеплена вуалью, она не могла увидеть ясно, что она уже забралась на свою вершину, откуда она могла бы разрушить убежище, которое и скрывало Тень и Анимуса и их совместный заговор против нее.

Пациентке пришлось оставить своего любимого соблазнителя и вернуться к своей Великой Матери, что она и сделала, хоть и не без колебаний и сомнений. Она уже знала, что у нее был только один путь обрести власть над Анимусом; а именно, погрузиться

глубже во тьму Тени, чтобы разделить эти два образа; она знала, что это было также единственным для нее способом жить в гармонии со своей несчастливой прошлой жизнью и болезненными ранами, полученными в молодости. У Великой Матери, конечно, были свои планы насчет того, как расправиться с вуалью Анимуса. Она начала обучать пациентку скромности и самопожертвованию, таким образом, вероятно, готовя ее к глубокому погружению в бессознательное, во время которого его пациентка была обязана выловить то, что было необходимо для дальнейшей индивидуации. На самом деле, речь идет о жизни под гнетом невроза, с которым она еще не справилась, жизнь, которую Великая Мать прожила за нее и пообещала вернуть ей прямо в руки в тот момент, когда пациентка будет достаточно зрелой для того, чтобы проживать ее самой. Что касается скромности и смерти Эго, Великая Мать сказала следующее:

Восьмой разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *Тень, даже будучи высокомерной, все равно полезна и необходима тебе, так как в ней появляется зародыш, который может и должен развиваться в скромность. Не думай слишком много о себе из-за того, сколько ран ты перенесла в своей жизни. Будь достаточно скромной, чтобы чувствовать свою ответственность за них.*

Пациентка: *Откуда мне заполучить скромность, скромность Марии, благодаря которой она была выбрана в качестве Матери Господней?*

Великая Мать: *Тебе ее не заполучить. Мария божественна; ты – нет. Ты можешь лишь пытаться осознать, насколько тебе не хватает скромности. Это – твоя форма скромности. Всегда опасайся своей высокомерной Тени. Не пытайся встать выше нее; ты не сможешь. Постарайся принять свою Тень, и живи, страдая от нее, но сознательно!*

Девятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Я серьезно больна. Я чувствую приближение смерти. Я чувствую страх и ужас, как будто меня ведут на казнь.

Великая Мать: В случае, если это действительно смертный приговор, ты бы чувствовала вину или же свободу от вины за грехи, за которые ты была приговорена?

Пациентка: Ты сказала мне чувствовать себя виноватой за мой основной грех, а именно мое упущение женской природы. Это ее месть, от которой я приговорена страдать?

Великая Мать: Месть природы в твоих страданиях от невроза.

Пациентка: И я приговорена к смерти Самостью?

Великая Мать: Да, если «смерть» означает пожертвование Эго!

Пациентка: А что же с моим страхом телесной смерти?

Великая Мать: Я не собираюсь объявлять тебе час твоей телесной смерти. Человеку по природе не подобает знать его. Но я объявляю тебе, что от тебя требуется пожертвование Эго, полное пожертвование. И ты можешь спасти свою жизнь, телесную жизнь, лишь совершив это пожертвование.

Пациентка: Если я правильно поняла тебя, ты говоришь, что я страдаю от телесной боли вместо человеческих страданий взрослого человека, и если мне не удастся достигнуть смерти Эго, телесная смерть придет вместо нее, являя, таким образом, своеобразный символ.

Великая Мать: Да, но телесная смерть – не всегда символ смерти Эго. Если теперь ты хочешь достичь смерти Эго только для того, чтобы спасти свою жизнь, это совсем не есть смерть Эго. Ты должна принять смерть и боль и все, что может сопровождать их. Это будет ближе к смерти Эго. Подавляющее большинство людей способны достичь смерти Эго только через телесную смерть. Ты можешь быть одной из них. Отставь в сторону амбиции достичь смерти Эго. Будь

благодарна, что смиренная телесная смерть сможет компенсировать множество недостигнутых смертей Эго. Ты так боишься смерти потому, что можешь рассчитывать только на себя и даже только на свой интеллект. Но ты не сможешь направить жизнь или смерть своим мозгом. Постарайся положиться на меня, например. Отдай свой страх в мои руки. Это будет пожертвованием Эго на твоем уровне на сегодня. Возможно, природа, оскорбленная твоей сексуальной недоразвитостью, будет удовлетворена этим наказанием. И не только природа, но и твоя Тень. Она так никогда и не получила то, что принадлежит ей по праву. Соверши жертву Эго, чтобы удовлетворить Тень. И переживи жертвование по своему опыту; я имею в виду божественный опыт, который может содержаться в смерти Эго.

IV. Глубокие погружения в бессознательное.

Теперь мы подходим к тому, что пациентка называла своими «глубокими погружениями в бессознательное». До этого Великая Мать обучала пациентку на ее личностном уровне (с парой исключений, которые на самом деле были предвестниками грядущего). С этого момента едва уловимо меняется подтекст и диалоги становятся действительными откровениями великого учителя своей ученице.

Первое большое погружение должно было быть совершено в личное бессознательное; а именно, глубоко личных подавленных болезненных событий и несчастий. Но главная эмоциональная их ценность заключается не просто в возврате осознания подавленных событий. Гораздо более ценным для развития пациентки стали ее вновь обретенные повинование и подчинение Великой Матери, боли и горю, которые этот великий образ коллективного бессознательного собирался обрушить на нее. Глазами пациентки, ее движение имело направление «вниз». Но Великая Мать научила ее смотреть на это со своей точки зрения. Чем глубже пациентка погружалась в свою животную часть человеческой природы, и чем более личной она ей казалась, тем выше становился духовный уровень, с которого Великая Мать позволяла ей смотреть на вещи. Казалось, что пациентка проходила анализ у самой Великой Матери (не только так

казалось; так было на самом деле – Б.Х.). Но во внешней реальности, она все еще проходила анализ у аналитика по Юнгу, и пациентке совершенно точно не удалось бы достичь таких глубин без постоянной поддержки и теплой симпатии этой женщины. Здесь роль, которую сыграла аналитик в развитии, почти целиком опущена, так как цель этого материала – в первую очередь показать роль Великой Матери. Но, прошу, не забывайте, что аналитик все это время находилась на заднем плане, оставаясь неустанно терпеливой и готовой помочь. Аналитик делилась психологической мудростью, которой она, скорее всего, достигла только через постоянные, неустанные внутренние усилия.

Безответная любовь

Прежде чем вернуться к диалогам, с которых началось настоящее нисхождение пациентки в темноту собственной души, нам нужно вернуться к истории, а именно к той, что случилась с ней в возрасте 24 лет, когда она начала анализ с фрейдовским психоаналитиком, которого мы будем называть Мистер Икс. Теперь, десятилетия спустя, Великая Мать вызывает ее, чтобы совершить погружение в самую глубинную область подавленного отчаяния, которое сформировалось в результате лечения Мистера Икс. Пациентка знала, что ей предстоит с этим столкнуться, и в письменной фантазии она предприняла искреннюю попытку сделать это. Во время этой фантазии, она видела себя в чем-то вроде клетки или тюрьмы. В этой клетке жило ее отчаяние. Там все казалось темным, запутанным и неясным. Это было нечто выбивающее из колеи. Но там к ней подошла Великая Мать и передала ей в руки кое-что. Тогда, в момент, когда ей казалось, что ей придется коснуться своего отчаяния, оно оказалось совершенно иным. Она коснулась не отчаяния. Она коснулась своей способности любить, которую ей вернула Великая Мать.

Здесь активное воображение стало пассивным. В нем она вышла за Мистера Икс. Он любил ее и был с ней нежен. Она была признательна и счастлива. Они хотели друг друга и давали волю своей страсти. Но она давала ему не только свою страсть. Они были женатой парой, любили друг друга тепло и искренне. Все чувства были искренними и сильными. Все было так, как если бы ее девическая мечта стала явью. Она была поражена

переживанием того, что ее любовь не была ни растоптана, ни разорвана на кусочки. Эта любовь оказалась нетронутой и цветущей. Но это была очень молодая любовь, еще не пережившей взросления женщины. Она была очищена, чище, чем была та любовь, которую Мистер Икс уничтожил на самом деле во внешней реальности. И уже в тот момент она откуда-то знала, что именно Мистер Икс очистил. Она получила этот подарок не только из рук Великой Матери, но и из его рук тоже. В этом смысле, она узнала, что в ней не было настоящей ненависти к нему. Все было так, как будто они были женаты много лет, но в другом мире, не в этом. В земном браке они бы никогда не достигли такого союза.

Три дня спустя у пациентки случился следующий разговор с Великой Матерью:

Десятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *То, что ты мне принесла в эту клетку, конечно, чудесно. Как обычно, Анимус пытался отобрать это у меня, но я ему этого не позволила. Только в одном я, думаю, согласна с ним; а именно, что мне не нужна девичья установка, как бы чиста она ни была. Я даже предпочту мое горе. Мое горе провело меня через жизнь, и я чувствую себя более зрелой в нем, оно мне больше к месту, чем девственность юной девушки.*

Великая Мать: *Тогда то, что я тебе дала, помогло тебе осознать ценность твоего горя. Это – его принятие, даже его интеграция. В тебе больше нет подавленного отчаяния, так как ты видишь ценность женщины, созревшую в печали. Ты даже чувствуешь, что это более ценно, чем неприкосновенное счастье, к которому ты стремилась. Это и есть принятие судьбы, не так ли?*

С этими словами Великая Мать оставила свою ученицу во власти своих собственных размышлений и того, что ее аналитик могла к ним добавить. После некоторых пояснений сна, аналитик сказала, «Ты должна оставить себе и то, и другое. Ты не должна избавляться ни от символа, ни от горя. Они едины в разных проявлениях, и ты должна осознавать их оба».

Попытка Анимуса прервать их была предупреждена в следующем диалоге.

Одиннадцатый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Когда я подчиняюсь Анимусу...

Великая Мать (прерывает ее): Твои женские инстинкты тебе говорят, что тебе лучше подчиняться настоящим мужчинам. Позволь им заполучить твое подчинение, пусть это даже будет и игра. Это поможет тебе освободиться от Анимуса. И Тень будет тоже довольна.

Пациентка: Но я так застенчива в компании мужчин.

Великая Мать: Это и есть перевернутое с ног на голову подчинение, а также ужасное овладение тебя Анимусом, который проглатывает твою персону и после этого, пользуясь твоей застенчивостью, говорит твоими устами сам. А ты проецируешь его на настоящих мужчин, зная точно, о чем они думают и как сильно не любят, даже презирают, тебя.

Пациентка: Я знаю.

Великая Мать: Но ты не знаешь, что эти великие и могучие мужчины совсем не презирали бы твоей маленькой игры в подчинение. Они не смогли бы заглянуть глубже нее, и их тщеславие было бы польщено. А если бы и смогли, они все равно бы оценили твою женскую смекалку, что ты им подыгрываешь таким образом, и они отреагировали бы так, как будто были бы довольны. Итак, получается игра от персоны к персоне, от и до хорошо сыгранная и хорошо налаженная. Это гораздо предпочтительней, чем твоя упрямая застенчивость и их раздражение из-за нее. На сегодня достаточно.

Таким образом, Великая Мать высмеивает неуклюжесть пациентки и в то же время смеется над собственной нетерпеливостью. В следующем диалоге, однако, ее слова снова прозвучали весьма серьезно.

Двенадцатый разговор с Великой Матерью (фрагмент)

Великая Мать: Верь мне, положишься на меня, когда я говорю тебе, что ты была любима; ты достигла Мистера Икс, но ни ты, ни он не поняли, что произошло. Все кажется сплошным негативом, но на деле это не так. Твои чувства были столь искренни, столь реальны, что они принадлежат к тому кругу вещей, которые невозможно утратить. Но никто из вас этого не осознавал, и поэтому тебе пришлось пережить страдания, весьма тяжелые, и пришлось неверно понять для себя все то, что произошло.

Мистер Икс на самом деле чувствовал твою любовь, но он подавлял это чувство, предпочитая не осознавать его. Ему тоже пришлось страдать, ровно столько же, сколько и тебе.

Тринадцатый разговор с Великой Матерью (фрагмент)

Пациентка: Я боюсь того, что называю твоими «инъекциями величия!» Я боюсь инфляции! Не будет ли лучше последовать совету Анимуса и рассматривать мою любовь к мистеру Икс как что-то незрелое?

Великая Мать: Что же в этом было незрелого?

Пациентка: Я совершенно не поняла его точки зрения. Я полагалась на свои собственные ощущения и никогда не задумывалась о его.

Великая Мать: Мистер Икс, исполняя роль фрейдовского аналитика, не дал тебе ни единого шанса. Ситуация была крайне неловой. Он ее не понимал. С твоей любовью все было в порядке, но она не могла развиваться. Он убил ее, скажем так. После этого ты совершила ошибку: ты позволила ему пытать себя психически, так как пытка была единственным, что ты могла от него получить. Добровольное страдание от пыток означало для тебя сексуальное единение. Таким образом, он ввел тебя в разврат, который принадлежал больше ему, чем тебе. И поэтому я сохранила твою любовь чистой для тебя. Теперь я хочу, чтобы ты вобрала и приняла ее в себя. Причина,

по которой у тебя с этим возникает столько проблем, да и со мной, в том, что ты взваливаешь все его ошибки на свои плечи, и все это опять же из чистой любви! Ты не видишь в нем тьмы. Это по-детски незрело. Попытайся осознать, что в его поведении в отношении тебя была разрушительная сторона.

Пациентка: Я была слепа?

Великая Мать: Да, но у тебя не было выбора. Это не имело значения. Что было важно – так это то, что спроецировала характеристики собственной любви на него и, когда это не сработало, ты сбросила с трона свою любовь, а не ее объект.

Пациентка: Был ли Икс недостойн моей любви?

Великая Мать: Да, так. Но он был сам болен и поврежден жизнью, и от психологического здоровья был еще дальше, чем ты. И ты не была в состоянии ему помочь, так как этого он хотел меньше всего. Этого у него и в мыслях даже не было.

На тот момент у пациентки было достаточно пищи для размышления и принятия в себя. Посмотреть на ее бедную, растоптанную любовь глазами Великой Матери было для нее словно бальзам на душу. Она снова могла установить контакт с важными ценностями в своей душе и побольше укорениться в плане своей прошлой жизни и своей женственности. Все это было в высшей степени положительно. Но случай ее невроза был весьма непростым, и нам нужно много терпения, в особенности из-за ее Анимуса. Этот персонаж выпрыгивал прямо как черт из табакерки в самые неконтролируемые моменты. Никогда не стоит недооценивать злорадное удовольствие, которое он получал от битв с Великой Матерью, обесценивая ее выражения в столь хитроумной и убедительной манере. И он всегда давал понять ей, что он говорит в доброжелательной манере, чтобы как-то пригодиться пациентке! Она сражалась с ним, но на данный момент она уже знала, что сможет освободиться из-под его власти, только если осознает свою Тень настолько, насколько это возможно. Она старалась выработать привычку укреплять себя вновь осознанными частями Тени каждый раз, когда ей предстояло очередное погружение в бессознательное. Результатом этого стал следующий разговор.

Четырнадцатый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Я старалась осознать получше ту часть меня, которую я называю «нелюбимая женщина». Она невероятно жалкая маленькая женщина, и в то же время столь бесцеремонная! У нее постоянные истерики, все время рыдает и ноет. Она страдает от своего желания любви. Но даже любовь Христа не удовлетворила ее. Ее желания гораздо более примитивны. Единственная убедительная любовь в ее глазах – это, если вы позволите мне воспользоваться ее грубым выражением, пенис, вошедший в нее. И то, что это так – пытка для меня. Это маленькое существо живет во мне; оно живет, конечно, в каждой женщине. И я предполагаю, что и мужчина не будет убежден, что женщина на самом деле любит его, пока она не отдастся ему. Они так же страдают от своего комплекса влагалища, как и женщины от желания пениса, я полагаю. Теперь, когда я смотрю животной природе человека в лицо, я чувствую жалость, любовь и понимание по отношению ко всем человеческим существам, не смотря на них сверху вниз, но с чувством, что я одна из них.

Великая Мать: В твоем случае эта, как ты называешь ее, нелюбимая женщина, должна была оставаться таковой, чтобы ты смогла ее осознать. Но тебе не следует обобщать: фрустрация – это твой способ познания и осознания, тогда как у остальных людей все может быть совсем иначе.

Такое принятие сексуальных теневых частей были совершенно необходимы пациентке для последующих, еще более глубоких погружений в бессознательное. То, что ей предстояло «выловить», было то, что она впоследствии называла «семейные ужасы». Великой Матери, вероятно, было уже известно о них, и она так же знала, что ее ученице пришлось бы рано или поздно пройти через ад, пытаясь их выловить. Поэтому, подготовка состояла в том, чтобы убедиться, что связь, объединившая их между собой, была достаточно надежной, чтобы выдержать эти неизбежные трудности.

Здесь встает вопрос, не было бы лучше для пациентки, если бы она пошла к аналитику-мужчине, чтобы вылечить свою поврежденную сексуальность. Но это было как раз то, что она не могла сделать, так как контакт с мужественностью в общем, и с мужественной сексуальностью в частности, был все еще заблокирован в бессознательном. Теперь, когда ей предстояло попытаться осознать причины, которые в ранние годы привели к этой блокировке, пациентке хотелось психического крюка, сильной связи, которой она могла бы закрепить свою ослабшую женственность. Это бы помогло ей избежать опасности быть поглощенной бессознательным, вероятность, которая была вполне реалистична, пока изначальный ужас, который ранее уже поглотил ее целиком, снова бы поднялся на поверхность.

Для экстраверта, обычный человеческий контакт с представителем другого пола вероятно был бы путем избегания сложности. Но наша весьма интровертивная пациентка должна была пройти по пути интроверта, если она когда-либо собиралась достигнуть в глубинах своей души искреннего и убедительного чувства, без которого она не могла ступить и шага во внешнем мире. Степень, до которой решение экстраверта было недоступно для нее, показывает, что на самом деле любая попытка преодолеть ее сексуальную панику всегда проваливалась. Дважды в жизни она была очень близка к тому, что мы называем «романом», но оба раза произошло одно и то же. В момент, когда она должна была преодолеть панику, партнер чувствовал табу, не мог с ним справиться. Поведение всех партнеров по отношению к ней было подавляющим. Оно вызвало необходимость во втором погружении в бессознательное, чтобы получше разобраться в природе этого табу.

В следующем разговоре, Великая Мать пользуется общеизвестным фактом, что искренний духовный экстаз часто вызывает сексуальные ощущения, к которым восприимчиво тело. Вероятно, она хотела, чтобы пациентка пережила их, ведь, как мы только что слышали, Тень пациентки не поддавалась никаким убеждениям истинами, кроме тех, что затрагивали секс. И эту примитивную Тень нельзя было оставлять без внимания и позволять ей питать свою ненависть, секретно и скрытно, в бессознательном. Если духовный экстаз – это высшее религиозное переживание, тогда его противоположность –

сексуальный экстаз, нельзя исключать, но надо позволить ему занять свое место, чтобы убедить не только духовную сторону, но всю душу человека, то есть, также и телесную Тень.

Пятнадцатый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Однажды, как тебе известно, я подобрала теневую часть; а именно, в момент, когда я узнала в себе это маленькое животное, которое заявило, что проникающий пенис – единственное, во что она могла верить. Сегодня я пережила похожее телесное ощущение, но проникновение произошло в моей душе, и проникла туда именно ты! Следовательно, я должна признать теперь, что ты права насчет моей Тени. Для меня это ужасно. Это означает, что я должна оставить свою рациональную, критическую хватку. Это означает, что теперь я целиком и полностью в твоей власти.

Великая Мать: Сдайся мне. Сделай это ради собственной Тени. Наш символический союз означает для нее соитие, которого она желает.

Пациентка: То, что ты делаешь сейчас со мной – проникаешь в мой страх, в мою сексуальную панику и табу.

Великая Мать: Я тебя не пощажу! Этот акт духовного единства должен свершиться, так как я должна знать точно, что ты целиком и полностью желаешь сдать себя мне.

Пациентка: Тогда проверь меня!

Великая Мать: Я так и сделаю! Но помни, пути обратно нет. Говоря символически, я забираю твою девственность и независимость. Ты будешь принадлежать мне всегда после этого, и не всегда при этом испытывать экстаз. Гораздо хуже будет, когда ты будешь чувствовать себя отделенной от меня. На самом деле ты не будешь таковой, но будешь это чувствовать несмотря на это. Ты будешь желать обновленного союза со мной, но я не всегда тебе дам его. Это проверка. Если ты ее пройдешь, это будет доказательством, что ты выработала истинный контакт со мной. Теперь первое, что

тебе нужно сделать, прими то, что ты когда-то назвала моими «инъекциями величия», ведь без него у тебя не будет ни единого шанса выдержать меня. Знай, что соитие означает беременность, даже в символическом союзе.

Наказание

Для пациентки сдаться иррациональному переживанию союза с архетипом означало ад, осознать его, через экстаз, через сексуальное возбуждение, и встать лицом к лицу со всей ситуацией. Это выглядело как наказание, наложенное на нее двумя яростными ранеными существами, природой и Тенью, которые обе чувствовали себя обманутыми сдержанностью пациентки в сексуальном плане, и которых бы успокоила только безусловная капитуляция этому покаянию. Великая Мать требовала именно искупления. И во время своего искупления пациентке пришлось оставить не только критическое восстание своего Анимуса, у которого были свои способы борьбы с безумием, ей так же пришлось бы полностью сдаться требованиям, представленным ей бессознательным, которых она на самом деле не понимала.

Теперь она боялась Великую Мать, и боялась потерять свое психическое здоровье, или что она уже была безумна. Она боялась оказаться переполненной иррациональным и утонуть в нем. Без поддержки аналитика она бы не смогла продолжить. Но эта поддержка у нее была, и у нее был стойкий внутренний мотив, ради которого стоило продолжать: что этот новый опыт не мог быть хуже, чем все то, что она пережила в бесчисленные годы последствий невроза, который был столь же иррационален. Она решилась на этот риск, пусть и на серьезный риск безумия, ведь, ради всего, что было свято для нее, она не хотела потерять последний шанс освободить свою душу от бремени, хотя этот шанс и заключался бы в иррациональном покаянии, которое ей приказали совершить.

После этого Великая Мать успокоила ее, сказав, что Анимус бы никогда не спас ее. Она должна прислушиваться как к словам Великой Матери, так и к возражениям Анимуса, чтобы она могла сформировать собственный взгляд на вещи. Мятежный дух Анимуса нужно было рассматривать как вероятную защиту от,

возможно, чересчур сильного персонажа Великой Матери. Пациентке стоило не спускать глаз ни с одного из них.

Теперь это казалось пациентке реальным доказательством превосходства Великой Матери. Оно оставило у нее невероятно сильное впечатление. Ее ментор даже воззвала к своему худшему врагу в качестве помощи своему ученику против себя самой. Это положило конец всяческим сомнениям, и пациентка согласилась на символический акт соития с Великой Матерью, надеясь, что таким образом она сможет наверстать упущенные переживания в телесной реальности. И это, ее союз с Великой Матерью, оказался в то же время вторым погружением в личное бессознательное, погружение необходимое для того, чтобы поднять на поверхность забытые происшествия и взглянуть на них по-новому. Это погружение было тяжелым. Вследствие этого, множество страниц были заполнены разговорами о том, что поднялось. Невозможно представить здесь этот материал во всем своем изобилии, поэтому будет представлен укороченный пересказ, и в нем вы услышите настоящие слова Великой Матери лишь время от времени.

Семейная Трагедия

Давайте вызовем в нашем воображении, очевидно, счастливую семью: отец, мать, трое детей; внешние обстоятельства вполне нормальные; отец обладает доминантным характером, а характер матери, кроткий, склонный к адаптации и к облегчению трудностей.

Так как отец был доминантен среди родителей, мы будем рассматривать именно его личность. Я думаю, назвать его *уверенным в своей правоте* было бы верным: он всегда знал, что правильно, а что нет. Но несмотря на свою негибкость, он был дружелюбен, любим и почитаем. Он несомненно любил свою жену и детей; любил своих товарищей-мужчин и был им хорошим другом. Что касается профессии, он был хорошим юристом, трудолюбивым и известным. Итак, этот мужчина, которому, казалось, предписано судьбой жить счастливой жизнью без особых забот, обладал крайне опасной Тенью, которая полностью оставалась бессознательной, таким образом, разрушая всю семью.

Когда дети еще были совсем маленькие, отец, работавший допоздна, часто не мог встать по утрам. Из столовой мать посылала детей будить его одного за другим вверх по ступенькам. И часто бывало такое, что его вторая маленькая дочка, наша пациентка, вторгалась в его спальню и играла со своим ленивым отцом, пока той не удавалось его, наконец, разбудить. Видимо, во время одного из этих невинных ранних визитов произошло что-то почти невероятное, что уничтожило невинную игривость ребенка и оставило сексуальное табу на ней на всю ее жизнь. Она была столь юна, когда это произошло, что, позднее в анализе она никогда не могла вспомнить всех деталей, и очень долго надеялась, что все это произошло не в реальности, а в ее воображении. Но Великая Мать сказала ей, что все было более, чем реально, и история печальных событий, которые произошли позже в семье, принуждают нас рассматривать это именно так.

То, что маленькая девочка трех или четырех лет увидела в этот худший из дней, были не просто гениталии отца, но, по всей видимости, его мастурбацию, и, что хуже всего, выражение на его лице. Она весьма ясно помнила неодолимое ощущение по всему телу, и, вероятно, также и во всей душе. Она полностью отождествила себя с отцом в том, что Юнг называет *participation mystique* (мистическим соучастием).

Великая Мать прокомментировала это так.

Шестнадцатый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *Фрейдовский аналитик побуждал тебя вспомнить, что произошло. Этого недостаточно. Смирись с этим. Осознай роль, которую это событие играет в твоей жизни.*

Пациентка. *Мое либидо застряло в нем.*

Великая Мать: *Так. Тебе так и не удалось отделить свою сексуальность от сексуальности отца. И это твоя беда и пытка до сих пор.*

Соучастие в сексуальности отца, разумеется, оказало ужасное влияние на характер маленькой девочки. Она пыталась подавить пытку смущения, которое она не могла осознать. Она компенсировала эти чувства в излишней степени, стремясь быть по-настоящему послушным ребенком (тогда как до этого она таковой не была), и в ней начало развиваться стремление отличаться во всех начинаниях. Пока была жива ее мать, эта кроткая женщина была поддержкой для нервно обремененной и в высшей степени взвинченной девочки, которая чувствовала себя, по крайней мере, защищенной под укрытием материнской любви. Но, не осознавая всё, что тот невольно сделал с ней, девочка не возненавидела своего отца. Она восхищалась им и боготворила его. По сути, всю свою жизнь она стремилась добиться его любви.

Затем семью постигло худшее горе, какое только могло произойти – смерть матери. Эта всеми горячо любимая женщина умерла от рака в возрасте сорока трех лет. Именно на ней держалась вся семья, и когда ее не стало, ее муж и дети перестали чувствовать под собой опору. Отец пытался исполнять роли обоих родителей для детей, но эти попытки провалились в самой кошмарной манере, хотя они и любили друг друга.

Вскоре после смерти матери, произошел один неприятный случай. Отец завел привычку ходить без разрешения по спальням, включая комнаты, где спали дочери (девочкам теперь было тринадцать и пятнадцать лет соответственно). Однажды он зашел в тот момент, когда младшая, наша пациентка, раздевалась, и только-только сняла последний предмет одежды. Отец положительно удивился тому, как ее юная фигура уже успела столь хорошо развиться, и он сказал ей об этом. Он не смог удержаться, чтобы не поласкать ее юные, обнаженные груди, и все это в присутствии старшей сестры.

Семь лет спустя, он представил очередное доказательство неуместной для него «материнской функции». Девушке уже было двадцать лет. Ей необходимо было пройти медицинский осмотр, и доктор прописал ей влагалищное спринцевание. Когда юная девушка, бывшая сексуально невинной как дитя, начала процедуру, отец остался в комнате под тем предлогом, что она, будучи столь невинной, может причинить себе вред. Он чувствовал, что должен показать ей, как это делать, и сам ввел

спринцовку. Его едва скрываемые эмоции поразили девушку и нанесли ее душе еще более глубокие раны.

Мы не знаем, как отец себя вел по отношению к другим детям, но факты таковы, что мальчик погиб в возрасте восемнадцати лет, и, много позже, старшая дочь совершила самоубийство.

Так, несчастный мужчина потерял жену и двоих детей, и все, что у него оставалось – младшая дочь, наша пациентка. Она страдала от невроза, и поэтому была занозой для отца, который всегда ощущал крайнее презрение к неврастеникам. Он умер в возрасте семидесяти восьми лет из-за неблагоприятных последствий операции. Его смерть была медленной и мучительной. Он скончался в больнице, в которой провел шесть месяцев и куда пациентка приходила навещать его каждый день. В последние недели его жизни, ум начал его подводить. Его сознательность постепенно сошла на нет. В таком состоянии безумия, он однажды умолял свою дочь раздеться. Так как его голос уже был очень слабым, ей приходилось нагибаться к нему, чтобы услышать то, что он говорит, в процессе чего он попытался расстегнуть ее блузку своими уже почти, что безжизненными руками, и потом несколько дней злился на нее за то, что та избежала его касания. Он превратился в жалкое зрелище в свои последние дни, мучимый снами и галлюцинациями. Он воображал себя узником в цепях, так как он убил обеих своих дочерей, о чем он и сказал ей. Все было задокументировано, говорил он.

В конце концов, смерть освободила бедного старика от мучений. Он умер наутро воскресенья. В тот момент, когда он испустил последний вздох, по коридорам больницы раздались голоса хора медсестер, распевające привычные воскресные гимны. Это было совпадение, если хотите. Но для ушей дочери, сидящей у смертного одра отца, поющие голоса были небесными проводниками души отца в потусторонний мир. Это синхронистическое событие оправдало для нее тот факт, что, несмотря на все, что произошло, она не переставала тепло любить своего отца.

Попытка Великой Матери избавить пациентку от ее сексуального табу

Семейная трагедия, описанная выше, должна была быть приведена здесь из-за деталей, о которых раньше не упоминалось. Без этих деталей, нам была бы неясна точка зрения, которую выражала Великая Мать в следующих диалогах. Но сначала я хочу привести цитату из «Психологии и Алхимии». В этом труде Юнг пишет:

«Но не имеет значения, насколько родители и прародители грешны по отношению к ребенку. Действительно зрелый человек будет воспринимать эти грехи как условия, с которыми приходится считаться. Только глупец интересуется виной других людей, ибо он не может ничего изменить. Мудрый человек учится только на собственных ошибках. Он должен спросить себя: кто есть я, что все это должно было случиться со мной? Чтобы найти ответ на этот судьбоносный вопрос, он должен заглянуть в собственное сердце».

Эти значительные и мудрые слова как раз выражают идею Великой Матери касательно образования ее ученицы. Великая Мать всегда обращает внимание, как и Юнг, на ценность взятия ответственности на себя вместо того, чтобы прятать свою вину за чью-то чужую Тень. Поэтому теперь она приказывает Тени пациентки рассказать историю своими словами, даже если ее выбор слов будет не совсем удачен. И Великая Мать призывает пациентку осознать роль последней в трагедии, роль, которую она сыграла посредством Тени, которая является ее частью.

Итогом стал диалог между тремя следующими образами: Эго, Тень и Великая Мать. Тень начала.

Разговор с Тенью под присмотром Великой Матери

Тень (пациентке): Почему (как думаешь) твоя мать страдала и умерла? Почему (думаешь) твой брат погиб таким юным, а сестра покончила с собой? И как ты можешь не обращать внимания на то, что происходило в последние дни жизни твоего отца, когда он тебе явно показал свое сексуальное желание тебя? Не будь ребенком! Осознай же, наконец!

Пациентка: Любовь к отцу ослепила меня!

Тень: Твоя глупая любовь! Меня он хотел! И получил! Ты предпочла оставаться невинно не в курсе. Ты подавила все это, думая, что это безвредно, ты, глупое дитя! Но я воспользовалась своим шансом с ним. Я сама была дитем. Я скажу тебе. Врач сказал, что твоей матери больше не удастся завести детей.

Пациентка: Я знаю; он сам мне так сказал. Она чуть не умерла, когда родился брат, и больше рисковать родами было нельзя.

Тень: Он не прикасался к ней с тех пор, и нашел убежище в извращениях. Он удовлетворял свою похоть через жестокость.

Пациентка: (обращаясь к Великой Матери): Прошу, Великая Мать, можно мне поговорить с тобой, чем с Тенью?

Великая Мать: Я могу поведать тебе эту часть истории. Слушай! Твой отец-экстраверт, будучи представителем праведного думающего типа, знал совершенно точно, где заканчивается праведность и начинается грех. Пока он не вступал с тобой в непосредственный половой акт, он видел все как родительское и дозволенное. Он не видел своей сексуальной тени, также не понимал он, что жил этой тенью. Он любил власть. Он хотел, чтобы все подчинялись ему, но обычный половой акт был ему не интересен. Он заставлял людей хотеть его и затем возвращался к праведности. От этого пострадала и ты, и поэтому ты чувствовала пылкую, неутолимую любовь к нему. Ты любила его потому, что он был на самом деле привлекателен. Частично, с его родительской любовью все было нормально. Но в нем было и это извращение. Когда ты была еще совсем маленькой, он показал тебе свои половые органы и свою похоть, чтобы тебя переполнило желание. Но он не осознавал этого; он был невежественен как ребенок. Теперь в дело вступает твоя тень. Ей это понравилось.

Пациентка: Прошу, Великая Мать, можно мне говорить с тобой, а не с ней?

Великая Мать: Нет, иди до самого конца и услышь ее грязный язык.

(Пациентка соглашается и слушает Тень)

Тень: Мне просто понравилось ощущение – частично желание, частично страх, частично вина – и мне понравилось пережить это вместе с ним. Я почувствовала свою важность и превосходство над твоей глупостью. Конечно, он бессознательно знал, что он всегда сможет достать меня через тебя. И я, как Тень, подыгрывала его Тени.

Великая Мать (прерывая Тень и говоря с пациенткой): Теперь, пожалуйста, постарайся осознать эту Тень в себе; почувствуй свою ответственность.

Пациентка: Я помню, что какой-то предупредительный инстинкт подсказал мне, что это неправильно.

Великая Мать: Инстинкт тоже был Тенью; это была другая ее часть. Если бы ты прислушалась к своему инстинкту, ты могла бы оттолкнуть отца подальше; в любом случае, в одном из тех случаев, когда ты была старше. Но ты поощряла его. Ты знаешь, как ты поощряла его?

Пациентка: Я боялась того, что мне нравился контакт.

Великая Мать: Так. Ты лелеяла наслаждения, страхи и агонии в своем бессознательном скорее, нежели ту часть с его невежеством и извращением. Ты отдала либидо темнейшей Тени отца, отказываясь видеть в нем греховность, и все это не смотря на твой предупредительный инстинкт. Ты не должна подавлять свою вину, оправдывая своего отца. Он не только родительский, любящий образ, и ты не просто послушная, невинная девочка. Нет! Он приблизился к своей дочери с развратными намерениями, и ей это понравилось, и она позволила это. Почти что отцовско-дочерний инцест! Лишь один маленький шаг, и это могло довести его до решетки. Конечно, этот шаг не был совершен, и оба вы ушли в уважительную «праведность», инцестуозные склонности были прикрыты кажущейся невинностью. Сегодня ты все еще под

этим заклинанием. Теперь избавься от него! Откажись продолжать обременять себя ложным уважением своего отца. Осознай его Тень и оттолкни ее, осудив своего отца со всей суровостью. И возьми на себя полную ответственность за роль, которую твоя собственная Тень сыграла в этой трагедии. Страдай от ненависти, которую ты испытываешь к ней, переживи ее полностью! Возможно, твоя поврежденная природа простит тебя тогда и баланс в твоей душе будет, наконец восстановлен!

Сон

В подтверждение этому разговору, пациентка увидела сон о контрабанде, происходившей на какой-то границе. Ее аналитик объяснил контрабанду во сне как бесчестие, к которому мы прибегаем, когда подавляем неприятные мысли на границе, или же за границей бессознательного. Аналитик добавила: «Большинство людей думают, что они не виноваты, когда они не знают о совершенных ими делах. Но Юнг показывает нам, что мы на самом деле виноваты, когда не знаем о них. *Вина в незнании!*»

Следующим шагом на пути к индивидуации для пациентки было увидеть свою земную мать глазами ее архетипической матери.

Семнадцатый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *Это будет для тебя непросто, ведь ты так глубоко любишь ее, но теперь мы должны взглянуть на роль, сыгранную твоей матерью в твоих «семейных ужасах». Твоя мать не была столь же бессознательна, как отец, но она была слаба, на нее было легко повлиять. Она любила своего мужа превыше всего, и она не могла ни принять, ни осознать темную сторону. Ты совершила ту же ошибку, что и она. Ты скопировала ее. Это произошло из-за твоего мистического соучастия с ней. Она подавила свое знание об опасности Тени мужа, ведь он должен был оставаться для нее безупречным героем. Она не знала слишком многого и о своей Тени и жила в своей ошибочной праведности. Она делала это из верности и подчинения ему. Она была с ним слишком едина и соучаствовала*

в его преступлении тем, что не могла защитить своих детей. Она сдалась его Тени и погибла из-за этого. Дьявол захватил ее тело и смертельно отравил ее.

Архетипический аспект семейной трагедии

Теперь, когда мы тщательно рассмотрели семейную трагедию в личностном аспекте, самое время обратить внимание на возможный ее архетипический аспект, ведь комплекс отца, который проявляется достаточно отрицательно, чтобы сформировать сексуальное табу в душе девочки, стоит рассмотреть во всех своих переносах, символах и аспектах.

Аспекты мужественности в женской психологии

Когда мы задумываемся о существовании комплекса отца или мужественности вообще в женской психологии, можно различить три аспекта, или поля.

Первое поле – это человеческий аспект, в виде комплекса отца, и его переносе на настоящих мужчин. Это личное поле.

Во-вторых, у нас есть аспект Анимуса. Анимус для женщины является врожденным, как зародыш, способный развить в себе определенные характеристики, и в большинстве случаев – это комплекс отца. Образ Анимуса служит неким мостом, ведь с одной стороны он принадлежит к личной жизни женщины, где он представляет собой бессознательную часть ее разума; в то же время с другой стороны, дом для него – коллективное бессознательное. За личным Анимусом прячется Анимус побольше, за ним – еще больше, и так далее. Таким образом, положительный Анимус ведет к положительной стороне Бога, а негативный ведет вниз вплоть до самого Сатаны!

Так мы попадаем к третьему аспекту мужественности женской души, в котором кроется образ мужской божественности в ней. Тот факт, что у женщины могут быть чувственные отношения с этой божественной силой, доказывает, что, по крайней мере, образ или

отражение ее должно жить у нее в душе, что и позволяет нам назвать этот образ третьим аспектом мужественности в ней.

Когда комплекс отца формируется в раскрывающейся душе женщины, можно различить не только его влияние на то, что мы называем земной судьбой, но и на развитие ее Анимуса, и, в конце концов, на развивающиеся отношения с духовностью. Различие между этими тремя полями мужественности в душе женщины усложняется из-за того, что переносы этих полей часто перемешаны. Как мы знаем, небесный Отец часто излишне обременен человеческими качествами. И не нужно лишний раз отмечать то, насколько часто мужчина может быть подобен богу в глазах женщины (или, так же часто, Анимусу-дьяволу!)

Но давайте вернемся к случаю и рассмотрим эти три аспекта комплекса отца и его переносы, как они проявились в нем. Мы уже показали то, какое влияние этот комплекс оказал на земную жизнь пациентки. В следующем разговоре, Великая Мать будет разбираться с тем фатальным влиянием, которую комплекс отца оказал на развитие Анимуса. И, позже, мы разберемся с влиянием на духовный образ, или религиозный концепт в душе этой женщины.

Восемнадцатый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *Твой Анимус запутался в Тени твоего отца и поэтому прокручивал твои семейные ужасы в бессознательном снова и снова. А ты проецировала этого зараженного преступлением Анимуса на других мужчин. Как же ты могла ожидать, что они тебя полюбят? Через твоего Анимуса действует Тень твоего отца, а через нее – сам дьявол! Этот дьявол хотел уничтожить членов твоей семьи, одного за другим – и ему это удалось! Теперь вся твоя семья кроме тебя мертва! Ты должна жить пятью жизнями, так сказать. Ты должна была пожертвовать нормальной личной жизнью. Ты проживала жизнь семьи.*

Пациентка: *Следует ли мне отделиться от семьи теперь и жить личной жизнью?*

Великая Мать: Пока я не могу сказать точно. Возможно, ты будешь поглощена исполнением этой семейной миссии до конца твоих дней. В таком случае, тебе не суждено личной жизни, только ее жертва, и она должна быть принесена безвозмездно. Твоя жизненная миссия может оказаться и безличной – смотреть в лицо этому дьяволу, не сдаваясь его желаниям. Теперь, когда ты рассмотрела свой комплекс отца в личном аспекте, ты должна постараться освободить своего Анимуса от Тени своего отца, чтобы дьяволу не удалось закрепить на ней свою хватку. Увидь трагедию целиком и полностью, и будь сурова. Будь не только впечатлена своим собственным неудовлетворением «нелюбимой женщины», но также постарайся осознать семейную трагедию как безличное событие, условия которых вырабатываются в коллективном бессознательном наравне с твоей душой.

Пациентка (в отчаянии): Скажи, Великая Мать, зачем мне снова проходить все эти ужасы?

Великая Мать: Суть в том, что именно коллективное бессознательное содержит отцовско-дочерний инцест и что все связаны с ним бессознательно. Ты же проходишь его осознанно, и это больше, чем большинство людей когда-либо делает. Ты делаешь это не только ради семьи, но также и для гораздо более широкого круга людей. И это приведет к изменениям к лучшему в них. Люди это почувствуют.

Пациентка спросила аналитика, почему именно инцест под запретом. Аналитик ответила:

«Психологические последствия инцеста не так хорошо знакомы, как кажется; психически, инцест сужает горизонт; в случае отцовско-дочернего инцеста, дочь навсегда остается ребенком. Так как «отец лучше всех все знает», она никогда не возьмет ответственность на себя, и, следовательно, не сможет развиваться».

Анимус теперь получает своеобразное лечение от Великой Матери, и роль пациентки в нем состоит в том, чтобы пожелать, чтобы это произошло в ее душе.

Деятнадцатый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: Ты должна еще раз пройти через полное единение со мной, и твое желание сделать это – именно то, что нужно для излечения Анимуса. Отдай мне свою любовь; в таком случае, он не сможет овладеть тобой. Твое желание пережить это – твой необходимый вклад в мой акт экзорцизма дьявола инцеста в тебе, и, через это, излечения Анимуса.

Пациентка: Я согласна.

Великая Мать: Подчиняясь мне, ты отделишь своего Анимуса от Тени своего отца, и, следовательно, от дьявола. Таким образом, ты излечишь невроз своего Анимуса, который является также и твоим неврозом. Он должен увидеть, что он не является ни Тенью твоего отца, ни дьяволом. Подобные отождествления вызывают у него инфляцию. Он очень болен и полностью раздавлен, неся Тень твоего отца.

Пациентка: Разве он не ведет себя скорее как женщина?

Великая Мать: Да, до тех пор, пока он отождествляет себя со своей Анимой, позволяя ей совокупляться с Сатаной. Это и происходит с тобой в твоей душе, когда тебя захватывают нервные атаки.

Пациентка: Конкретно этот дьявол – табу инцеста?

Великая Мать: Он – не табу; он – инцест. Он забирается в Тень твоего отца, когда инцест дома, и затем совокупляется с одержимым Анимой Анимусом.

Пациентка: Я уже чувствую себя почти безумной.

Великая Мать: Ты можешь выдержать это. Ты должна выдержать это!

Пациентка: К кому мне обратиться, если вся моя семья заражена?

Великая Мать: Ко мне! Я показываю тебе все эти ужасы, потому что ты должна верить в меня; ты должна быть под необходимым впечатлением, чтобы держаться меня! Тебе никогда не обрести целостность, если ты не сможешь освободить свою веру, а эта вера заблокирована в бессознательном твоими ужасами. Ты сейчас на грани безумия, но ты можешь идти дальше. И тогда безумие твоего отца погибнет в тебе. Ты и я теперь достигаем чего-то полностью иррационального, но желание пережить это в твоей душе для тебя означают жертву, принесенную добровольно. Теперь ты кротка и послушна, и смела. Теперь, когда ты на одной стороне со мной, Анимус может быть перерожден через тебя!

Два дня спустя мы слышим новый разговор пациентки с Великой Матерью.

Двадцатый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Я перечитала наши последние разговоры, но теперь они не создают впечатление чего-либо исключительно важного, тогда как в начале, они представлялись мне как предвестники великого акта экзорцизма, экзорцизма дьявола, примененного ко мне.

Великая Мать: Я изгоняла дьявола из тебя, и ты знаешь это. Но словами это не выразить. Это за гранью слов.

Пациентка: Я почувствовала, как будто ты собрала все мое существо и все мое прошлое в одно, чтобы объединиться с ним самой, таким образом, отобразив его у Анимуса.

Великая Мать: Это был тяжелейший кризис.

Пациентка: Что произошло с Анимусом?

Великая Мать: Не будь он бессмертен, он бы погиб! Оставь его в моей власти. Твоя задача – позаботиться о себе и о своей Тени.

V. Развитие

Когда пациентка прочла и обдумала последние диалоги, она начала понимать, что могло стать последствием отношений между ее собственной Тенью и Анимусом, который был настолько порочен, чтобы иметь тайную связь с Сатаной. Она поняла, что Тень давала всю свою кровь (и кровь самой пациентки тоже) смертельному союзу с Анимусом, отцовской Тенью и дьяволом. Осознание было важным шагом на пути к индивидуации, и с каждым высшим уровнем, которого она достигала на спирали, она получала более широкий взгляд, который охватывал как прошлое, так и будущее.

После почти, что средневекового акта изгнания дьявола, который совершила над ней Великая Мать, пациентка освободилась настолько, чтобы взглянуть на третий аспект мужественности своей души, который мы описали как «образ самой мужской божественности». И к нему положительно развитый Анимус возведет мост, которым воспользуется Эго.

Религиозные стихотворения

Творческий Анимус уже появлялся раньше (помимо музыкальных вдохновений) в ряде религиозных стихотворений, которые пациентка начала писать в то время. Содержимое одного из этих стихотворений сыграет свою роль в дальнейшем развитии. Оно четко даёт понять о влиянии комплекса отрицательного отца на ее религиозные концепты.

В стихотворении, озаглавленном «Арфа Бога», она сравнивает свою душу с арфой, которую она передает Богу. Она описывает, какой боли ей стоило точно настроить струны, и как она чистила и полировала золоченую раму, пока она не засияла. Эти осторожные приготовления были завершены, и она предлагает свою арфу Богу, молясь о том, чтобы Его божественные пальцы прикоснулись к струнам. Когда она сочла свое стихотворение завершенным, произошло любопытное и совершенно неожиданное событие. Она услышала мужской голос, голос Бога, говорящий ей в ритме и с рифмой ее стихотворения, что Он, Бог, не хочет, чтобы его сейчас беспокоили. И, помимо этого, Ему

вообще не хочется человеческой арфы. Он уже выбрал себе вселенную в качестве арфы, золотые струны которой – солнечные лучи.

Таким образом, стихотворение явно показывает, что комплекс отрицательного отца затрагивает даже высший уровень, на котором Бог отвергает ее арфу (а именно, ее любовь). В мире людей, как мы видим, ее женская любовь к противоположному полу так и не смогла достичь ни одного партнера. Вместо этого, она, очарованная Анимусом, позволила овладеть собой и пытаться себя. И на духовном уровне, Бог отказывается играть на ее арфе, то есть, принимать ее любовь. Но на этот раз ее поддерживают сильные персоналии – архетипические образы вместе с человеческими личностями.

У нее появилась возможность прочесть свое стихотворение, включая ответ Бога, Юнгу (следующие высказывания Юнга скорее следует принимать как эхо, отразившееся в душе пациентки). Она ожидала, что он будет смеяться от души, в особенности над ответом Бога, но этого не произошло. Юнг совсем не воспринял это как шутку; наоборот, он подошел к вопросу со всей серьезностью, и сказал ей, что ей нельзя на этом останавливаться. Она должна найти ответ Богу, ответ, который позволит Богу осознать не только прекрасные солнечные лучи, но еще и Его обязанность играть на арфе человеческих душ. Именно Бог создал эти человеческие существа и поэтому Он должен принять Свою долю ответственности за их души.

Этот взгляд на стихотворение, как сказал Юнг, был бы его ответом Богу, но он поначалу совсем не помог пациентке. Каким-то образом не было гармонии; он вмешивался в ее собственные отношения с Богом. Сложность, возможно, заключалась в том, что она еще не совсем четко сформировала образ Бога в своей душе. До этих пор, согласно православной христианской догме, она понимала Господа как «абсолют»; то есть, существующим в Себе и отделенным от человеческих состояний. Но, как мы увидим, Бог, о котором Великая Мать и пациентка беседовали в следующих разговорах, скорее «относительный» Бог; а именно, Бог, чье существование некоторым образом зависимо необходимым для обеих сторон взаимодействием от человеческого субъекта. В случае нашей пациентки, Бог, или образ Бога, поначалу был

окрашен отрицательно, как говорилось, из-за обстоятельств, которые расширил до божественного уровня комплекс отрицательного отца. Ее целью теперь было очистить этот образ.

Великая Мать берет на себя отрицательность в следующих разговорах и помогает пациентке построить взаимоотношения с ним, привлекая внимание последней к коллективному качеству ее расстройства и его происхождения в коллективном бессознательном.

Двадцать первый разговор с Великой Матерью

Пациентка: У меня появилось пугающее ощущение, что все отвернулись от меня. Вокруг меня пустота. Бог скрылся в облаках.

Великая Мать: Возможно, Бог опустошен так же, как и ты из-за того, что отказался играть на твоей арфе. Возможно, это его настроение отражается на тебе.

Пациентка: Ты хочешь сказать, что Бог играет Свое плохое настроение на моей арфе? В таком случае он плохой игрок.

Великая Мать: Или ты плохой слушатель?

Пациентка: Моя пустота – это пустота Бога? Анима Бога проецируется на меня?

Великая Мать: Не только на тебя. На все человечество, можно сказать. Бог хочет стать осознанным, и при этом не хочет. Его двойственность отразилась на человечестве. Ты – одна из тех, к кому можно воззвать для помощи Богу в его состоянии нигредо (черноты).

Пациентка: Я вижу Бога нечетко. Вместо этого, я вижу облака.

Великая Мать: Ты переносишь своего Анимуса на Бога. Это контрперенос, или наоборот. Будь очень кротка, чтобы Бог не поразил тебя им. Можно сравнить состояние Бога с состоянием ума, превосходящим творчество. Бог должен спроецировать

свою покинутость, вызванную нигредо, на человечество, так как она не осознана им. Если недостаточно людей, которые способны носить нигредо Бога на своих плечах, то возможна катастрофа. Тебе будет легче переносить страдания, если ты знаешь, что именно ты носишь, чувствуя себя больной и несчастной, если ты знаешь, что эти страдания не принадлежат исключительно тебе, и осознаешь, что это прикосновение архетипа из коллективного бессознательного. Понимаешь? Нести свой крест означает нести и часть креста Бога.

Пациентка: Если яотреагирую на мое опустошение, осудив весь анализ как ошибку, тогда это, конечно, мысли Анимуса.

Великая Мать: Да, подобные мысли принадлежат Анимусу. Но чувство нигредо, как мы будем это называть, должно быть отделено от них, и не должно подавляться.

Двадцать второй разговор с Великой Матерью

Два дня спустя, разговор продолжился так:

Пациентка: Если Бог хочет перенести на меня свою отрицательную сторону...

Великая Мать (прерывая): Я должна тебя поправить. Если бы Бог действительно собирался это сделать, у тебя не было бы малейшего шанса выдержать это. Тебе не предстоит нести в себе воплощение дьявола. Подобные воплощения происходят только в высших частях. Если бы Бог выбрал тебя с этой целью, ты бы практически несомненно погибла бы или сошла с ума. Ты не способна перенести образ антихриста. Думать так о себе означало бы гордыню.

Пациентка: Я не знаю, моя ли это идея или нет. На самом деле, я не думаю, что она моя.

Великая Мать: В каком-то смысле она пришла к тебе, возможно, бессознательно. Осознай свою личную Тень и через это то, что у Бога тоже есть Тень; а именно, Его сын, Сатана.

Бог должен осознать свою Тень. Пока он еще этого не сделал в достаточной мере. Это состояние нигредо Бога, и его образ в душах людей создает несчастья в мире. С частицами тяжелого состояния Бога предстоит сражаться каждому человеку. История твоей семьи наполовину личная, наполовину безличная. Она подобна лестнице, объединяющей два мира. Недавно полученное осознание ее личного, включая Анимуса, аспекта, поможет тебе исправить ситуацию с Богом, ведь все то время, когда ты сражалась с семейными ужасами, ты сражалась и с дьяволом, являющимся частью Бога.

Пациентка: *Дьявол – та часть Бога, что не приемлет моей арфы?*

Великая Мать: *Бог отказывается играть на твоей арфе конкретную песню. Бог предпочитает оставлять это дьяволу. Себе же он предпочитает солнечные лучи и космический гимн.*

После этого разговора пациентка старается взглянуть на свою внутреннюю историю в духовном аспекте. Поначалу, она называет этот аспект отражением в раю. Но в этой связи, слова вроде «отражение», «мираж», «образ» и так далее кажутся не на своем месте. Она думает, что лучше бы ей сменить точку наблюдения так, чтобы рассмотреть свою человеческую трагедию как образ, миниатюру вселенской драмы. Она даже пытается разглядеть в своей жизни бесконечный земной символ небесной эволюции.

Чтобы найти эту духовную точку наблюдения, она отправляется в символическое путешествие под присмотром Великой Матери, надеясь оказаться там, куда она стремится. Она переживает это путешествие как невероятное опасное и рискованное предприятие, которое она описывает в длинной серии разговоров с Великой Матерью.

Разговоры включают активную фантазию, укороченная версия которой будет представлена в форме повествования. Пациентка озаглавила свою фантазию так:

Канатоходец пересекает бездну

В этой фантазии пациентка стоит на краю пропасти, находящейся между двумя мирами: ее старой, земной точкой зрения и более духовной концепцией жизни, к которой она теперь стремится.

Канат соединяет две стороны пропасти, и, по всей видимости, он здесь вместо моста. Это будет поход канатоходца! Поначалу, она отходит назад из-за исходящей опасности. Но Великая Мать уверяет ее, говоря, что она – Великая Мать – этот канат, и что пациентка не пострадает, так как она закреплена на этом канате, пусть и только одним мизинцем. Более того, говорит Великая Мать, у пациентки в руках есть балансирующий шест; а именно, ее инстинкты. После этого наш неопытный канатоходец решается пересечь бездну.

Но на полпути она совершает необдуманный поступок, посмотрев в глубину, где она видит, как вальсируют ее Анимус и Тень, и они целуются! От такого зрелища ей становится не по себе. Она теряет баланс и падает, но продолжает висеть головой вниз, держась за веревку одним лишь мизинцем ноги.

Теперь лишь одна маленькая ошибка разделяет любовников. Пациентка висит между ними головой вниз, как будто она – меч, разделяющий их. Необходимость прекратить эту пытку напоминает ей о ее шесте (инстинктах). Она пытается достать им до дна пропасти, чтобы почувствовать землю (свою землю). Но длины шеста недостаточно. Как же ей удлинить его? В конце концов, агония принуждает ее воззвать к Тени, крича ей о помощи. И после контакта с Тенью, ее инстинкты оживают, а шест продолжает расти. Когда он касается земли, ей удается оттолкнуться и встать ровно на канате, после чего она продолжает свой путь и достигает другого конца бездны.

Конечно, на бумаге ее единение с Тенью выглядит простым, но на самом деле, она была на краю необходимости, когда вскричала о помощи, и ее крик к Тени был наполнен агонизирующим страхом. Пациентка выразила свою необходимость так:

Разговор с Тенью

Пациентка: Тень! Оставь этого Анимуса! Объединись со мной! Мы должны быть вместе!

Тень: Да! Теперь, когда дьявол был изгнан из него, Анимус стал лишь непривлекательной массой горя. Мне он неинтересен! Я предпочту небольшой флирт с настоящим мужчиной, и я хочу заполучить их через тебя!

Пациентка: Ты говоришь о «небольшом флирте». Да будет так. Но я не хочу, чтобы ты переполняла меня своей сексуальностью.

Тень: Бери меня либо оставь!.. В конце концов, Анимус может восстановиться, и я вернусь к нему!

Двадцать третий разговор с Великой Матерью

Великая Мать: Ты осознаешь ошибку, которую совершила?

Пациентка: О, да. Я должна была забрать ее целиком, пока она хотела этого.

Великая Мать: Ты до ужаса боишься ее и инстинктов, которые могут переполнить тебя.

Через этот разговор – подобно вспышке света – более глубокое понимание пришло к пациентке. Что-то, что до сих пор было темным и недоступным, наконец, осветилось.

Она осознала, что ее понимание мужественности было неверным; что оно было сокрыто во тьме мыслями, место которым было не здесь. Когда она встретилась лицом к лицу с мужественностью – в человеческом аспекте ли, в аспекте Анимуса или духовной сфере – вся ее паника заключалась в страхе быть подавленной, унесенной своими собственными ощущениями, чувствами и инстинктами. Ее сексуальная паника была призвана бессознательными теневыми частями, которые она проецировала на мужественность, вместе с бесстыдным желанием и похотью ее

Тени. Ее осознание, что этот перенос должен вернуться к ней, покончило с радостью, ощущаемой темной парой, вальсирующей и целующейся в бездне.

Символически, в этот момент ее инстинктивный балансирующий шест достиг земли. Также в этот момент она вернулась в ровное положение и продолжила свой путь по канату, смело опираясь на шест, которым она ощупывала землю на дне пропасти. Этот постоянный контакт со своими глубинами поддерживал ее, и таким образом ей удалось достичь противоположного края бездны. Здесь лежат, как и предсказывала Великая Мать, Обещанная Земля, духовное царство, которое ей предстояло исследовать, «мир-за-ее-неврозом», как она называла его. В этом мире она надеялась обрести Господа.

VI. Временное пребывание в духовном мире

Увы, первая встреча, которая состоялась у пациентки в ее «мире-за-неврозом», была совсем не та, какой ей хотелось. Ведь первый образ, повстречавшийся ей на пути, был сам Сатана!

Сатана немедленно завел с ней обескураживающий разговор.

Разговор с Сатаной

Сатана: Ты правда думаешь, что крепко стоишь на земле? Глупое дитя! У тебя нет ни шанса выстоять против меня!

Пациентка: Я под защитой Великой Матери.

Сатана: Я превыше Великой Матери. Я принадлежу к четверичности, а она нет.

Здесь разговор резко обрывается, так как пациентка не нашлась, что ответить на нахальное заявление Сатаны. Но у пациентки был аналитик, с которой она могла посоветоваться, и у аналитика был ответ под рукой. Она сказала: «У Сатаны инфляция, если он считает, что он превыше Великой Матери», после чего аналитик нарисовала следующий график четверичности.

Наученная таким образом, пациентка почувствовала себя вооруженной против возможных атак со стороны мощного врага. Она рискнула продолжить разговор с ним, но на этот раз атаковала уже она.

Разговор с Сатаной

Пациентка: Теперь услышь меня, Сатана! Моя аналитик объяснила мне, что как Земля, Великая Мать принадлежит к четверичности так же, как и ты! Ты не стоишь выше Великой Матери и тебе не разрушить наши с ней отношения.

Сатана: Я уже сделал это, и ты знаешь как.

Пациентка: Я действительно чувствовала, что Великая Мать уходит от меня. Я почти, что кричала в отчаянии. Но теперь я вижу роль, которую ты сыграл. Ты пытался разделить нас! Уходи! Я хочу Великую Мать, не тебя!

Сатана: И у Великой Матери есть Тень. Я – эта Тень!

Пациентка: Нет, это не так! Так же, как у Великой Матери есть Тень, ты связан с Христом. Теперь оставь меня!

Двадцать четвертый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: Молодец! На этот раз он тебя не достал.

Пациентка: Но это только благодаря тебе! Мое прошлое оцепенение пришло из-за сомнений касательно тебя и Самости.

Великая Мать: Твоя аналитик сказала тебе, что я Земля. И, будучи Землей, я – часть четверичности, я – противоположность Бога-Отца.

Пациентка: Ты покинешь меня?

Великая Мать: Я всегда рядом. Вопрос лишь в том, осознаешь ли ты это, или нет.

Конечно, так просто на этом Сатана не сдался. Он больше не атаковал жертву напрямую; вместо этого, он испытывал ее по-старому. Он использовал амбиции ее Тени и власть Анимуса, которому почти невозможно противостоять, вдохновляя пациентку музыкально, ценой анализа. Пациентка, не видя в этом замысел Сатаны, поделилась с Великой Матерью своим соблазном.

Двадцать пятый разговор с Великой Матерью, включая небольшую беседу с Анимусом

Пациентка: Я чувствую неодолимое стремление вернуться к музыке, и я не знаю, будет ли это верным выбором.

Великая Мать: Ты можешь покинуть Юнгианскую психологию и стать музыкантом снова. Ты достаточно одарена для этого. Или ты можешь пойти дальше к глубинам индивидуации. Ты стоишь на пересечении дорог, сейчас нужно принять решение.

Пациентка: Я знаю, что моя цель – индивидуация, но очень велик соблазн улететь прочь в облака с Анимусом. Это – непростая проверка для меня.

Великая Мать: Если ты знаешь свою цель, принимай решение быстро. Не испытывай себя.

Пациентка: Это – настоящая жертва.

Великая Мать: Нет необходимости тебе мне об этом говорить; мне это известно. Это твоя настоящая встреча лицом к лицу с Анимусом. Если ты станешь очарована, ты последуешь за ним и снова будешь музыкантом. Ты свободна выбирать. Или ты можешь пожертвовать очарованием, чтобы все лучше осознавать своего Анимуса.

Пациентка: Вот я. Я принадлежу тебе! Я почитала Анимуса как Бога. Я должна теперь пожертвовать им, или мне никогда не удастся увидеть Бога. Это – мой ад. Я думала, что ад – это

невроз и болезнь, но теперь я вижу причину своего невроза в склонности к очарованию Анимуса. Я хочу поговорить с ним об этом.

(Пациента обращается к Анимусу).

Пациентка: *Мой Анимус, почему ты заставляешь меня бороться с музыкой уже больше сорока лет?*

Анимус: *О, это просто времяпрепровождение.*

Пациентка: *Не смей меня.*

Анимус: *Мой тон насмешлив, но я говорю правду. Твое бессознательное боролось с твоими семейными ужасами, но тебе самой не хотелось делать этого. Поэтому это пришлось делать нам. Мы дали твоему Эго занятие, чтобы оно не мешало и не прерывало нашу работу.*

Пациентка: *Что значит твое «мы» и «нам»?*

Анимус: *Великая Мать приказала мне заняться тобой, пока она разбиралась с проблемами твоего бессознательного. Она не раз говорила тебе, что проживала твою жизнь вместо тебя.*

Великая Мать: *Это правда. Из-за него ты занималась музыкой. Но я была еще более глубокой причиной тому, чем он. Я заставила его подтолкнуть тебя к этому. Я дала ему времяпрепровождение только для того, чтобы он не вмешивался в мою работу, которая заключалась в том, чтобы подготовить твое бессознательное к дальнейшей индивидуации. Эта индивидуация теперь – твоя цель.*

Справившись с Сатаной и Анимусом целой и невредимой, пациентка увидела важный сон, который чудесным образом очистил ее душевную сферу.

Сон

Пациентка спешит на станцию, но не может на нее попасть. Ее обгоняет мальчик на скутере, который кричит из чистой радости скорости. Он проехал мимо и уже далеко впереди, как вдруг он на полной скорости падает со скутера. Он ударяется головой о тротуар. Это происходит трижды. Пациентка не может прийти к нему на помощь, так как у нее уходит поезд. Она уже почти опоздала. К тому же, несчастный случай произошел слишком далеко, и ей не покрыть всю эту дистанцию. Она ловит такси, но ей говорят, что они сегодня не ходят. Она пытается бежать к станции, но не может; ее ноги, словно наполнились свинцом.

Город, по которому она пытается передвигаться – столица ее родной страны, и ей удается достичь центральной площади. Здесь оказывается невозможным передвигаться из-за большой процессии женщин, по всей видимости, демонстрации, которая двигается и закрывает ей путь. Женщины собираются устроить какое-то представление на площади, или составить символ. Пациентка теперь в компании другой женщины. Вместе они находят места на отдельной трибуне, с которой они могут смотреть представление. Пока на платформе еще никого нет, и у них большой выбор свободных мест. Пациентке хочется сесть в первом ряду, но она предпочитает присоединиться к своей компаньонке на заднем ряду. Более того, она думает, не совершила ли она ошибку, ведь они оказались в царской ложе.

Толкование сна

Сон подтверждает, что пациентка совершила правильный выбор, решив пойти дальше по пути индивидуации вместо того, чтобы прислушиваться к соблазнительным предложениям Анимуса. Маленький мальчик на скутере – это юный Анимус, и, видимо, именно он недавно побуждал ее уйти от анализа в пользу безвременного музыкального экстаза вместе с ним. Взлетать в небеса естественно для Анимуса. Эта его тенденция видна в скорости, которая, на самом деле, заканчивается катастрофой, но его бессмертная природа позволяет ему пережить это несчастье. Если бы пациентка присоединилась к нему, она бы пережила то, что стало бы для нее смертоносным ударом. Ей удалось избежать этой ловушки.

Во сне, она правильно сделала, когда оставила Анимуса самого по себе, но она ошиблась касательно своей цели. Ей казалось, что ее цель – поезд. Такси было не поймать; ей пришлось идти пешком (самый индивидуальный способ продвижения, тогда как такси – гораздо более коллективный). Она пытается бежать, но ее ноги как будто наполнились свинцом. Мотив тяжести, когда он появляется в снах, обычно означает, что нам не стоит стремиться к нашей текущей цели. Мы должны переменить ее. Именно это и происходит во сне. Пациентка забывает о своем поезде в тот момент, когда достигает центральной площади, где ее поглощает наблюдение за процессией.

На самом деле, *слава* была тем поездом, за которым она пыталась бежать. Эту надежду теперь ей предстояло оставить в пользу всепоглощающей цели индивидуации. Сон дает ей больше деталей насчет ее действительного пункта назначения, говоря ей, что это именно центральная площадь города в центре ее родной страны, где у нее есть корни. Это мандала, символизирующая Самость. Во внешней реальности на этой площади был воздвигнут монумент после последней войны, в честь освобождения от нацизма и его невероятно огромного Анимуса, Гитлера. Женщины во сне собираются принять участие в представлении или аллегории вокруг монумента, и ассоциации пациентки подсказывают нам о его характере, ведь представление связано с известной поэмой, написанной знаменитой поэтессой в ее стране. Эта поэма описывает празднество, устроенное женщинами, в честь освобождения от внутреннего рабства, и сон пользуется этим символом, чтобы выразить, что «женщины» (то есть, все женщины в пациентке, ее вся сущность целиком) празднуют жертву одержимости Анимусом в пользу и честь Самости. Это представление, за которым она наблюдает, происходит в центре ее души.

Она находится там вместе со своей Тенью, и, ради Тени, она соглашается сесть в заднем ряду. Стоит благодарить скромность Тени, которая не позволила пациентке занять место в первых рядах, ведь передний ряд, кажется, представляет из себя царскую ложу, в которую их впустили. Трибуна – символ того, что пациентка называла «Духовной точкой обозрения», находящейся в ее «мире-за-неврозом», которой Великая Мать помогла ей достичь

на другом конце пропасти. Во сне, пациентки не касается инфляция, так как она осознает свою Тень и принимает на себя за нее ответственность.

Важность сна и его объяснения открыли пациентке глаза, и она начала осознавать ценность жертвования стремлений Анимуса в пользу всепоглощающей значительности Самости.

С этого момента, она пытается лучше узнать духовный аспект ее проблематики с помощью дальнейшего контакта со своими внутренними образами и сверхличностной точки зрения. Она начала быстро развиваться.

Двадцать шестой разговор с Великой Матерью

***Пациентка:** Мне кажется, что мне предстоит пройти мою прошлую проблему с Анимусом на высшем уровне; а именно, по отношению к Богу.*

***Великая Мать:** Твои отношения с Богом изменились с того момента, как дьявол, Тень твоего отца, был изгнан из твоего Анимуса, и твоя Тень оставалась отделенной от него.*

***Пациентка:** Когда я пытаюсь поговорить с Богом, я чувствую себя, как будто я снова вишу вниз головой на канате, как в той фантазии.*

***Великая Мать:** Если ты висишь головой вниз, это означает, что ты приближаешься к Господу не головой, а нижними частями.*

Эти слова, сказанные Великой Матерью, напомнили пациентке о Тени, которая могла бы помочь в совершении предпочтительного сближения с Богом.

Она подняла эту тему с Тенью следующими словами:

Разговор с Тенью

Пациентка: Тень, ты можешь мне помочь приблизиться к Богу моими чувствами?

Тень: Я знаю, что чувствовать по отношению к мужским личностям. Это очень просто; просто чувствуй женственность!

Пациентка: Каким же образом?

Тень: Мужчины могут помочь нам почувствовать то, чем мы не являемся. Для этого нам нужно почувствовать себя очень женственными, ощутить женщину в себе. Тогда мужчины придут. Люби свое тело, люби свою необходимость в мужчинах. Тогда они придут. Я чувствую, что превосхожу мужчин, потому что я знаю, что они должны пасть передо мной. Это такой небольшой трюк. Мы стараемся сделать им приятно. Они не могут устоять; они идут. Ты можешь получить от них все, что угодно, если будешь играть в гипертрофированную женственность, это для них удовольствие. Никогда не забывай, как мы стремимся сделать им приятно!

Пациентка благодарит Тень за информацию и обращается к Великой Матери.

Двадцать седьмой разговор с Великой Матерью

Пациентка: Я должна признать, что я никогда не отождествляла себя со своей женственностью и никогда не думала бы о скромном представлении себя как удовольствия для мужчины.

Великая Мать: Это был бы грех по отношению к Богу. Ты не приняла свою судьбу, пока не приняла свой пол. И признать свой пол через страдания, как ты сделала, недостаточно. Твоя Тень приняла его как дар. Ей приятно делать приятно мужчинам, и ей комфортно находиться в этой роли. Более того, как ты можешь быть сосудом Господа, если ты подавляешь естественную функцию твоей женственной натуры, тех органов, которые были созданы для зачатия? Духовному зачатию и пути к нему ты можешь научиться через то, что

тебе скажет тело. Как только твоя чувственная сторона будет составлена через твои инстинкты, тебе больше не придется умолять Бога сыграть на твоей арфе. Он Сам страстно возжелает этого.

Таким образом, попытка обогатить себя все еще бессознательными теневыми частями вновь позволила пациентке сделать очередной шаг навстречу индивидуации.

Теперь она пыталась выяснить, каким образом она может доставить удовольствие Богу. Само собой, ее Анимус сразу заявил ей о том, что он не согласен с ее смехотворным планом. Но она уже знала, что ему ответить, что мы и увидим в следующем разговоре.

Разговор с Анимусом

Пациентка: *Анимус, сохраняй тишину! Я хочу почувствовать близость Бога, активно отождествив себя с жизнью, которой он хочет, чтобы я жила. Итак, сначала я хочу почувствовать себя комфортно в своей женственности.*

Анимус: *Я – посланник Божий! Я полечу к нему и передам ему твои слова.*

Пациентка: *Спасибо, но я собираюсь сказать ему об этом сама.*

Архетипический сон

Несколько дней спустя, очень короткий, но весьма архетипический сон пришел к ней:

Она слышит мужской голос, голос Бога, кричащий ей о помощи. Вместо обычного слова «помоги», он прибежал к более древнему библейскому выражению: «Взываю о помощи!»

Это был весь сон.

За этим сном последовал разговор с Великой Матерью, в котором последняя объясняет, как люди могут пригодиться Богу.

Двадцать восьмой разговор с Великой Матерью

Великая Мать: Доктор Юнг однажды сказал тебе, что люди – глаза и уши Бога, и что они дают сознательность Богу своими жизнями. Теперь, похоже, что Бог зовет тебя на помощь, так как он хочет эту часть сознательности, которую ты можешь ему дать.

Пациентка: У меня была непростая фантазия, которую я хочу передать тебе. В ней говорилось, что Бог очень зол на людей, так как те украли те части, которые были созданы не для человеческих рук. Эти части были секретом природы о расщеплении ядра атома и, как эквивалент этому, знание Юнга касательно Божества. Бог не рассчитывал, что человечеству будет известно о Его темной стороне. Он сам хотел оставаться бессознательным о Себе. У него возникло сопротивление. Поэтому Юнг и все его ученики прокляты в его глазах.

Великая Мать: Эта опасность не является плодом твоего воображения. Ты сама пережила невероятное напряжение; я имею в виду напряжение, существовавшее в твоей душе, когда ты узнала о своей темной стороне, или когда творческий процесс готовился к появлению через тебя. Возможно, Бог будет создавать весьма положительные вещи, пока он достаточно сознателен, чтобы начать действовать. Но если он не признает в Сатане Своего сына, тогда Его темная сторона может спроецироваться на людей. Он может спустить свою ненависть на человечество во всемирной катастрофе. Поэтому, Он будет обвинять Доктора Юнга и Профессора Эйнштейна в том, что они стали этому причиной. Они будут козлами отпущения.

Теперь слушай меня: ты очень близка к Юнгу и, конечно, ты будешь уничтожена вместе с ним при худшем раскладе. Но ты, будучи женщиной, способна на то, что Доктор Юнг, мужчина, сделать не может. Тебе сделать это будет менее опасно, чем Юнгу, чья мужская натура может спровоцировать в Боге стремление к воинственности. Более того, Богу нужно

осознать не свою мужественность, а Свою темную сторону, которая включает женственность. Это именно работа женщины – привести его к осознанию. Будь Змием в Райском саду и заставь Бога съесть плод с дерева Знания добра и зла. Правда в том, что люди съели его, а Бог – нет. Заставь Бога съесть плод, который ты ему предложишь. Это будет то же самое, как если бы он сыграл на твоей арфе.

Пациентка: Но это же как раз то, что он отказался делать.

Великая Мать: Да, но в то же время ты недостаточно осознавала свою Тень. Ты сможешь заставить Бога сделать это, только если полностью сольешься с Тенью.

Пациентка: О, моя Великая Мать, я не способна на исполнение такой задачи! Твоя женственность и мудрость Самости необходимы для этого. Только сама София, возможно, достаточно могущественна для этого.

Великая Мать: Да, это так. Но в твоем сне голос Бога звал на помощь именно тебя. Послушай: мы, великие женские архетипы коллективного бессознательного, можем, и сможем сбалансировать слишком мужественную, и, соответственно, опасную установку Бога. Но чтобы спасти человечество, нам нужны люди. Это не может быть сделано исключительно в духовном мире. И в этом особенном случае нам нужна женщина, земная женщина. Нам нужен земной аспект женственности. Достаточное ее количество может повлиять на чаши весов и сбалансировать их. Сыграй свою роль! Это – смысл всей твоей жизни.

Двадцать девятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Моя Великая Мать, я пережила нечто, что не было видением, а скорее проливающей свет мыслью, очень странной и очень опасной. Возможно, я говорила с тобой в пассивной фантазии. Кто-то сказал мне это или вдохновил мои мысли. Я придумала их не сама по себе.

Великая Мать: Говори.

Пациентка: Перед тем как родился Христос, Бог сделал Марию беременной через Святого Духа. Затем Сын Божий снизошел с небес на землю. Теперь мне дали понять, что обратное вскоре произойдет и Сатану примут обратно в четверичность. До этого момента, Сатана был воплощен в человечестве в качестве греха, но теперь мы должны либо подняться с земли на небеса, либо он должен переродиться в раю. Только если это произойдет, человечество будет освобождено от Сатаны; иными словами, от греха. Моя фантазия говорит, что земная женщина должна положить этому начало, привести все в движение. Мы, женщины, должны заставить Бога захотеть принять яблоко из Эдемского Сада, яблоко осознания добра и зла (в рисунке, нарисованном ею за много лет до этого, была изображена Анна и Змий, предлагающие яблоки Троиединству). Или, в данном случае, его стоит назвать яблоком земли, яблоком человеческой грешности. Предложение яблока Богу совершается с намерением породить мысль в Его разуме; а именно, осознать в Сатане Своего сына, или осознать в Софии Свою жену, через которую Сатана должен переродиться как их сын в раю. Как именно это должно произойти, мне все еще неясно.

Великая Мать: Тебе понадобится скромность Марии, чтобы исполнить свою роль. Тогда, на высочайшем символическом уровне, ты родишь духовное дитя, о котором однажды было объявлено в том, что ты назвала «Великим Видением». На раннем уровне, как ты помнишь, это было объяснено как «активное исполнение предназначения».

Пациентка: Я боюсь, что неспособна на скромность Марии.

Великая Мать: Если ты будешь подвержена инфляции, ты либо умрешь, либо будешь глубоко страдать.

Пациентка: Я хочу умереть за это, или страдать, только если мне предстоит выносить это символическое дитя. Мне не суждено успокоение, пока это не исполнится.

Великая Мать: Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

Пациентка: Понимаю. Я приму свою судьбу и попытаюсь исполнить ее. Пусть гнев Господень сразит меня до исполнения предназначения, я готова принять это.

Великая Мать: Так и должно быть.

Пациентка: Великая Мать, будь со мной! Я умоляю тебя предупредить меня в момент, когда захлестнет самодовольство. Прошу, скажи мне! Помоги мне сохранить скромность.

Великая Мать: Ты знаешь, что Бог призвал тебя на помощь. Позволь знанию этого подарить тебе скромность, ведь именно Бог привел тебя к этому. Внутри себя у тебя достаточно сил, чтобы исполнить это задание. Сам Бог вдохновит тебя на верный поступок, хотя это и кажется иррациональным. Ты – как раз та человеческая основа, которая и необходима. Сатана в человечестве; он заточен в нем. Таким же образом, твой Анимус был так же заточен в тебе. Твой Анимус взывал из тебя неврозом. Ты освободила его. Затем он сказал Богу, что ты можешь отпереть и другую решетку.

Пациентка: За этой решеткой Сатана? Или Сам Бог? О помощи кричал Бог, или же Сатана?

Великая Мать: Не имеет значения. Сатана – часть Бога. Ты искупишь их обоих, также и человечество, если тебе это удастся.

Пациентка: Моя Великая Мать, разве ты не вызываешь у меня инфляцию? Я не хочу отождествлять себя с божественными материями!

Великая Мать: Больше скромности в подчинении, чем в страхе. Ты сказала, что предпочтешь, чтобы тебя принесли в жертву, чем ощущать вечную неисполненность.

Пациентка: Тогда я подчинюсь.

Великая Мать: Если тебе не удастся исполнить эту миссию, будут другие женщины, готовые взять ее на себя. Возможно, твоя задача – просто начать этот процесс. Не так важно, будешь ли это ты или кто-либо другой, кто совершит эту миссию до конца. Но кто-то должен начать, и начало – самое непростое.

Пациентка: Что же мне делать?

Великая Мать: Когда ты висела на этом канате во время твоей фантазии вниз головой и не дала себе упасть вниз, ты стала привычной к этому положению «вниз головой». Помни о том, что ты сказала раньше: «Однажды Бог спустился с небес на землю; теперь земля должна вернуть то, чего не хватает на небесах». Ты должна помочь этому произойти. Ты должна пожертвовать очарованием Анимуса. Если достаточное количество женщин сделают это, тогда Сатана сможет вознестись на небеса. Но мысль, что тебе это удастся в одиночку – результат инфляции. Эти мысли принадлежат Анимусу. Ты – одна женщина из многих, которых призвали освободить Бога, или Сатану, или своего Анимуса. Только что я оставила тебя в твоей инфляции на один момент, чтобы проверить тебя (или же Бог проверял тебя), чтобы увидеть, достает ли тебе скромности. Достает; ты только что доказала это.

Пациентка: Я полностью сбита с толку. Что именно произошло?

Великая Мать: Понимаешь, как только ты попытаешься открыть решетку Анимуса, что позволит восхождение Сатаны, он немедленно попытается овладеть тобой через инфляцию. Следовательно, появится эта выросшая мысль, мысль, что только ты была призвана на помощь Богу. Это, конечно же, не так. Призывается женственность и ты должна исполнить свою роль с высшей степенью скромности. Ты должна освободить своего Анимуса, не всего сразу, но по чуть-чуть, шаг за шагом. И не взлететь с ним на небо в экстазе, а научившись скромности до конца твоей земной жизни. Помни об этих женщинах на центральной площади в твоём сне. Они праздновали освобождение от Анимуса, и ты получила

привилегию наблюдать за празднеством освобождения. Ты должна делать в своем скромном мире то, что мы, архетипы коллективного бессознательного, делаем в нашем духовном мире. Слишком мужественный Бог в тебе – это твой Анимус. Излечи его от инфляции, когда он решит, что он – Бог или Сатана. Отделив своего Анимуса от Сатаны, ты поможешь последнему вознестись в четверичность. Таким образом, ты сыграешь свою роль в небесной драме, и ты почувствуешь, что приняла в ней участие.

Теперь я должна предупредить тебя о предстоящем тебе риске: ты будешь находиться под высоким риском попасть под невероятную инфляцию. Не забывай об этом ни на секунду. Только через тебя инфляция может покинуть Анимуса. Ты можешь справиться с ней через свою осознанность. Помимо этого, инфляция – не единственная опасность, с которой тебе предстоит столкнуться. Дефляция ничуть не лучше. Не чувствуй себя неполноценной, когда заметишь свою инфляцию; чувствуй свою человеческую скромность.

Не забывай и о том, что именно Бог воззвал к тебе о помощи, хотя ты и не единственная. Будь терпеливой. Позволь вещам развиваться в своем темпе. Будь всегда вместе со своей Тенью. Ведь неизвестно точно, что тебе предстоит ожидать в «мире-за-неврозом» навечно. Возможно, тебе придется вернуться. Пройди и через это, если понадобится. Будь смелой и внимательной!

С этими словами Великая Мать оставила свою ученицу на долгое время. Очевидно, она держала в уме, что пациентка теперь гораздо более зрелая, чтобы самой крепко стоять на ногах. И, видимо, так и было, хотя на ее пути еще оставались определенные трудности.

В целом, пациентка больше не считала себя неврастеником. Она избегала некоторых непростых ситуаций, это правда, и она все еще боялась регрессов, которых она стала все чаще избегать, нежели рисковать. Живя тихо, ей удалось проделать большой объем работы. И она получила удовлетворение от того, что чувствовала – люди стали к ней относиться лучше, некоторые даже стали отыскивать ее.

Что касается процесса индивидуации, развитие которого я показала в курсе лекций, пациентка полностью осознала, чем обязана юнгианскому типу мышления в общем, и методу активного воображения в частности. Помимо этого, у нее было теплое ощущение благодарности к своим аналитикам и их постоянной любви и терпению, с которыми они осуществляли ей поддержку и вытаскивали из затяжных периодов отчаяния.

Что самое главное, она ощутила глубокую и истинную благодарность величественному образу Великой Матери, ее наставнице, которая кормила ее архетипической пищей. В честь этой великой личности, последнее слово будет дано ей в форме последнего разговора. Он не был последним по порядку, но ему было отведено свое место, чтобы завершить эту серию разговоров.

Он случился, когда Великая Мать и ее ученица временно сожительствоваляли в духовном мире, которого пациентка достигла после ее перехода бездны по канату. После этого, Великая Мать и ее ученица вместе бродили по высшему духовному царству. Там, величественная наставница привлекла внимание своей ученицы к любопытному звуку, который последняя никогда бы не заметила, не находясь она под обучением у Великой Матери. Последняя объяснила этот звук как повод дать прочувствовать пропорции своей ученице.

Тридцатый разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *Этот звук, который ты сейчас распознаешь благодаря тому, что живешь в данный момент в месте, которое называешь «мир-за-неврозом» - этот любопытный звук – дыхание. Ты слышишь дыхание жизни, дыхание Бога: вдох и выход, вдох и выдох; рождение и смерть, рождение и смерть...*

Один божественный вдох – это вся жизнь человеческого существа.

Эпилог от Барбары Ханны

Поздние разговоры с Великим Духом

После того, как Анна завершила свои разговоры с Великой Матерью, она посвятила себя на два или три года интерпретации рисунков, нарисованных ею за много лет до анализа с Тони Вульф. (Пять этих рисунков плюс еще несколько дополнительных, вместе с собственными интерпретациями Анны, включены в Часть II в напечатанном в частном порядке буклете, известном как «*Анна Марджула*»). Как упоминалось ранее, Юнг обычно выступал против интерпретаций активного воображения *во время*, когда оно происходит, чтобы избежать влияния на его развитие. Более того, Анна была совершенно не готова понять рисунки в то время. Также гораздо убедительнее было то, что их интерпретация пришла из ее бессознательного. Юнг говорил, что, хотя люди и заинтересованы в интерпретации своих аналитиков, им никогда не удастся встроить эти интерпретации в свои жизни, пока их собственное бессознательное не даст им *свою* версию. Для аналитика было бы бессмысленно об этом задумываться, однако, так как единственный важный в этом момент – чтобы анализант действительно бы сдвинулся с мертвой точки благодаря осмыслению.

В течение нескольких лет Анна завершала свой труд, она посвятила себя подготовке текста «*Анна Марджула*» для частной печати. Необходимо подчеркнуть, что она сама проделала большую часть работы, которая требовалась, ведь сами разговоры изначально длились слишком долго и тяжеловесно, чтобы их печатать целиком. Моя роль была в том, чтобы прочитывать ее рукопись время от времени, и вносить пару предложений.

В это время Анна чувствовала себя намного лучше, чем до разговоров с Великой Матерью; на самом деле, она уже чувствовала, что окончательно излечена, что и было для нее главной целью так долго. Она продолжила свой анализ, но уже не по нужде здоровья, не для того, чтобы излечить принижающий комплекс неполноценности, но только лишь для повышения собственной сознательности. Она была целиком и полностью убеждена, что сознательность – первая необходимость для

современного человека. Однако, ее печальный опыт из детства и юности с ее крайне бессознательным отцом нанесли ей гораздо более глубокие и тяжелые раны, чем ей казалось, и все еще оставалась область отношений с мужчинами, где Анимус мог снова начать оказывать свое разрушительное воздействие. В «*Анне Марджуле*» мы видим, что ее отец оставался невежественным, даже на своем смертном одре, в плане того, что он сделал и собирался сделать со своей несчастной дочерью.

Дочери таких отцов приравнивают сексуальность к инцесту, и поэтому мощное традиционное табу против инцеста будет работать каждый раз, когда будет затрагиваться так или иначе область их сексуальности. Поэтому, эта область будет противостоять всему и останется без изменений даже после такой тщательной трансформации, описанной в «*Анне Марджуле*».

В самом деле, на несколько лет этого хватило, чтобы Анна жила тихой и счастливой жизнью, чтобы она могла посвятить себя интерпретациям своих ранних рисунков в подготовке к «*Анне Марджуле*». Но когда работа оказалась завершена, зона табу вновь начала ее беспокоить, и она болезненно осознавала, что ей предстояла еще работа в активном воображении, прежде чем она могла бы полностью положиться на свою трансформацию, чтобы та освободила ее ради существования «заклинателя дождя», которое дает смысл даже в самом преклонном возрасте.

Она полностью осознавала это и мы уже обсуждали, с чего ей стоит начать, когда к ней пришел на помощь сон. Она рассказала следующее:

Я нахожусь в ресторане, где принято самообслуживание (или «Само»-обслуживание!). Дверь открывается, и входит Профессор Юнг. Он садится за мой столик и говорит со мной. Затем обстановка меняется: я сама сижу, но профессор стоит справа от меня, разговаривая с мужчиной. Мне не уследить за нитью разговора, ведь они говорят друг с другом как равные, их диалог превышает моего понимания. Но пока мы говорили, Юнг охранительно закрывал меня своей широкой спиной, и продолжал держать меня за руку. Через это прикосновение я почувствовала поток новой жизни, входящий в меня.

Этот странный человек – по всей видимости, один из образов Анимуса, которого она пока еще не встречала, и, в самом деле, ее работа с Анимусом в «*Анне Марджуге*» была сконцентрирована только лишь на его негативной стороне. Тот факт, что этот образ мог говорить с Доктором Юнгом на равных о вещах «превыше ее понимания», говорит нам о том, что он относится к положительному уровню ее Анимуса, который она все еще совершенно не осознавала. Мне казалось, поэтому, что этот образ был равным Великой Матери с мужской стороны, и, что, если бы он заговорил с ней, он бы увел ее настолько же далеко в Логос, насколько Великая Мать увела ее в Эрос. Перенос на Юнга, более того, всегда был перемешан тем, что ее отец сделал с ней, и всегда находился под властью отрицательного аспекта Анимуса. Этот образ из сна, поэтому казался также и возможностью сделать серьезный прогресс в этой области, надежда, которая постепенно оказалось полностью воплощена в жизнь.

Тем не менее, во сне было очевидно, что путешествие могло быть несколько опасным, иначе, зачем доктору Юнгу охранительно держать ее за руку весь сон? Но тот факт, что новая энергия полилась в нее через этот контакт, сделал это путешествие гораздо более осмысленным. Анна очень мудро поступила, сохранив контакт с Великой Матерью, и с самого начала она была уверена в ее одобрении этого путешествия. Великая Мать, в самом деле, не раз вмешивалась, когда дела складывались не самым удачным образом, спасая так ситуацию.

Эти разговоры с «Великим Духом», как Анна назвала его, были столь же длинны и тяжеловесны, как и ее изначальные разговоры с Великой Матерью, и, очевидно, нуждались в уплотнении, прежде чем их можно было включить в эту книгу. Она составила из них серию лекций, которые были продолжением «*Анны Марджуги*». Но к этому времени она уже приближалась к девяностолетнему возрасту, и, более того, Великий Дух вдохновлял ее писать стихотворения на ее собственном языке. Поэтому она попросила меня заняться сжатием ее текста и дала мне полную свободу действий при работе над текстом.

Первый цикл разговоров

Анне было очень сложно участвовать в этих разговорах, так как ее представление об Анимусе сходилось на ее личном отрицательном образе, которое у нее сформировалось после несчастного случая с отцом, который запечатлелся в ее памяти. Однако отец, будучи столь бессознательно слеп по отношению к собственным дочерям, при всем при этом был весьма интеллигентным и выдающимся человеком. Поэтому и у ее Анимуса также была положительная сторона, которую Анна никогда не видела, а позади находился архетипический образ Великого Духа. Но все эти ипостаси были безнадежно перепутаны между собой, когда она начала эти разговоры, поэтому первая часть касается целиком распутывания и удаления переноса Анны своего отрицательного Анимуса на другие ипостаси.

Анна пытается сразу заговорить с архетипическим образом, хотя и признает, что видит его очень смутно и что между ними стоит отрицательный Анимус. Великий Дух отвечает, что, так как этот образ намного меньше, чем он сам, это может быть так, только если Анна все еще стоит слишком близко к отрицательному образу, что тот может перекрыть превосходящую по размеру фигуру. Он также заявляет, что она слишком сильно боится меньшего образа при том, насколько смело она обращается к Великому Духу.

На следующий день она говорит ему, насколько этот разговор ей помог, и что часть ее страха превратилась в уважение к нему. Но Великий Дух говорит, что все должно быть иначе: она променяла свою агрессию к нему на более скромное поведение, таким образом, нейтрализуя часть своего страха «младшего брата», как он называет ее личного Анимуса.

Анна читала много книг Майстера Экхарта и была убеждена, что мы должны оставить свой путь во благо пути Бога, или, говоря на языке психологов, Это должно быть пожертвовано в пользу Самости. Поэтому она просит Великого Духа помочь ей исполнить волю Господа добровольно. Он отвечает, что «добровольно» зависит целиком от нее, но, в общем, он может дать ей знать, что Бог хочет от нее. Но, он добавляет, это как раз то, что она не хочет знать; скажем, так, она слишком боится того, что ее попросят поднять свой крест. Поэтому, она предпочитает оставаться во власти «младшего брата». Ей кажется это

безобидным по сравнению с тем, что может от нее хотеть Бог. Затем Анна говорит, что, хотя Великий Дух избавляет ее от страха перед «младшим братом», она боится его самого гораздо больше, чем когда-либо боялась отрицательного Анимуса!

В следующем разговоре она сама себя обвиняет в гордыне. Упоминание о кресте привело ее к отождествлению с Христом, и снова она показалась себе гораздо большей, чем была на самом деле. (Читатель вспомнит, как пылкое желание Анны стать «великой женщиной» было помехой во многих разговорах с Великой Матерью). Великий Дух напоминает ей о том, что именно она начала с того, что желает знать, что от нее хочет Бог.

Здесь нужно уточнить, что по причине смешения ее личного позитивного Анимуса и Великого Духа, она приписывает все ответы последнему. Этого самого по себе достаточно, чтобы вызвать инфляцию, и это показывает, почему в активном воображении столь важно различать и разделять индивидуальные и коллективные элементы. Так же как женщина, которая впервые видит отрицательного Анимуса, по ошибке принимает его за самого Сатану, так и с положительной стороны, она может принять свое личное бессознательное за Великого Духа собственной персоной.

В следующем разговоре Анна замечает, что почти все время говорит только она сама, что кажется ей глупым, учитывая, что она хочет узнавать все от него. В своем комментарии к случаю Гуго Сен-Викторского я говорила об ошибке, которую она вместе с подавляющим большинством случаев из средневековья совершает во время подобных разговоров: так называемый диалог на самом деле – монолог самого писателя. Но у Анны такое поведение менее оправдано, ведь техника разговоров гласит, что человеку нужно только начать разговор или задать вопрос, а затем очистить свой разум, чтобы была возможность услышать ответ. Как говорил Ба четыре тысячи лет назад: «Смотри же, хорошо, когда люди слушают» - совет, к которому так мало людей прислушиваются даже сегодня. Мир был бы совершенно иным, если бы больше людей, наконец, выучили этот урок.

Великий Дух, или, скорее, бессознательное Анны, творческий ум, говорит ей, что хотя он не возражает против ее вопросов о ее личной жизни, Анна должна понимать, что если она понадобится ему для творческих целей – стихи или музыка – он просто принудит ее подчиниться, как он делал в течение всей её жизни. Затем Анна говорит Духу, что он слишком велик, чтобы она «несла его на своих плечах», на что он призывает ей не говорить бессмыслицу! Она не может, и не несет его; она может только забеременеть его вдохновением, как, и предначертано женщине. Если он выбирает женщину, чтобы претворить свое вдохновение в жизнь, это не делает ее посредственным человеком! Ей нужно постараться опустошить себя, в особенности от идей младшего брата Анимуса. После этого он может творить ее руками. Именно этой техникой мы должны пользоваться, чтобы прислушиваться к бессознательному: опустошать себя и слушать.

Но Анна еще не готова слушать, и, как Уставший от Мира Человек, она начинает играть с идеей самоубийства. Она называет это исполнением своих амбиций в интересах самопожертвования. Она говорит: «в один момент, суицид облегчит мое бессознательное чувство вины (самонаказание) и удовлетворит мои амбиции и манию величия, особенно если самоубийство примет форму иступленного самопожертвования!»

Великий Дух, так же, как и Ба, сразу же восстает против этой мысли. Он говорит, что время, когда она могла последовать примеру сестры, давно прошло, ведь теперь в ее распоряжении находится «чуть больше осознания своей Тени... и, что гораздо важнее, чуть больше осознания Бога как живого существа».

Признавая, что она все еще путает желания Бога и мысли Анимуса, она также признает, что, так как она не безумна и ей доступен здравый смысл, она никогда не совершит самоубийство. Но она боится, что «религиозный экстаз» может выбить почву у нее из-под ног. Если только она могла бы променять это на библейский страх Бога... Великий Дух отвечает ей, что она должна сначала принять свои ограничения и признать, что она попросту *не является* великой женщиной.

Здесь мы видим почти то же самое, о чем говорит Юнг в конце главы «Жизнь после смерти» в книге «Воспоминания, сновидения, размышления». Он пишет:

«Для человека основной вопрос в том, имеет ли он отношение к бесконечности или нет? Это его главный критерий. Только когда мы осознаем, что существенно лишь то, что безгранично, и что оно, это безграничное, в свою очередь, существует, мы теряем интерес к ничтожным вещам. Если мы этого не знаем, мы требуем, чтобы те или иные наши качества, которые кажутся нам нашими достоинствами (например, "мой талант" или "моя красота"), весь мир признавал за таковые. Чем более человек настаивает на своих ложных достоинствах, тем менее он чувствует то, что существенно, тем менее он удовлетворен своей жизнью. Он считает, что его ограничивают, тогда как ограничены его собственные помыслы, - так возникают зависть и ревность. Когда же мы понимаем и чувствуем, что уже здесь, в этой жизни, присутствует бесконечность, желания и помыслы наши меняются. В итоге в расчет принимается лишь то, что существенно, что мы воплотили, а если этого нет, жизнь прошла впустую. И в наших отношениях с другими людьми важно то же самое: присутствует ли в них некая безграничность.

Но чувство безграничности может быть достигнуто лишь тогда, когда мы имеем границы вне себя. Наибольшим ограничением для человека становится его самость, проявляющаяся в ощущении: "Я есть то, а не это!" Только осознание самого себя, своих собственных границ, позволяет нам ощутить безграничность бессознательного. И тогда мы узнаем в себе одновременно и вечность, и предельность, и нечто единственное, присущее только нам, и нечто иное, присущее не нам, но другим. Зная себя как уникальное сочетание каких-то свойств, то есть осознавая, в конечном счете, свою ограниченность, мы обретаем способность осознать бесконечность. И только так!» (Перевод: В. Поликарпов, Мн.: ООО "Харвест", 2003)

Но Анна все еще не готова пожертвовать своей любимой целью – стать великой женщиной. Она говорит ему, что она видит своей

задачей принять «Великое Нет» от Господа: нет мужу, нет детям, нет любовникам, нет поэзии или композиторству. В этом ее сегодняшнее женское достоинство. Но Великий Дух – ее великий соблазнитель; поэтому она должна теперь его покинуть. Он дарил ей удовольствие время от времени, когда вдохновлял ее, и он все еще может продолжать это делать, если примет свою второстепенную роль в ее жизни, которая теперь целиком и полностью занята Великим Нет.

Он говорит, что понижение до роли «возможного украшения ее жизни» совершенно ему не подходит, но она едва слышит его. Она не видит ничего кроме ее Великого Нет. Господь соблазнил ее, и Великий Дух теперь гораздо ниже. Она даже заявляет, что ее «Великое Нет» - что-то сродни объединению противоположностей, пережитому Лютером.

Лютер, монах, в юности был очень невротичен; возможно, даже безумен. Он делал все, что мог, чтобы перерасти свою болезнь. Он исповедовался по пять раз на дню, занимался самобичеванием, постился. Ничего не помогало. В крайней степени отчаяния, он сказал себе: «Хорошо, Бог проклял меня, мне место в аду. Теперь я согласен сдать себя воле Господней, согласен принять свое проклятие, отделиться от Бога». (Обычно мужчины сражаются со своей судьбой, тогда как женщины переживают ее. Но в полном отчаянии Лютер выбрал женский путь, и эта установка принесла ему излечение).

Таким образом, он стал велик, и она тоже ожидает своего величия, хотя и признает, что ее величие будет менее видимо, потому что она женщина. Если бы только Великий Дух осознал свою второстепенную роль и просто украсил ее жизнь, тогда он может даже доставить удовольствие самому Богу!

Теперь, хотя она уже готовилась хвастаться об этом вечно, ее призвал к порядку сон. А приснилось ей вот что:

Я в неизвестном городе. Я иду по улице под гору. Наверху большое здание (ассоциация: брюссельский Дворец Правосудия). К нему ведут четыре дороги. Я забираюсь на холм и смотрю на крутой подъем вниз. Вид захватывающий, меня наполняет

восторг. Затем я нахожусь снова в нижней части города в очень грязной кухне (кухня Тени? Кухня ведьмы?).

Хотя, как правило, лучше не вмешиваться в активное воображение, конечно, человеку следует указать на это в том, случае, если оно используется неверно, и мне стало очевидно, что Анна снова пала жертвой своего отрицательного Анимуса. Но она была настолько поглощена своей идеей Великого Нет, что уже была неспособна слушать ни меня, ни Великого Духа. Однако этот сон дал мне шанс, и я попросила ее, «справедливости ради», перечитать последний разговор и подумать, была ли она справедлива с Великим Духом, а также спросить себя, что она делала на кухне ведьмы.

Конечно, ей это не понравилось, но «справедливости ради» она согласилась. К следующему разу Анна уже целиком избавилась от мысли Анимуса о Великом Нет и увидела, когда именно эта мысль охватила ее. Но все равно потребовалось убедить ее возобновить разговоры, ведь она очень боялась предстать перед ним после своей дерзкой выходки.

Несмотря на это, Анна предстает перед Великим Духом и спрашивает, возможно ли ей все еще говорить с ним после ее ужасной ошибки заражения его отрицательным Анимусом. Она уже забыла о своем сне, в котором Великий Дух говорил с Юнгом на равных, и признает, что, скорее всего он вообще ее не соблазнял.

Великий Дух отвечает, что самое главное для нее – узнать личность соблазнителя. Он подозревает, что амбиции соблазнили ее. Это даже не амбиции, а мания величия, что гораздо хуже, так как эти амбиции кажутся уже исполненными. Когда он сказал ей смириться с тем, что она не великая женщина, он надавил на ее манию величия. Моментально она резко возразила, что она была великой, так как приняла Великое Нет от Бога и даже заявляла, что это подобно Лютеранскому единству противоположностей. После этого «справедливости ради» он согласился, что она приняла свое предназначение, но сделала этот скромный жест бессмысленным, возгордившись им. Таким образом, она сдалась мании величия и снова почувствовала себя великой женщиной. Это она должна осознать.

Более того, Великий Дух советует ей лучше осознать своего отрицательного Анимуса. Она совершает ошибку, думая, что, осознав лучше положительного Анимуса, она автоматически сдержит отрицательного, говорит он. Только осознав лучше отрицательного Анимуса, она сможет приблизиться к Великому Духу. Только с помощью тяжелой работы над нижними областями она сможет понять духовные беседы, которые он вел с Юнгом в ее сне.

В следующем разговоре Анна говорит о своем сексуальном табу, которое, как она считает, не позволяет ей заводить отношений с мужчинами и Великим Духом. Он указывает, что это все из-за ее властного Анимуса и ее личного стремления к силе. Он говорит:

Во время полового акта женщина должна оставить свою силу и позволить мужчине взять верх. Глубоко внутри, ей хочется именно этого. Она хочет быть пересиленной мужским. Момент, когда ей приходится сдаться – это момент удовлетворения. Такова природа.

Она спрашивает, в чем ее ошибка. Он отвечает, что она судит мужчин по своему отрицательному Анимусу, который только лишь пересиливает ее для того, чтобы заполучить власть над ней, и поэтому у нее нет веры в мужчин, в их нежность или любовь. Она переносит своего собственного отрицательного Анимуса на мужчин и таким образом уничтожает любой шанс того, что ее полюбит мужчина.

Анне уже было далеко за 70, когда произошел этот разговор, и она сказала: «Я стараюсь осознать, что время для сексуальности давно прошло». Великий Дух отвечает, что время для буквальной сексуальности действительно прошло, но не для его символического осознания. Имея сексуальность в качестве основы, она должна научиться смотреть духовности в лицо. Анна после осознала, что именно ее страсть к власти, к тому, чтобы стать великой женщиной, испортила ее женскую сексуальность.

Великий Дух объясняет, что хотя она иногда и осознавала, что была одержима отрицательным Анимусом, которого она всегда считала кем-то извне, теперь же она должна осознать, что он –

часть ее. Именно ее стремление к власти удерживало ее от нормального женского желания быть пересиленной. Она блокировала путь к своей женской природе своим стремлением к силе. Не дьявол извне сделал это с ней, а она сама.

В следующем разговоре она говорит ему, насколько все то, что он ей сказал, помогло ей. Но теперь ее беспокоит кое-что еще. Женщина в отеле, которую она называет миссис С., действует ей на нервы. Она собиралась больше не контактировать с ней, но теперь она осознала, что была «жесточкой и эгоистичной» по отношению к ней, и думает о том, как сильно она ее обидела. Она также признает, что была нечестна, когда взяла слишком много сдачи на почте утром. Что он думает о ее поведении?

Он отвечает, что невозможно принять отрицательные теневые части без последствий. По крайней мере, она знает, что она не более честна, чем все остальные люди. Но он не собирается говорить ей, что она сделала с миссис С., так как она это сделала не ради другой женщины, но исключительно ради себя. Она рада своей свободе, но радость смешана с тревогой о том, что теперь ее могут увидеть как «суровую, жесточкую и безжалостную».

Анна спрашивает его, в какой момент вступает отрицательный Анимус, но Великий Дух отвечает, что эти проступки были совершены ее Тенью и к Анимусу никакого отношения не имеют. Она должна научиться различать их: Анимус – это тот, кто предлагает неоспоримые мысли по поводу того, что ей стоит и что не стоит делать, тогда, как Тень совершает конкретные дурные поступки.

Великий Дух привлекает внимание Анны к важному моменту: нет смысла винить Анимуса за то, к чему он не имел отношения. Я узнала это на личном суровом опыте, когда как-то раз во время моего анализа, Юнг уехал на время рождественских праздников. Я жутко вышла из себя и винила за это Анимуса, что только ухудшало ситуацию. В первый час анализа я сказала, что во время праздников находилась под сильным влиянием Анимуса. Юнг посмотрел внимательно на меня и сказал: «Я не думаю, что проблема в этом. Что же на самом деле произошло с тобой в начале праздников?» Я вспомнила, как меня сильно обидели, но я была понимающей и «разумной» по отношению к этому, несмотря

на то, как много это на самом деле для меня значило. Именно неосознанные эмоции вывели меня из себя, и, вина Анимуса тогда, когда тот был совершенно невиновен, я, само собой, вывела и его из себя, тем самым создав дополнительную, пусть и второстепенную, сложность.

Как это часто происходит в активном воображении, ужасная ошибка Анны оказалась скрытой удачей. Она дала Великому Духу возможность научить Анну разнице между ним самим и отрицательным Анимусом, и различать его с Тенью. Первая часть ее разговора заканчивается развитием способности разделять эти три образа, и она уже не совершает таких ошибок в последующих разговорах, или, по крайней мере, сразу замечает, что совершила их. Но она все еще не различает своего собственного положительного Анимуса, или бессознательный разум, и архетипического образа Великого Духа. Она должна научиться разделению их тяжелым трудом во время следующих разговоров.

Предположительно, вдохновение, которое приходило к ней, происходило от ее личного положительного Анимуса, хотя эти вдохновения также казались местами архетипическими. Это говорит о том, что Дух временами выражает себя через картины, стихотворения или музыку индивидуального творца. Это хорошо видно по картинам таких художников, как, например, Питер Биркхойзер.

Второй цикл разговоров

Во втором цикле Анна хотела, чтобы Великий Дух просветил ее, как ей добраться до темной стороны Бога и можно ли нас призвать к злу *осознанно*. Нужно указать сразу, что сознательно вершить зло – совершенно другое, не то, что быть одержимым им бессознательно, что, кажется, и происходит повсеместно в наши дни, и это *очень* сильно отличается от того, чтобы относиться хорошо к злу. В первом случае, мы берем ответственность за зло, которое вершим, и серьезно страдаем от этого, то есть, страдаем в том случае, если нас воспитали в рамках христианской морали, гласящей, что все зло от дьявола, и его следует осторожно избегать, что Анна и делала. Это подходило нуждам человека 2000 лет назад, когда Христос проповедовал это, но сегодня оно

стало слишком односторонним, когда стало ясно, что наша задача – принять обе противоположности и жить как можно лучше с ними обоими.

Анна осознала это и была в ужасе от того, как мы можем относиться к злу. Юнг написал главу «Воспоминаний, Сновидений, Размышлений» под названием «Поздние мысли», когда ему уже было за 80. Он пишет:

*За светом следует тень, другая сторона Творца. Пик этой тенденции приходится на XX век. Ныне христианский мир воистину столкнулся со злом, с откровенной несправедливостью, тиранией, ложью, рабством и принуждением. В неприкрытой форме мы видим это в России, хотя родиной первого губительного пожара стала Германия, и это со всей неопровержимостью доказывает, свидетельствует о слабости позиций христианства в XX веке. Оказавшись лицом к лицу с этим злом, уже не спрячешься за эвфемизмом вроде *privatio boni* (первичность добра. - лат.). Зло стало определяющим в этом мире, от него уже невозможно отделаться иносказаниями. Наша задача - научиться избегать его, поскольку оно уже здесь, рядом с нами; а возможно ли это, удастся ли нам избежать еще большего зла, сказать пока трудно.*

Анна занималась этой частью активного воображения уже после смерти Юнга. Чуть позже после того, как были опубликованы «Воспоминания», и, вспомнив, что образ Великого Духа говорил с Юнгом в ее сне на равных, она надеялась, что Великий Дух сможет научить ее «жить со злом», если это возможно, без «жутких последствий». Как и все мы, она осознала, что ужасные последствия могут захватить всех нас в ужасной апокалиптической манере в любой момент, но мы все еще молимся вместе с Христом: «Если возможно, да минует Меня чаша сия», что вполне обоснованно, если мы можем искренне добавить: «впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Матф. 26:39).

Анна начинает с того, что спрашивает Великого Духа, как она может обратиться к темной стороне Бога. Он спрашивает, действительно ли ей этого хочется. Она признает, что нет, но она уверена, что *должна*. Он принимает этот ответ, но советует

сначала обратиться к своей темной стороне и добавляет: «Возможно, ты думаешь, что уже делала это раньше, но на самом деле это не так». Она спрашивает, имеет ли он в виду, что она должна изменить взгляд на вещи в том смысле, что она иногда вершит зло сознательно. Он отвечает «Это как раз то, что я имею в виду», что заставляет ее обратиться к своей христианской установке и спросить, не Сатана ли он собственной персоной! Он отвечает: «Нет, я не первоисточник зла, но так как принцип противоположностей должен быть исполнен, таков закон жизни, я знаю, что те, кто совершают дурные действия (*сознательно*), служат воле Господней». Анна спрашивает, не могут ли люди оставить это Богу. Великий Дух отвечает: «Если оставить это Богу, то Он будет делать это через тебя, но ты поворачиваешься к нему спиной. Это причина, почему у тебя спина так устала, и твоя шея болит так сильно. Ты можешь посмотреть в облака, но твои глаза также утомлены, так как света слишком много. Более того, вся христианская установка – ложь».

Он продолжает, объясняя, что мы в любом случае вершим зло, так как мы «полухорошие, полуплохие» по природе, но в «сознательных руках зло принимает другой окрас. Именно это ты можешь сделать для других людей: ты можешь освободить их от части их зла, материализуя свое зло в *сознательные* действия».

Я пыталась показать, как это работает на практическом уровне, когда я описывала установку Шарлотты и Анны Бронте по отношению к их брату Брамвеллу, и как Пру Сарн (в «Драгоценном Бейне» Мэри Уэбб) позволяет своему брату Гидеону творить зло у себя за спиной. Но Великий Дух заходит еще дальше, и объясняет, откуда у человека могут взяться физические симптомы, как результат избегания равенства противоположностей. Согласно пророку Исае, Сам Господь говорит нам: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Исаия, 45:7). Из этого следует, что Господь ждет, чтобы мы приняли обе противоположности, созданные Им.

К сожалению, или к счастью, перед теми из нас, кто все еще жив, после двух мировых войны, показавших нам, что христианская установка подавления зла больше не работает, стоит задача каким-то образом наладить контакт с *обеими* сторонами, задача,

которая еще никогда не ставилась ни перед одним человеком. Это, видимо, означает перемену эпох: мы больше не можем плавать в бессознательном с Рыбами; вместо этого, нам нужно переносить часть бессознательного вместе с Водолеем. Я напомню читателю, что Юнг думал, что будущее всего мира зависит от того, сколько людей смогут взять на себя эту задачу.

Анна спрашивает, не было ли поведение по отношению к миссис С. началом на пути в этом направлении, с чем Великий Дух согласился. Но затем она спрашивает его, мудро ли так поступать. Он отвечает, что она также может продолжать нести часть зла на своей болезненной спине, если она это предпочитает, но тогда он покинет ее и оставит своему младшему брату, ведь ей легче возложить часть зла на Господа, чем *исполнять* свою роль и таким образом разделять с ним страдание. Он предлагает ей не вплетать в это манию величия – делать это ради Бога (Самости) и не для того, чтобы в итоге быть великой, ведь тогда она действительно будет потеряна.

Анна размышляет об этом разговоре какое-то время, и думает, что она все еще видит шанс быть великой. Она говорит ему, что, так как погружение в манию величия, несомненно «плохая тенденция», и она, должно быть, злая в любом случае, она может привнести эту злую тенденцию в сознательную жизнь. Она не соглашается, что если она так сделает, она будет потеряна.

Он повторяет ей, что в этом случае она *будет* потеряна, но на этот раз добавляет, что в таких глубоких областях души, человеку иногда необходимо потеряться. Она спрашивает, будет ли он поддерживать ее и вести по этим местам. Он отвечает, что он будет вести ее, но она должна взять ответственность на себя. «Величие начинается с ответственности», говорит он. Потом она говорит о том, как ее застенчивость сдерживает ее, и что она думает, что была бы излечена, если бы перестала сражаться с манией величия. Он говорит, что теперь она находится с ней лицом к лицу, чтобы избавиться от застенчивости, но не ради себя! Она спрашивает, являются ли мания величия и застенчивость двумя проявлениями одного комплекса, с чем он соглашается.

Анна спрашивает, можно ли ей начать с «умасливания мании величия понемногу», и Великий Дух отвечает: «Попробуй». Она спрашивает, вызывает ли она у него отвращение; он отвечает: «Нет, я удивлен». Анна говорит, что чувствует волну либидо, захватывающую ее. Великий Дух говорит да, она посмела высказаться перед ним, но теперь ей придется иметь дело с младшим братом. Анна принимает это, говоря, что осмелилась на это, потому что Великий Дух пообещал ей вести ее, на что он отвечает, что выглядит так, как будто она считала, что сама ведет его! Она понимает, о чем он говорит и принимает младшего брата очень снисходительно.

Позднее Анна очень внимательно обдумала этот разговор. Она начала понимать, что снова повела себя слишком дерзко с Великим Духом вероятно потому, что была одержима младшим братом. Великий Дух говорит ей различать их еще более внимательно, ведь тогда будет возможно примириться с ними. Она отвечает, что действительно понимала, что погружение в манию величия было бы служением Эго, а не Самости, как было в ее сне. И это было бы неправильно, и теперь она осознает, что только Самость может быть великой в ней. Она не должна отождествлять себя с ней; скорее, она должна приносить ей жертвы, чтобы она исполнила свое предназначение в ней.

Мы видим, как мудро Великий Дух ведет эти беседы. Он говорит ей «попробовать», то есть, погрузиться в манию величия, чтобы она могла узнать опасность этого на своем опыте, единственном способе чему-либо научиться. Он завершает разговор словами: «Снизь манию величия до неисполненного состояния – а именно, до своего стремления к величию, а затем раствори свое стремление в стремлении Самости в тебе. Следуй этому. Служи Самости. Не пытайся стать великой. Пытайся стать такой скромной, что Самость может быть великой в тебе, и сможет проживать свое величие через тебя».

Здесь Анна узнает истину, которую подтвердил Юнг в двух снах, которые он записал в конце главы «Жизнь после смерти» в «Воспоминаниях, Сновидениях, Размышлениях»; они об НЛО (неопознанные летающие объекты) в октябре 1958, и ранний сон о йоге, который я уже упоминала. В этих разговорах, и в дальнейших размышлениях о них Анна смутно осознает, что Самости, чтобы

воплотить себя, приходится носить человеческую форму, переживая земные события. Она решила сделать все, что может для того, чтобы воплотить Самость в себе.

В следующих разговорах, Анна говорит Великому Духу о том, как она желала величия даже в детстве, ведь ей хотелось быть вундеркиндом. Он признает, что она была одаренным ребенком, и так как он не знал, что с этим делать, талант начал становиться «искривленным» даже в раннем возрасте. Но теперь она достаточно взрослая, чтобы понимать, что все величие принадлежит Самости и что он, как часть Самости, есть ее одаренность.

Это удивляет Анну, и она предполагает, что раз Дух разделил с ней ее жизнь, она должна быть замужем за ним, с чем он соглашается! Мы видим, как опасно не различать личные и коллективные стороны Самости. Она действительно была замужем за своим собственным творческим духом, как и должны быть все творческие женщины, но видеть себя невестой архетипического образа естественно привело к инфляции и большим трудностям в последующих разговорах.

В том, чтобы видеть в себе невесту, было одно большое преимущество: это научило ее думать о себе как о женщине. До этого, когда творческий дух захватывал ее вдохновением, она превращала себя в неполноценного человека, о чем предупреждал ее Великий Дух. Но теперь ей теперь понятно, что она, как и все истинно женственные женщины, желает быть пересиленной мужским. С ее страстью быть великой самой по себе, сомнительно, что она приняла бы это из рук ее личного творческого духа. Однако в то, чтобы быть невестой Великого Духа, она была вполне готова поверить, и позволяла ему пересиливать ее так, как ему хочется. Но это привело к большему сексуальному возбуждению, чем ее постаревшее тело могло выдержать. И оба его предупреждения: что человек не сможет носить Великого Духа и только богиня может стать Шакти для Шивы, были пропущены мимо ушей.

Анна делает ту же ошибку, которую совершил Фауст, когда тот сделал себя женихом Елены Троянской вместо того, чтобы оставить ее Парису, которому она на самом деле принадлежала.

Юнг не раз говорил об этом, и приписывал раннюю трагическую смерть Эвфориона, сына Фауста и Елены, этой ошибке (Фауст, часть 2, Гете). Но Анна была целиком и полностью захвачена мыслью о том, что она – невеста Великого Духа. Она начала думать о том, чтобы оставить эту мысль не только когда пострадало ее здоровье, но и когда у нее начались глубокие депрессии, чувствуя, что она потеряла все то, что получила путем тяжелого труда в активном воображении. Весь ее внутренний мир и покой пропал бесследно.

В этой дилемме ей помог сон: она идет по крутому спуску в лесу. На краю леса она подходит к ферме, хотя дорога продолжает идти вниз к озеру с банной хижинкой. Она получает ключ от жены фермера и спускается, чтобы поплавать в озере, но решает, что слишком устала и вместо этого пойдет домой. Она возвращается на ферму и обнаруживает, что оставила кошелек со всеми деньгами и одеждой в хижинке. Несмотря на усталость, она решает, что должна вернуться за ними. Мимо проезжает почтовый микроавтобус и она видит, что на месте бани стоит почта. Она обращается к мужчинам, чтобы те ее подобрали, но они говорят, что дальше машина не поедет – дорога слишком узкая. Машина встала посреди дороги, перекрыв ее так, что Анна не может пройти. Она в расстройстве просыпается.

Анна понимала сама, что начало сна было вполне позитивным и что плавание в озере означало погружение в бессознательное, которое Великий Дух помогал ей совершить. Она также осознала, что все пошло наперекосяк, когда она отказалась от погружения, что бы означало, что она отказывается вверять себя Великому Духу.

Ассоциации к этому сну приносят озарение, в особенности ключ, который ассоциируется с ключом Синяей Бороды, который дал его своей юной жене от запретной комнаты, где она нашла скелеты всех своих предшественниц. Анна также поняла, что Синяя Борода олицетворял темную, злую сторону Великого Духа, и что у нее возникают те же трудности в построении контакта с его темной стороной, как и в случае со своей темной стороной или Бога. Однако явно именно его темная сторона обладала ключом, поэтому не поверить ему (не осмелиться плавать в озере) означало пойти по неверному пути. Она обвиняет его и говорит,

что бессознательное всегда ведет себя как Синяя Борода: дает нам ключ, который спокойно мог бы оставить при себе, а затем наказывает нас за то, что мы им воспользовались. Пример, который демонстрирует это в особенности хорошо, можно найти в «Химической Свадьбе» Христиана Розенкрейца. Именно сам Купидон привел Розенкрейца в комнату Венеры и позволил ему наблюдать спящую богиню, и сам же Купидон наказал Розенкрейца за вторжение, подстрелив его своей стрелой.

В конце интерпретации Анна упоминает двух братьев, которые спасли свою сестру в истории Синей Бороды и предполагает, что про них нельзя забывать в интерпретации. Она неохотно связывает их с двумя почтальонами: «несмотря на то, что почтальоны должны были помочь спящей». Она размыто предполагает, что они должны представлять собой Великого Духа и его младшего брата! При этом Анна совершенно не задумывается о том, что два брата, будучи ближайшими родственниками девушки, совершенно точно представляют собой двух *личных* Анимусов, что и подтверждается во сне тем, что почтальоны принадлежат к внешней жизни, тогда как она сама только что уподобила погружение в озеро наличию веры в Великого Духа. Поэтому, образ, пришедший как разрешение сновидения – явное различие между личным и архетипическим. Я не помню, осознавала ли я это так же ясно тогда, как сейчас, но и эта интерпретация была бы так же пропущена мимо ушей, подобно тем предупреждениям Великого Духа.

В течение следующих нескольких недель последовал период, который Анна сама охарактеризовала как довольно бессмысленные разговоры с Великим Духом. Я помню, что согласилась с ней в этом, и они не повторялись в записях, которые она мне дала. Анна была в сильном расстройстве в то время. К счастью, я вспомнила, как Эмма Юнг ранее справлялась с похожей ситуацией, когда она посоветовала Анне поговорить с женским образом, которую та позже назвала Великой Матерью. Поэтому, я посоветовала ей приостановить разговоры с Великим Духом и предложила обсудить ситуацию с Великой Матерью. Анне очень понравилась эта идея, и она приняла мое предложение моментально.

К моему облегчению, Великая Мать порекомендовала ей ослабить отношения с Великим Духом, в частности отказаться от атак сексуального возбуждения, которые были слишком телесными для ее возраста. Великая Мать заметила, что Великий Дух много сделал для нее: она реабилитировала свою женственность. Это должно было произойти, когда той было около двадцати и именно это «Великое Видение» пыталось сделать, но, к сожалению, оно было принято неверно. Анна должна помнить, говорит Великая Мать, что с тех пор прошло около пятидесяти пяти лет, но ее женственность развилась лишь до уровня юной девушки двадцати лет. Так как это совершенно не подходит ее возрасту, она должна осознать, что она просто не молодая невеста сама по себе, но что *архетип* невесты, наконец, пробудился в ней. Сам архетип царских кровей, она – принцесса. Анна должна осознать эту принцессу в себе. Архетип – юная невеста, переживает те чувства, которые когда-то Эго Анны отобрал у нее. Она должна найти способ наладить контакт с этим архетипом.

Анна спрашивает, как ей это сделать. Великая Мать отвечает, что она должна понять, что она – мать или бабушка юной невесты. Анна должна рассказать ей о годах, которые она, видимо, упустила. Юная принцесса может помочь ей восполнить эти годы, заполнив пробелы и исправив ошибки, так как Анна подавляла ее до такой степени, что совершенно не осознавала ее. Она должна постараться понять ее материнской любовью, научить ее принимать свои чувства и ощущения, также как и контролировать их «через осознание своего царского происхождения». Анна тоже принадлежит к «царской семье одаренных женщин»; поэтому ее пылкой женственной дочери не позволено нарушать каждое «неудобное правило».

До этого момента Анна была очень сурова с этой внутренней царской дочерью и подавляла ее. Однако теперь Анна поняла ее архетипическое происхождение и должна восстановить ее на своем месте. Великий Дух пробудил в Анне поистине женскую реакцию на свою мужественность, но для нее это означало рождение, то есть, осознание, своей царской дочери. Но так как она подавляла ее в ранние годы, сама девушка теперь хочет устроить переворот против Анны; ей этого нельзя позволить. У Анны есть ее возраст в качестве естественной защиты и противовеса неумённой страсти девушки. «Назови ее Иреной, что

означает мир», заявляет Великая Мать. «Заклучи с ней мир; живи с ней в мире, даря ей удовольствие в том, чтобы позволять знакомить тебя с женскими переживаниями, которые принадлежат ей по праву рождения. Не забывай, что она – архетип. Таким образом, она еще может принести тебе мир».

Анна спрашивает, можно ли ей задать последний вопрос: нужно ли ей продолжать свои отношения с Великим Духом? Ей сказали представить ему свою дочь. За этим последовал моментальный протест: «Но разве она пойдет за него?» Великая Мать отвечает, что так и будет, и Анна будет матерью невесты. Она с негодованием спрашивает, неужели ей только и остается смиренно смотреть на их счастье, тогда как сама она его лишена. Великая Мать отвечает:

Ты сейчас подходящего возраста для такой установки. Принеси свою жертву как наказание за свои ошибки юности, ошибки подавления маленькой невесты внутри себя, архетипической принцессы. Сегодня в тебе и за пределами тебя Мужской Дух и Женская любовь сочтутся браком (Иерогамия, «священный брак»). Твоя роль – личное отречение. Ты можешь удовлетворительно принять участие в их союзе, но это возможно, только если ты согласна просто быть частью этого переживания. Подготовься к их свадьбе.

Анна находит себя в той же позиции, что и Розенкрейц в «Химической свадьбе». Он хотел бы жениться на Венере, на этой обнаженной красавице, которую показал ему Купидон, пока та спала, но он должен был быть согласен даже на меньшее, чем Анна; он был обычным гостем на *Иерогамии* – священном браке.

В течение одного разговора Великая Мать привела Анну, пусть и против воли, к осознанию великой разницы между миром людей и архетипов. Великий Дух тщетно пытался сделать то же самое, и мои попытки в этом направлении лишь вредили. Снова я осознала то, насколько гораздо более убедительно свое собственное бессознательное анализанта, и насколько сильно превосходит бессознательное знанием и мудростью сознание. Бессознательное, тем не менее, снова подтвердило то, что Великая Мать сказала двумя фрагментами сна. Анна пишет:

Я иду вместе со своей принцессой Ирен и другой дамой, которая, кажется, является коронованной принцессой, пишущей мои «Дополнения к очерку Анны Марджулы».

И:

Я на поезде, который только что остановился на конечной остановке. Там никого нет, но он заполнен багажом, принадлежавшим моему отцу. Носильщика нигде нет. Мне приходится нести все отцовские коробки самой. Хотя я знаю, что мне это не под силу, я все равно предпринимаю попытку.

Через этот сон, Анна, наконец, осознала, чему Великая Мать ее учила: ее архетипической дочери, Ирен, предназначено судьбой выйти за Великого Духа в истинной *Иерогамии*. Она принимает это разрешение ее сексуальной проблемы длинной в жизнь. Она действительно согрешила против принцессы Ирен, подавляя ее, но если бы она отождествляла себя с ее ранней жизнью и жила ею слишком свободна, она бы подавила коронованную принцессу, одаренную женщину в себе. Ей было не избежать греха, и, тем не менее, долг по любому греху должен быть оплачен.

Во втором сне коробки могут означать огромные амбиции отца по отношению к одаренной дочери. В этом случае, сон предполагает, что, так как она осознала архетипическое происхождение (или вдохновение) женщины, которая пишет Анну Марджулу в ней, и которая приняла архетипическую юную невесту Великого Духа, Ирен, она сама сможет донести свою одаренность до дома. В любом случае, коробки кажутся легче в конце этих двух снов.

Когда Анна перестала отождествлять себя с архетипической невестой Великого Духа, конечно, была опасность энантиодромии – того, что Анна себя обесценит. Сон встречает эту опасность с гениальностью, свойственной бессознательному. Он принимает предположение Великой Матери, что Анна сама принадлежит к королевской семье одаренных женщин, представляя ее даже как коронованную принцессу. В то время Анна все свои творческие силы вкладывала в эпилог к *«Анне Марджуле»*, в эти разговоры с Великим Духом, так что явно имелась в виду творческая женщина в ней. Хотя она продолжала эти старания полностью анонимно – мне пришлось пообещать ей никогда не раскрывать ее настоящего

имени даже после смерти – успех «*Анны Марджулы*», и то, что великое множество людей нашли в нем помощь своим стараниям в активном воображении, было большим удовлетворением для Анны. После этих снов, она была без сомнений согласна позволить архетипической принцессе Ирен выйти замуж за Великого Духа, и больше не пыталась внести свое Эго в *Иерогамию* в роли невесты.

В следующем разговоре она говорит Великой Матери, что чувствует чудесную внутреннюю гармонию с тех пор, как произошел их последний разговор про *Иерогамию*. Перечитав его, она чувствует, что вобрала в себя все советы, которые дала Великая Мать. Но ее все еще не покидает проблема того, как ей себя вести с Великим Духом. Она чувствует, что еще не закончила свои дела с ним, но все же колеблется начать разговор с ним снова, боясь потерять тот внутренний мир и спокойствие, которые ей так ценны.

Великая Мать сказала, что пока она остается в Цюрихе и сохраняет контакт со своим аналитиком, опасность не так велика, как ей кажется. Ее предыдущие разговоры с Великим Духом действительно вызвали серьезные трудности, но они также помогли ей совершить «заметный внутренний рост». Она советует Анне не тратить время и обещает присматривать за ней. (Анна никогда не говорила с внутренними образами, когда была одна в своей родной стране, хотя каким-то образом сохраняла контакт с ними настолько, чтобы удержать мир внутри себя). Разговор заканчивается искренней благодарностью Анны Великой Матери за все то, что та для нее сделала.

Вскоре после этого она решается на еще один разговор с Великим Духом, объясняя ему, как она боится с ним говорить. Он отвечает, важно то, хочет ли она с ним говорить. Она говорит, что сильно хочет с ним поговорить и надеется, что ее дочь, Ирен, может стать между ними мостом.

Он поправляет ее выражение «моя дочь» на «*наша* дочь». Поначалу, она очень удивлена, но потом понимает, что именно с помощью Великого Духа она породила Ирен; то есть, осознала ее. Но она испытала отвращение от того, что в таком случае *Иерогамия* была отцовско-дочерним инцестом. Он объясняет ей,

что у *Иерогамии* всегда есть инцестуозный подтекст: боги и архетипы не связаны людскими законами.

Это очень хорошо понималось в Египте, когда Фараон (будучи представителем бога) был обязан жениться на своей сестре. Анна понимает это и больше это не критикует. Великий Дух отвечает ей, аплодируя ее решению, говоря о том, что эта *Иерогамия*, в особенности ее в ней роль, возымело также и личные последствия для Анны. Она освободила ее от инцестуозных желаний и воспоминаний о них, которые полуосознанно не давали ей покоя. Эти останки были целиком поглощены миром *Иерогамии*. Даже если она этого не осознавала, это в любом случае было так. Поэтому она могла искренне уверить Великую Мать, что она чувствовала себя превосходно и навеки уравновешенно. Ирен также жила в гармонии, наконец, освободившись от своего заключения, чтобы, наконец, исполнить свое предназначение и пережить *Иерогамию* с Великим Духом. Он просит Анну не недооценивать великое событие, которое произошло в ней, и осознать, что Самость позволила ей достичь своей подходящей роли в ней, полное значение которой она со временем осознает.

Эта речь Великого Духа завершает вторую, самую важную часть эпилога Анны к «*Анне Марджале*». Важной кульминацией, которая подарила Анне необыкновенную внутреннюю гармонию в ее преклонном возрасте, была *Иерогамия*, произошедшая в ее душе, объединение противоположностей в ней, и то, что она «выполнила в ней свою роль». Ей удалось, наконец, различить Эго, саму себя как человека и архетипические образы, а также пожертвовать своей гордыней отождествления себя с кем-либо из них. Это редкое достижение удалось ей благодаря тому, что она посветила всю свою творческую сторону продолжительной и тяжелой работе в активном воображении.

Союз положительного и отрицательного Анимусов

Кульминация этих разговоров была достигнута, когда Анне удалось достичь своей роли в *Иерогамии*, которая происходила в ее душе. Еще две части записей, которые она дала мне, были весьма важны в утверждении ее гармонии, но представлять их здесь детально ни к чему и означало бы спад напряжения.

Третья часть состояла из разговоров с Великим Духом и затрагивала союз с отрицательным Анимусом, младшим братом. Но это на самом деле был не Великий Дух; она сама говорит, что это был скорее его образ в ее душе; иными словами, это был союз между личными положительным и отрицательным Анимусами. Он был полностью успешен, и по крайней мере, в области бессознательного, о чем нам говорит сон, который она увидела в конце третьей части разговоров.

Ей приснилось, что она пришла на гонки вместе с каким-то исключительным человеком. Для них были выстроенные отдельные, особенные места. Человек стоял справа от нее, тогда как гоночные машины приближались слева. Одна машина настолько опережала остальные, что водитель мог позволить себе ехать медленно. Человек поднял руку и остановил водителя, который уже выиграл первый круг и поэтому уже участвовал в соревновании за главный приз дня. Итак, он моментально остановился, прямо перед ними. Затем сновидица увидела, почему его остановили. Два куска дерева торчали спереди машины, как два гигантских отростка какого-то насекомого. Для машин из ее сна это было нормально. Но в случае этой машины, один из этих кусков был сломан, и, если бы машина продолжала движение, это бы неизбежно привело к несчастному случаю. Анна особенно удивилась тому, насколько спокоен был водитель, приняв потерю главного приза и тем, что он даже не показал удовлетворения, что его жизнь в безопасности.

На следующее утро Анна шла по лесу рядом с отелем, когда она увидела две доски, прибитых к дереву. Одна была сломана и висела прямо так, как во сне. Этот элемент синхронистичности вдохновил ее, особенно когда она вспомнила о том, как Юнг говорил ей о важности снов, которые таким образом отражаются во внешних событиях.

Человек, который привел ее на гонки – это явная персонификация Великого Духа, созданная для того, чтобы она могла разглядеть происшествия во сне с более высокой точки. В комментарии к «*Тайне Золотого Цветка*» Юнг пишет, что такая точка развивается у некоторых пациентов, что позволяет им взглянуть на свои прошлые проблемы сверху вниз. С этой точки зрения,

проблемы больше напоминают отдаленный гром в долине внизу. Такая же возможность была дана Анне в этом сне.

Сама Анна, как мы знаем, была очень амбициозна, и так как эту черту она унаследовала от отца, ее носил и ее Анимус. Это видно из того, что водитель соревновался за очень большой приз. Но совершенно новая отрешенность и принятие победы или поражения в равной степени, жизни или смерти с одинаковым равнодушием, ясно показывают, что союз между ее отрицательным и положительным Анимусом оказался весьма удачным. Юнг часто говорил, что в таких снах Анимус часто указывает женщине путь, по которой той следует идти.

В этот момент внешние проблемы вернули Анну в свою родную страну неожиданно рано. Таким образом, ей был дан шанс использовать во внешнем мире новую точку зрения, которая была ей показана Анимусом во сне. Хотя ей понадобилось много времени и стараний, чтобы оставить свои амбиции и манию величия, она со временем с успехом завершила то, что начала.

Четвертая часть

Четвертая часть в основном состоит из разных важных вещей, которые Великая Мать поведала Анне, главным образом касательно разговоров с Великим Духом. Они, однако, не были датированы, поэтому мне никак не узнать, где им место. Более того, хотя они сами по себе интересны и мудры, к нашей теме они имеют мало отношения.

Есть только один разговор, который мне бы хотелось упомянуть, так как он создает интересную параллель между Беатрисой и ее духовным наставником. В самом деле, он проливает свет на нее. Разговор произошел в результате следующего сна: Сновидица идет рука об руку со своим старым другом и приемной матерью Урс, «Великой» (буквальный перевод фамилии). Ее старый друг с тяжестью опирается на нее и спрашивает ее, не выпьет ли она вместе с ней чашку кофе.

Мне кажется, что этот сон означал, что Великой Матери нужно кое-что сделать для Анны, и Анна спросила ее, так ли это. К ее

великому удивлению, Великая Мать ответила: «Да, помощь в мировой ситуации». Беатрис просила своего духовного наставника о помощи в тяжелой ситуации, на которую она наткнулась в мире, но Анна не волновалась об этом так, как Беатрис. Поэтому, просьба Великой Матери удивила ее почти так же, как Уставший от Мира Человек был удивлен резкой атакой своего Ба. Причиной отсутствию волнения было то, что активное воображение Анны произошло на много лет раньше, когда опасность еще была не столь очевидна. С другой стороны, проблема продолжала подавлять Беатрис, но Анна никогда не относилась к ней как к своей, хотя Великая Мать и упоминала ее раньше. Иными словами, Беатрис знала, что Юнг думал, что ситуация в мире сильно зависит от того, как много людей могут выдержать напряжение противоположностей в себе, тогда как Анна еще не была знакома с этой концепцией.

Духовный Наставник посоветовал Беатрис принести свое волнение цветку, где воюющие противоположности объединялись. Великой Матери пришлось объяснить Анне, что архетипам нужны люди, которые осознают их и которые впоследствии смогут представлять их, делая то, что они хотят во внешней реальности на земле. Она порицает постоянную застенчивость Анны, так как она виновата в том, что из-за этого Анна не понимает этой необходимости: когда она стесняется, она целиком и полностью заключена в Эго, но когда она осознает великую важность архетипов в ней, застенчивость больше ее не беспокоит. Анна может помочь ситуации мира, полностью осознав это и будучи скромной перед великими архетипами вместо того, чтобы глупо стесняться их, потому что она переносит эти архетипы на других людей.

Анна заканчивает четвертую и последнюю часть последним разговором с Великим Духом. Хотя он и помог ей, он лишь подчеркивает части разговоров, которые мы уже обсуждали, но которые она еще не до конца осознала. Поэтому, нам нет смысла их рассматривать.

В то время, здоровье уже не позволяло Анне вернуться в Цюрих, поэтому ее активное воображение подошло к концу. Она оставила свою квартиру и остановилась в подходящем ей доме для престарелых. Поначалу ей было трудно принять жизнь в

окружении людей ее преклонного возраста, которые пришли сюда умирать, но очень скоро ее внутренний баланс восстановился. На ее сожителей это не оказало никакого влияния, ведь у нее было много друзей, в особенности среди мужчин, с которыми у нее возникали серьезные трудности ранее. Она не раз писала мне, рассказывая, что в своем преклонном возрасте она переживает самое счастливое время своей жизни.*

*Заметка редактора: Женщина, известная как Анна Марджула, умерла через двадцать лет после завершения своей работы. Ее нация скорбела по смерти одной из самых известных музыкантов. Она умерла в возрасте девяноста лет, лишь несколько месяцев спустя после публикации этой книги.

Глава 7.1. Анна Марджула. Активное Воображение, Оказавшее Лечебное Влияние в Отдельном Случае Невроза

Введение

Около десяти лет назад в частном порядке был опубликован текст под названием «Активное Воображение, Оказавшее Лечебное Влияние в Отдельном Случае Невроза» под авторством Анны Марджулы, и с тех пор меня не раз просили сделать его более доступным. Юнг был знаком с этим примером активного воображения и был о нем весьма хорошего мнения. Он даже пообещал автору, что включит его в одну из книг, которую он планировал опубликовать наряду с другими подобными записями. Однако Юнг скончался прежде, чем успел завершить этот проект. Анна была весьма огорчена, но я не могла опубликовать ее рукопись, потому что в то время Юнг сказал мне, что ее ни в коем случае нельзя публиковать *отдельно*.

Тогда я пошла на компромисс и с помощью юнгианских клубов и учреждений, текст был напечатан и вращался в частных кругах так же, как семинары Юнга. Копии продавались только людям, уже знакомым с психологией Юнга. Теперь же мне думается, что Юнг не возражал бы против его печати в этой книге наряду с некоторыми другими примерами активного воображения. Это действительно весьма хороший пример, и упустить его из виду было бы слишком жалко.

Я представляю первую часть оригинального текста, который во многом состоит из разговоров с Великой Матерью. Вторая часть состоит из рисунков, созданных Анной Марджулой во время начала анализа с Тони Вульф. Рисунки являлись предвестниками активного воображения, однако сами по себе были малопонятны. Интерпретации в буклете были написаны Анной через некоторое время после диалогов с Великой Матерью, и они, будучи *сознательными* интерпретациями, напрямую не связаны с активным воображением. Также не было попыток свести эти две части воедино. Поэтому, кажется, лучше опустить эту часть материала, и вместо этого подвести итог некоторых встреч с Великим Духом, которые Анна испытала уже после печати буклета. Они лучше подходят к нашему материалу; более того,

они никогда ранее не видели свет, даже в частных кругах. Также я укоротила свое введение к ее работе, потому что вся первая часть касалась активного воображения, о чем уже шла речь в общем введении к этой книге.

Способы проведения активного воображения многочисленны и разнообразны, но визуальный и аудиальный – два наиболее распространенных. Анна Марджула занималась и тем, и другим. В визуальном способе, с которого она начинала, она держалась того, что видела на рисунках, некоторые из которых представлены во второй части рукописи. Конечно, весь материал очень сжат и укорочен. Образ канатоходца – хороший пример визуального метода в движении, скажем так. Однако именно аудиальный метод, выраженный в диалоге, помог ей больше всего. Более того, она достигла необычайно высокого уровня в активном воображении во время этих диалогов – уровня, для достижения которого требуется огромная работа, концентрация, честность, храбрость и самокритика.

Анна никогда не была склонна потворствовать своим фантазиям; напротив, ей было очень непросто справиться с внутренним сопротивлением против занятий активным воображением и весьма странным содержимым, создаваемом в бессознательном. Можно увидеть, что многое из этого было еще и весьма небезопасным; в этом смысле вполне понятно, почему многие люди боятся активного воображения. Но содержимое было там с самого начала, и самые опасные его представители (еще не распознанные ею в то время) появлялись на самых ранних зарисовках; естественно, чем менее они были заметны, тем более опасными они были на самом деле. Были заметны весьма опасные тенденции к мании величия, но они пропадали, как дым при первой попытке их проникнуть на сознательный уровень; моментально началась бы энантиодромия и их место заняли бы опасные чувства собственной неполноценности.

Психиатры, разумеется, распознают темы и идеи, которые во многих случаях доводили до лечебницы, но от этого материал становится лишь ценнее. То, как Великая Мать временами справляется с этим взрывоопасным содержимым, указывает, что у бессознательного есть свое противоядие на свой же яд. Как признается сама Анна, она часто боялась безумия, а

самоубийство ее сестры лишь указывало на наследственную слабость в этом смысле. Более того, в течение многих лет, как она сама пишет, ее собственный Анимус уничтожал любой прогресс, проделанный ею, и изо всех сил старался поддерживать ее склонность к панике. Хотя мне никогда и не казалось, что она может сойти с ума, по большей части из-за ее творческой работы и врожденной храбрости, признаюсь, что я долго сомневалась, возможно ли ее спасти из когтей Анимуса. (Важный аспект, когда ее храбрость дала о себе знать, заключался в ее желании посмотреть своей Тени в лицо. Это было очевидно с самого начала, хотя Анимус еще много лет мог украсть у нее осознание этого, чтобы оставить Тень себе. Но постепенно Анна осознает ценность единения с Тенью, осознание, которое является *conditio sine qua non* (необходимым условием – лат.) для дальнейшего развития). Это, в ее случае, могло быть достигнуто только с помощью индивидуации. Довольно скоро стало ясно, что это было ее судьбой.

Благодаря простоте Анны и ее неизменной личной честности, у меня есть возможность быть в равной степени прямолинейной и спокойно признавать, что, хотя с самого начала было ясно, что она была весьма ценной личностью, она была и весьма утомительным и разочаровывающим случаем в течение многих лет. Из-за ее комплекса отрицательного отца, поддерживаемого ее сопротивлением фрейдовскому аналитику, ей было бессмысленно работать с мужчиной. (Анна спокойно признает свои сложности с мужчинами, и, как читатель сможет увидеть, ей предстоит еще много работы над ее отношением и знаниях о мужчинах.) С самого начала, Юнг высоко ценил ее дар и внимательно следил за ее анализом; тем не менее, он настаивал на том, чтобы основная работа проделывалась женщиной. Анна не была швейцаркой и проводила большую часть времени в родной стране, поэтому лечение продолжалось в течение многих лет.

В ранние годы музыка оказывала Анне большую поддержку, поэтому я всячески поддерживала ее в ее профессии. Но с самого начала у Анимуса была двойственная установка на этот счет (как видно в отчете Анны об ее «Великом Видении»); со временем он все больше старался подорвать ее, даже убеждая ее, что она должна вообще отказаться от профессии. Но первое доказательство того, что в душе у Анны есть сила гораздо

большая, чем Анимус, пришло в момент одной из жесточайших атак Анимуса. Анна была в таком настроении, когда, как она описывает, она, отчаявшись когда-либо «излечиться», восстала против меня как ее аналитика, а также против Юнга, решив оставить профессию, которая все еще была *conditio sine qua non* (обязательным условием – лат.) в то время для продолжения ее жизни. Никто не мог заставить ее переменить решение, и она вернулась в родную страну одержимой Анимусом как никогда. Это был единственный момент, когда я совсем отчаялась касательно ее случая; когда она ушла, я боялась, что битва проиграна.

Несколько недель спустя, однако, я получила от нее письмо, в котором говорилось, что с ней произошло что-то поистине невероятное. Вся ее почта пересылалась в Цюрих, но, вернувшись к себе домой, она нашла лишь одно письмо в ящике, которое неясным образом там оказалось несколькими неделями ранее. Письмо содержало такое соблазнительное профессиональное предложение, что она никак не могла от него отказаться. «Но в Цюрихе я бы от него отказалась», писала она, «ведь тогда я была полна решимости».

Этот инцидент изменил мое видение ситуации. Я понимала, что лишь изматывая себя и мои действия к добру не приводят, когда я пыталась напрямую помочь Анне спастись от ее тирана-Анимуса. Я спросила себя, что же спасло ситуацию в одиннадцатом часу через ошибку почтальона? Разумеется, я не могла найти рационального объяснения, но я рискнула предположить, что в этом деле себя проявило нечто сильнее Анимуса в душе Анны, и что это «нечто» не собиралось допускать разрушение ее процесса индивидуации. В случае Анны, это не было изолированным синхронным событием. Еще более поразительный случай произошел в течение другой негативной фазы, когда Анна, в очередной раз злясь, что она не «излечена», отвернулась от всего, что было связано с юнгианской психологией. Затем с ней произошел странный несчастный случай. Когда она гуляла по берегу моря, ей по голове ударил мяч, что вызвало необходимость в продолжительной госпитализации. Во время болезни, она наконец осознала, что ей бессмысленно пытаться избежать стараний стать целой, ведь если бы она стала это делать, «круглый предмет» (главным образом символ целостности) лишь продолжал бы преследовать ее.

Юнг часто говорил мне, что люди редко прислушиваются к тому, что им говорят другие, даже к аналитику, с которым у них может быть сильный перенос. «Именно вещи, преподносимые нам бессознательным, оставляют наиболее яркое впечатление», говорил Юнг. Анна Марджула продемонстрировала мне истинность этой мысли так живо, как никто другой. В ранние годы ее анализа, вообще ничего не оставляло долгосрочного впечатления. Даже если и был заметный прогресс за значительный период времени, рано или поздно Анимус удавалось его разрушить, как она весьма ясно описывает сама. И перенос был весьма ненадежным фактором, как она сама замечает, как тепло бы Анна не относилась к своему аналитику, Анимус много лет держал все козыри в рукавах, разыгрывая их в каждый критичный момент, превращая веру в недоверие и любовь в ненависть.

Именно с Тони Вульф, ее первым аналитиком-юнгианцем, Анна Марджула нарисовала странные картинки, появившиеся после во второй части ее буклета. Уже они были предвестником ее активного воображения, когда содержимое, полившееся из бессознательного, было аккуратно записано словами. Юнг всегда учил нас быть осторожными в интерпретациях активного воображения, потому что очень легко остановить или повлиять на элементы, которые должны двигаться сами по себе. Эта серия зарисовок показывает мудрость подобного подхода весьма ясно. Как теперь Анна сама видит, интерпретации были бы бесполезны в то время; более того, учитывая взрывоопасность тем, которые Анна сама позднее разглядела в своих творениях, могла произойти катастрофа. И более того, попытка понять картины, совершённая пятнадцать лет спустя, была бы безнадежно загрязнена всеми предрассудками внешней интерпретации. Подобные идеи можно принять только из ее собственного бессознательного.

После того как Анна покинула Тони Вульф, через несколько месяцев она пришла ко мне и оставалась со мной до 1952 года, когда я на несколько месяцев вернулась в Америку, с длительными перерывами, когда была в родной стране или болела. Для Анны это стало большим везением, так как тогда она пошла к Эмме Юнг, которой принадлежат все почести за переход

критической точки в этом случае. Взглянув на дело свежим взглядом, Эмма Юнг моментально заметила, что Анимус властвовал над Анной через ее «Великое Видение» и сразу же испортила тому всю игру, заметив, что это все «неустойчивое мнение Анимуса». Прежде чем у него было время оправиться, она предложила уклоняться, прекратив любые прямые диалоги с Анимусом на время (как Анна пыталась сделать со мной), и вместо этого применив активное воображение к «какому-нибудь положительному женскому образу, например, напрямую к Великой Матери». Едва ли мне бы пришел в голову этот подход, ведь хотя женские архетипические образы мне весьма помогли в моем собственном активном воображении, в то время все происходило исключительно в тишине; только мужские образы и личная Тень были склонны говорить. Я упоминаю об этом, потому что это показывает, что аналитику ни в коем случае нельзя заводить анализанта дальше в активное воображение, чем заходил сам аналитик.

Для моего опыта довольно необычно то, насколько такой высший женский образ, как Великая Мать в случае Анны Марджулы, был бы склонен вести столь долгие беседы. (Мне знаком лишь один подобный случай, в котором также имел место быть необыкновенно сильный Анимус). Мне уже казалось, как будто Великая Мать, явно будучи ипостасью Самости, устала от наших жалких попыток и решила взять дело в свои руки. Так или иначе, когда Анна вернулась ко мне после смерти Эммы Юнг, анализ определенно лежал в руках Великой Матери.

Это не значит, однако, что аналитик-человек стал лишним. Анна все еще довольно сильно боялась этих разговоров; она находила свою Великую Мать столь неожиданной и бесцеремонной временами, что она в течение первых нескольких лет решалась на разговоры только пребывая в Швейцарии, и когда я была доступна по их окончании. Это было весьма мудро с ее стороны, ведь, хоть я и считаю, что эти разговоры убедят читателя, что никакое человеческое существо не способно быть столь мудрым и дальновидным, какой оказалась Великая Мать, она, конечно, существует в другой реальности и ей не всегда известны человеческие условия и ограничения. Поэтому, компаньон-человек совершенно необходим в этих глубоких погружениях в бессознательное, которые совершала Анна. Как однажды сказал

Юнг, нам нужно человеческое тепло, когда мы встречаемся лицом к лицу со странными плодами бессознательного.

Мне бы хотелось упомянуть, что я никак не повлияла на записи Анны Марджулы. Я однажды сказала, что ее диалоги с Великой Матерью должны быть сохранены. Она ответила, что распорядилась следующим образом: в случае ее смерти они будут не уничтожены, а присланы мне. Я мало слышала о них в течение многих лет, пока она не принесла мне рукопись, которая, за исключением некоторых сокращений, осталась практически неизменной. Я признаю, что я бы предпочла чуть более научную форму, с примечаниями, отсылками, развитиями мыслей, и так далее, но любое подобное предположение бы лишь мешало и путало бы Анну. Поэтому, за исключением нескольких моментов, я решила оставить записи на волю судьбы, нетронутыми как есть, как записи человека. Но они научны в одном важном смысле: они безупречно честны, и я могу освидетельствовать, что ничего в них не было перевернуто, изменено или «улучшено».

Читая собственные интерпретации Анны, читателю следует знать, что она относится к чувственному типу. Мышление – ее второстепенная функция, но и ей она обязательно пользуется в своих интерпретациях. Поэтому, у них необычно непроверяемый и негибкий характер, характерный этому типу.

Анна написала свой отчет с точки зрения воображаемого лектора, чтобы дистанцироваться от своего случая. Ее интерпретации, однако, обладают субъективным уклоном: это интерпретации, которые помогли ей и подходят только этому отдельно взятому случаю. И не стоит строить каких-либо обобщений, ведь их ценность особо индивидуальна. Они - свидетельство истинности убеждения Юнга в том, что люди получают *жизненно необходимое* из своего собственного бессознательного. Бессознательное Анны научило ее *так*, но ваше или мое научит нас *иначе*, соответственно нашей личной модели; поэтому, я не хочу сдабривать этот индивидуальный вкус какими-либо обобщающими объяснениями.

Читателю также весьма важно помнить о субъективности позиции, с которой Анна говорит с Богом: она всегда имеет в виду образ Бога в своей собственной душе. Когда она говорит о Боге, она

имеет в виду субъективный образ этой фигуры. Она поясняет это и сама, но я легко себе представляю, что, в случае любого недопонимания в этом вопросе, читатель может быть вполне оправданно шокирован вещами, которые Анна говорит о Боге, Христе и Сатане.

Чтобы обеспечить читателя лучшим пониманием личной психологической травмы, которой былаотягощена Анна в ее стремлении стать более сознательной и справиться со своим неврозом, далее следует подведение итога ее анамнеза, который более детально описан на протяжении данного случая.

Анна, одаренный и интеллигентный ребенок, в детстве и юности страдала нарушениями ее женственности, вызванными в ней совершенно бессознательным и невротичным отцом. Помимо этого она пережила раннюю, неестественную смерть всей ее семьи: сначала ее мать, затем младший брат, ее сестра, и, позднее, ее отец.

Пока она выросла, опыт с ее отцом сделал ее застенчивой, неуверенной в себе и неспособной на общение с противоположным полом. К сожалению, за этим последовала болезненная любовь к фрейдовскому аналитику. Она жила с этим горем до середины своей жизни до начала юнгианского анализа в Швейцарии.

В заключение, я думаю, мы можем выразить Анне благодарность за разрешение публикации этого материала. Это - щедрость, обыкновенная для ее профессии, ведь творческие люди любых искусств приучены выставлять свой внутренний мир на всеобщее критическое обозрение.

Описание истории случая

Анна Марджула

На этих страницах я попыталась описать постепенное развитие процесса индивидуации в моей жизни. Для моего материала я выбрала форму лекции, потому что это дало мне возможность объективизировать «пациента» и идентифицировать себя с воображаемым лектором.

Активное воображение, согласно методике, разработанной К. Г. Юнгом, и его целебная сила в особенности подчеркнуты в этом тексте.

Мне хотелось бы поблагодарить людей, помогавших мне в подготовке этой рукописи к публикации: Мисс Барбара Ханна, Доктор Мария-Луиза фон Франц, Миссис Мэриан Бэйс, а также мисс Мэри Эллиот.

I. Введение к случаю

Эти лекции призваны продемонстрировать положительный результат, которого достигла пациентка через ее искренние старания осознать и принять теневые стороны ее души, забытые ее части, или же подавленные, или же вообще ей неизвестные. И, что еще более важно, показать лечащую силу, которую она пережила благодаря ее активному и намеренному контакту с архетипическим содержимым всей человеческой жизни; контакту с некоторыми из великих бессознательных сил, которые содержатся в коллективном, вечном источнике жизни, которые питают, активизируют и влияют на все движения человечества, и в меньших масштабах, на личную жизнь каждого его представителя.

Метод, избранный пациенткой для ее стараний в достижении подобного контакта, - то, что Юнг называет активным воображением. Она сначала пыталась позволить бессознательным импульсам проявить себя в рисунках, а затем провела великое множество разговоров с несколькими образами бессознательного. Так как ее невроз был трудноизлечим, и она испробовала множество техник до того, как пришла к доктору Юнгу, немаловажно рассмотреть серию бесед, которые в конце концов принесли ей мир в разуме, которого она искала почти всю жизнь.

Для начала, необходимо введение к ее внешней истории и случаю ее невроза. За этим последуют диалоги с архетипическими образами, и мы постараемся отследить растущее влияние, которое эти диалоги оказывали на пациентку, и, как следствие, на весь процесс излечения ее души.

История пациентки

Пациентка родилась в Европе ближе к концу прошедшего века (XIX века – прим. переводчика). Ее отец был юристом. Семья состояла из отца, матери, двух девочек и мальчика. Пациентка – вторая дочка. Она была сообразительной девочкой со склонностью к школьным занятиям, и особенно одаренной в музыке и поэзии. Когда ей было тринадцать, она потеряла мать, а когда ей было двадцать, погиб ее брат; затем, спустя несколько лет, ее сестра совершила самоубийство. Ее отец умер, когда ей было сорок семь. Поэтому, из всей семьи она осталась одна в живых. Такова, вкратце, история ее семьи. Она осталась незамужней, в качестве профессии решила заняться музыкой. На ее внутреннюю психологическую историю сильно повлиял доминантный характер ее отца (который и вызвал комплекс отрицательного отца) и ранняя смерть матери.

Пациентка была нервным ребенком, страдавшим от бессонницы и плохого аппетита. Когда она была еще совсем маленькой, ее поведение было весьма интровертным. Она писала стихи и сочиняла мелодии обыкновенно в уборной; этими сокровищами она не делилась ни с кем, кроме своих кукол. Она, однако, была полна жизни, довольно счастливый ребенок, спортивный и любящий игры, популярная среди сверстников. Смерть любимой матери стала для нее ужасным ударом. Она не дала ее личности гармонично развиваться. Внутренне она развилась рано, а внешне становилась очень стеснительной, в особенности с мальчиками. Мальчики вызывали у нее панику, и сами ее не любили, что сильно ранило ее гордость. Она стала невротичной, но никто, казалось, этого не замечал. Из-за ее стеснительности, все мучения и чувство неполноценности были ее тайной. Она очень стыдилась этих чувств и пыталась компенсировать их достижениями в школе и музыке. Она изо всех сил пыталась быть лучшей ученицей, и всегда *был* лучшей ученицей. Ее амбиции росли несоразмерно. Однако, несмотря на то, что смерть ее матери была фатальным событием в ее девичестве, но начало невроза было отложено на восемь лет. Его предвестником стало Видение, которое позднее стало фокусом ее невроза.

Великое Видение

В то время, как к пациентке пришло это Видение, которое было столь важно для нее, она готовилась к экзаменационному фортепианному концерту. Амбиции принуждали ее упорно трудиться и переоценивать важность успеха или провала на этом экзамене. Чрезмерно стремясь к артистическому триумфу и ужасно боясь уничтожить свой шанс на успех боязнью сцены, она доработалась до состояния невероятного нервного напряжения. В ночь перед экзаменом бессознательное затопило ее и создало «Великое Видение» или «Возвещение», следующим образом:

Голос сказал ей пожертвовать амбициями во время экзамена ради того, чтобы быть в равной степени согласной на успех или провал. После тяжелой внутренней борьбы пациентка честно пообещала повиноваться этому приказу. Затем ее желание пережить возможное поражение принесло ей что-то вроде религиозного экстаза. В этом экстазе Голос открыл ей, что ее призвание в жизни было не стать известным человеком самой, а стать матерью гения. Чтобы реализовать свое призвание, она должна пожертвовать своими обычными желаниями касательно любви и брака, и искать кого-то, кто бы подходил на роль отца гения. С этим мужчиной ей было суждено зачать ребенка в соитии, лишенном всяческого желания. Если ей удастся отречься от любых ощущений в течение всего зачатия, только тогда все условия будут соблюдены; тогда ее дитя станет гением, которого ей суждено вырастить. Если же отец окажется женатым мужчиной, она должна превзойти предрассудки и выносить незаконного ребенка.

Для девочки это послание было полно сверхъестественной силы. Она чувствовала его священность. Это было религиозное переживание, завет, которому она обязана была следовать, который ни в коем случае нельзя отложить в сторону и забыть. Он оказался *тем самым* кризисом ее жизни, с которым оказалось весьма сложно ужиться. Мы еще как следует пройдемся по этому внутреннему происшествию, так как он для нее очень много значил. Ее прошлая и будущая жизни встретились в этой кульминационной точке, ведь это видение не появилось ниоткуда. Оно было подготовлено событиями ее детства и раннего девичества, а также развитием ее характера, что вместе

заблокировало нормальное развитие ее сексуальности. Этот голос, что говорил столь громко в Возвещении, как раз этим всем и питался в бессознательном. Его силы выросли до гигантских размеров, пока ему не удалось затопить Эго в ту ночь перед экзаменом, ведь оно тогда подвергалось слишком большому нервному напряжению.

Первые впечатления девочки о Видении были чудесными. Пока длился экстаз, она оставалась на более высоком уровне, чем когда-либо. Она превосходно сдала свой экзамен, ее стеснительность полностью исчезла. Она чувствовала себя вполне счастливой, невроз прошел, и это счастье преувеличило силу голоса. Но экстаз длился недолго; он постепенно затихал в ее обыденной, каждодневной жизни, а отец гения всё не являл себя. С течением времени она снова оказалась в состоянии обыкновенной девушки, что для нее стало поражением. Ее стеснительность выросла. Она чувствовала себя больной и несчастной, истощенной внутренним напряжением. Ее здоровье пропало. Несмотря на это ей удалось как-то поддерживать в себе силы еще года три. Однако она к этому моменту уже вошла в возраст, когда девушки находят себе мужчин и выходят за них замуж, и природа начала брать свое и заставляла несчастную девушку решаться на неудачные любовные похождения. Эти провалы были бы непростым испытанием даже и для обычной девушки; для нашей пациентки, чья уверенность в себе уже была подорвана, они означали абсолютный срыв. К возрасту двадцати четырех лет она оказалась в больнице физически больной, и затем начался анализ по Фрейду.

Анализ по Фрейду

Ее аналитиком по Фрейду был молодой доктор тридцати лет, лишь на шесть лет старше нее. Он был женат, но затем разведен и жил один. Он был хорошим человеком, сильно интересовался музыкой. Девушке он очень нравился, и произошло как раз то, что и ожидалось: она влюбилась и захотела выйти за него замуж. Обстоятельства были таковы, что, казалось, ничего против этого брака не было, и их характеры весьма гармонизировали друг с другом. Но аналитик предпочел другую девушку, на которой позже и женился. Он отверг чувства пациентки, назвав их обыкновенным

переносом отца, и он даже не имел понятия, хотя бы как можно развить этот перенос таким образом, чтобы он был приемлем и выносим для пациентки.

Лучшим решением было бы прекратить лечение, но девушка была им очарована и слишком слаба, чтобы оставить его; аналитик недооценил чувства пациентки и продолжал анализ, надеясь на исцеление. Некоторые симптомы действительно исчезли, и энергия была частично восстановлена. Также, помимо лечения, девушка сама постепенно стала более зрелой благодаря своей любви и горю, вызванному невостребованностью этой любви. Если бы доктор выразил хоть чуть-чуть чувств и понимания, он бы мог даже достичь результата, к которому стремился. Но будучи фрейдистом по призванию, он совершенно подавлял идею, что он может находиться под контрпереносом. Итак, они оба опустили до того, что можно назвать сексуальным извращением, как мы увидим дальше.

Девушке потребовалось одиннадцать лет, чтобы избавиться от этих чувств; более того, она этим обязана лишь тому, что аналитик в конце концов ужасно себя с ней вел и был груб, что вызвало в ней гнев и ненависть достаточные, чтобы спровоцировать последний разрыв. Оскорбив ее женственность, он призвал ее гордость. После этого, она была благодарна за такое завершение; это было лучшее, что он когда-либо для нее сделал.

Годы между анализом по Фрейду и анализом по Юнгу

Пациентке теперь тридцать три. Ее невроз, естественно, совсем не излечен. Хотя она и настроена смиренно распорядиться как можно лучше с остатком своей жизни, ее душа была не на месте. Ей, правда, удалось создать себе какое-то имя в мире музыки, но она знала, что хоть ее достижения требовали вдохновения, ей не хватало упорной работы, которую ее испорченное здоровье явно не могло выдержать.

Другая женская возможность, а именно – найти хорошего мужа и выйти замуж, оказалась для нее как никогда отдаленной, и, как вариант, подходящий роман также был недостижим. Существовало сексуальное табу, которое анализ по Фрейду

излечить не смог. Помимо этого, в дальнейшем явили свое воздействие на нее силы, которые вели в неизвестных направлениях, ведь каждый раз, когда перед ней оказывался важный музыкальный успех или же подходящий роман, что-то извне, как, например, самоубийство сестры, начало войны, смерть партнера – вставало на ее пути и оказывалось непреодолимым препятствием. Очевидно, данное исполнение судьбы в ее случае было недоступно. Эта психологическая истина стала ей ясна, и она выживала как могла.

Первые годы анализа по Юнгу

Восемнадцать лет спустя, в возрасте пятидесяти одного года она пришла со своими проблемами к К. Г. Юнгу. По его совету она начала анализ с одним из его многообещающих учеников, женщиной – Тони Вульф, и постепенно с двумя другими аналитиками, также женщинами. Сам же Юнг следил за ходом анализа.

Добраться до самой сути было невероятно сложно, так как внутренним образом, который позволял ей более-менее жить дальше все эти ужасно непростые годы, был сам Анимус. Анимусу удавалось оказывать такое влияние на пациентку из-за возможностей, которые он для нее открыл в музыкальном мире. Пока женщина не осознает образ Анимуса в своей душе, он остается слишком могущественным хозяином, способным настолько ее очаровать, чтобы заполучить полный над ней контроль. В случае пациентки Анимус был двойственной фигурой, и чары, которые он напускал на нее - поддерживающие, и в том же время деструктивные, охватили ее почти целиком. Хотя его музыкальные вдохновения не принесли истинного решения проблемы – а именно, что ей следует делать с оставшейся жизнью, они все же часто означали временный способ выбраться из кризиса и отчаяния. Когда вес ее проблем вводил ее в отчаяние, Анимус и его музыка оказывались единственной для нее поддержкой. Поэтому она не гнушалась вызывать его недовольство, начиная осознавать и другую возможную роль, которую он бы мог играть в ее жизни. На самом деле, она *не могла не вызывать*, ведь она боялась, что если не станет этого делать, то сойдет с ума. И из этого великого ее страха мы можем

вполне однозначно заключить, что «другая» роль, которую играл Анимус, была крайне отрицательна. Соответственно, во время ее анализа посмотреть этому чрезвычайно сильному образу в лицо было совсем не просто.

Другой внутренний образ, Тень, темная сторона сознательного Эго, был почти что полностью подавлен волевым, гордым и высокомерным характером пациентки. Как объясняет Юнг, очень важно осознавать свою Тень как можно лучше, ведь, если Анимус (или Анима) и Тень оба бессознательны, тогда Эго сражается в неравной борьбе с двумя противниками, и скорее всего оно недостаточно сильно, чтобы одержать победу. В случае пациентки эти двое – Тень и Анимус, давным-давно «поженились» в бессознательном и теперь были неразделимы. Они строили пациентке всевозможные козни, и поэтому она в то время не могла достичь истинного понимания своих проблем.

Но она была твердой и настойчивой; она не оставила анализ. Ее аналитик посоветовал ей заняться активным воображением. Затем она занялась спонтанными зарисовками. Некоторые из них были весьма интересны, ей нравилось этим заниматься. Это забавляло ее. Несмотря на это, эти рисунки не привнесли никаких качественных изменений к лучшему. Некая точка в глубинах ее души оставалась неприкосновенной, на тот момент она ее еще не видела.

Пациентка составляла конспект каждого аналитического занятия. Соответственно, у нее была возможность обзоровать весь процесс лечения позже. Когда она перечитывала свои записи, ее поразило, насколько положительными выглядели сны и их интерпретации. И это же самое можно сказать и про весь процесс лечения. На этой ранней стадии ее анализ казался успешным, но почему-то на ней это никак не отражалось. У ее Анимуса была привычка выкрадывать любой положительный результат еще до того, как у пациентки появлялась возможность закрепить его. И он всегда впечатлял ее своими мнениями. Он был слишком силен, чтобы противостоять ему. Однако, несмотря на отчаяние, она не сдалась ему целиком и полностью. Юнгианский метод впечатлил ее даже больше, чем заявления, сделанные Анимусом. Она держалась.

Однажды она обсуждала со своим аналитиком (миссис Юнг) эпизод видения, которое пришло к ней в молодости (Голос и сообщение). Касательно второй части Видения (ее женского предназначения), аналитик предположила, что вся эта идея может быть всего лишь мнением Анимуса! Она указала пациентке на то, что Анимус может быть весьма плохим советчиком в женских любовных делах; что само слово «любовь» вообще не появлялось в послании загадочного Голоса. И насколько же совершенно неженским было содержимое этого послания! Настолько, в самом деле, что их едва ли можно было отнести к любому другому образу, кроме Анимуса! Эта интерпретация открыла пациентке глаза и наконец, действительно изменила установку по отношению к авторитету Голоса. Это развеяло чары. То, что она задумалась о Голосе как о мнении Анимуса, спасло ей жизнь, уменьшило власть, которую Анимус имел над ней. Она почти что вообще избавилась от этой власти, за этим последовало огромное облегчение.

На гораздо более поздней стадии, религиозное прикрытие Видения следовало восстановить, ведь, если смотреть на него с более высокой позиции, власть и авторитет Голоса оказались оправданы, но оказались ошибочно расположены в низших, более примитивных областях разума, и чуть не довели пациентку до безумия, когда та восприняла их буквально. Ведь какое-то время пациентка еще не могла полноправно смотреть с более высокой позиции, и определенно главное в тот момент было избавиться от этой притягательной и опустошительной идеи Анимуса. Аналитик затем посоветовала разорвать контакт с Анимусом настолько, насколько пациентка могла, потому что тот обходился с ней просто ужасно. Затем аналитик предложила пациентке войти в более близкий контакт с каким-нибудь положительным женским образом, например, Великой Матерью. Она подразумевала образ, который юнгианцы обычно называют «хтонической Матерью», но пациентка, еще не зная ничего об этом образе, пробудила свою личную Великую Мать, как мы увидим.

Ее искренне впечатлило предположение аналитика, и она последовала ее совету, который сработал в ее пользу, потому что у нее был сильный комплекс высокоположительной матери. Преждевременная смерть матери произошла еще до того, как она была в состоянии критиковать этого тепло любимого человека.

Аура святости, окружающая смерть, сделала из человеческой матери почти что архетипический образ: мудрый, любящий и надежный. Пациентке было необходимо сделать лишь один небольшой шаг, чтобы совершить перенос положительной матери на истинный, архетипический образ матери, находящийся в коллективном бессознательном. Более того, с этим переносом ей помогала и всячески ее поддерживала растущая любовь к ее материнскому аналитику (Миссис Юнг), с которой она была в особенности близка. Как следствие, она стала связывать с архетипическим образом Великой Матери власть, мудрость и силу Самости, доминирующего образа, являющегося символом целостности и всего, что находится в душе. Таким образом, Великая Мать нашей пациентки может временно рассматриваться как подходящая женская параллель Бога. Она является достойной альтернативой мужскому Богу при диалогах из-за того, что у пациентки был опасный, ненадежный Анимус в доверок к отрицательному отцовскому комплексу. Когда аналитик объяснила ей это, пациентка не отвергла этого, но продолжала называть свою внутреннюю советчицу «Великой Матерью», просто чтобы ощущать себя ближе к ней. В противном случае ей бы не удалось приблизиться к Самости столь открыто и дерзко.

Теперь, когда случай был достаточно подробно описан, мы подходим к сути. Теперь мы постараемся взглянуть внутрь внутреннего роста индивидуации, происходящего благодаря беседам, которые пациентка вела с Великой Матерью. После каждого разговора мы будем останавливаться на реакции Анимуса (настолько, насколько они нам известны), уделив особое внимание более или менее видимому влиянию, которое и Великая Мать, и Анимус оказали на пациентку. Важно заметить, как голос Анимуса, поначалу столь доминантный, постепенно утихает, и как этот властный правитель опускается со своей возвышенной позиции и в конце становится более положительной, по сути, наиболее могущественной, силой. Эта эволюция, как казалось изначально, весьма отрицательного Анимуса, идет параллельно и идентично с процессом излечения души пациентки. Так как ее индивидуация оказалась процессом медленным и детализированным, материал пришлось значительно сократить, прежде чем представить его. На самом деле, были выбраны лишь основные моменты, тогда как детали меньшей важности пришлось опустить.

II. Начальная беседа

Первые разговоры с Великой Матерью начались вскоре после богатого событиями дня, о котором упоминалось ранее, когда пациентка смогла осознать Видение, пришедшее к ней в юности, в качестве идеи Анимуса. Она начала контакт с Великой Матерью несколько нерешительно, как будто она все еще тяжело переживала расставание с Анимусом, хотя к этому моменту уже осознала в нем своего мучителя. Она пыталась наладить контакт с Великой Матерью следующим путем.

Первый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Моя Великая Мать, я хочу приблизиться к тебе и говорить с тобой, но я тебя вижу недостаточно четко. Ты как будто под вуалью. Когда я пытаюсь убрать вуаль, она окутывает Анимус и он становится невидим мне, что кажется опасным. Почему это так?*

Великая Мать: *Предположительно, Анимус облачил меня в эту вуаль в день, когда с него сорвал маску твой аналитик. Он сделал так потому, что он имеет над тобой власть, пока я невидима. Говори со мной несмотря на вуаль, а я тем временем буду следить за ним.*

Пациентка: *Ты можешь помочь мне обучить его.*

Великая Мать: *Сначала нужно обучить тебя. Он последует за тобой.*

Пациентка: *У меня есть ощущения неполноценности из-за того, что я не замужем. Я все еще сильно желаю восполнить свою непрожитую жизнь.*

Великая Мать: *Реальность такова: любая жизнь проживается. Ты жила своим неврозом. Тем временем, я жила через представителя жизни, заключенного в твоем неврозе. Ты этого не знала и поэтому тебе кажется, что ты упустила свою*

жизнь. Но твоя жизнь была прожита мной! Ничего не может пропасть из души бесследно. Как только ты станешь достаточно зрелой, чтобы получить свое сокровище, я преподнесу его тебе. Невроз всегда меньше того, что прячется позади него. Ты не терпела этого спрятанного предмета и подавляла его. Но ты усилила свою смелость, пассивно живя с неврозом в течение многих лет. Сравни это с весами: когда смелость и сила собраны и расположены на одной чаше весов – скажем, пассивной чаше? – тогда другая, активная, может подняться. Тогда ты сможешь захватить итог твоей непрожитой жизни, которую за тебя прожила я. Ничего не потеряно; все находится там. Постарайся возвращать это по частям. Таким образом, ты еще сможешь стать зрелой как женщина с полной жизнью.

Пациентка: Но как я когда-либо могу стать женщиной с полной жизнью, если я даже не обладаю нормально действующей сексуальностью?

Великая Мать: Тебе следует начать не с сексуальной функции, а с чувств, которые могут вести тебя в том направлении, и для которых сексуальная функция может в итоге стать выражением.

Пациентка: Но как мне вернуть эти чувства? Я давно утратила их.

Великая Мать: Ты подавила их. Их можно обменять на смелость.

Пациентка: Ты все время говоришь про смелость. Не думаю, что мне не хватало именно смелости.

Великая Мать: У тебя определенно есть смелость, но смелость эта опасна. Твой Анимус играет с твоей смелостью, и так как ты одержима Анимусом и не можешь противостоять его власти, твоя смелость становится слишком пассивной. Твой Анимус любит вводить тебя в душевную горесть. Эту горесть ты переживаешь мужественно, но только потому, что видишь в этом возможность для себя почувствовать себя героиней. Это твоя компенсация за невротические переживания

неполноценности. Такая смелость не работает правильно. Она слишком пассивна.

Пациентка: *В этом виноват Анимус.*

Великая Мать: *Да, но, в конце концов, именно ты ответственна за него. В юности ты забралась слишком высоко. Поэтому твой невроз был необходим. Теперь ты не должна ненавидеть Тень и Анимус столь горько. Их игра с тобой была ужасна, но необходима. Ты сама навлекла невроз на себя, не осознавая темные силы внутри тебя.*

Пациентка: *Я чувствую стыд.*

Великая Мать: *Чувствуй ответственность! Это будет твоей активной смелостью.*

Когда пациентка прочла эту беседу аналитику, последняя была под большим впечатлением, и тепло поощрила пациентку продолжить эти диалоги с Великой Матерью, что пациентка и делала с большим энтузиазмом в течение долгого времени. Ее Анимус, однако, ценил свою власть над ней и совсем не планировал от нее отказываться, не упускал ни единого случая, чтобы сказать ей, насколько черным все выглядит, насколько тщетны ее старания, насколько вредны такие разговоры ее здоровью! Пациентка и Анимус ввязались в жуткую и утомительную схватку, описать которую здесь можно лишь частично. Достаточно заметить, что много времени спустя пациентка начинала все разговоры с Великой Матерью с жалоб о том, что она больна и несчастна, полная сомнений, неверия и приступов отчаяния. Эти разговоры были невротичной «болтовней», не стоящей упоминания здесь.

Великая Мать терпеливо отвечала, что неверие и сомнения принадлежат Тени, которая завела партнерство с Анимусом в бессознательном, где оба устроили заговор против пациентки и вполне этим заговором наслаждались. Если пациентка смогла бы вобрать эти теневые части в себя и ощутить ответственность за собственное отчаяние, Анимус мог ослабеть, говорила Великая Мать. Но на данный момент, пациентка еще не осознавала свою Тень, чтобы различить ее качества, и была слишком одержима

Анимусом, чтобы восстать против его мнений. Она оставалась их жертвой еще в течение долгого времени. Слова Великой Матери перекрикивали мнения Анимуса, которым было легче поверить. Следующий примечательный сон пришел к пациентке в момент как раз такого душевного страдания.

Сон

Пациентка приближается к большому зданию. Из него выходит монашка, приглашает ее внутрь и дает ей четки, которые состоят лишь из нескольких бусин. Каждая бусина – это молитва. Монашка говорит ей добавить еще бусин к четкам, черных бусин, которые станут замечательными и сияющими, как только она их добавит.

Интерпретация сна

Пациентка привела ассоциацию к бусинам, или молитвам. Она сказала, что они назывались сдержанность, бедность и пост с сердцем. Сдержанность говорит сама за себя. Она связывала бедность со следующими словами поэта Рильке в его книге «*Stundenbuch*» («Часослов»): «*Armut ist ein Glanz aus Innen*» («бедность изнутри сияет»). «Пост с сердцем» рекомендовался Майстером Экхартом как способ достижения духовной жизни. Обобщая, монашка интерпретируется как кто-то, представляющий собой духовную женщину, которой этой пациентке (она, в довершении ко всему, была протестанткой) предстояло стать внутри и принять как свою судьбу. Черные бусины были теневыми частями, которые бы потеряли свою темноту, если бы она их добавила на свою маленькую цепь (ее сознание).

После столь ясного сна, кажется невероятным, что пациентке не удалось однозначно изменить свои установки. Она могла сделать это на какое-то время – она была под впечатлением, но долго оно не прожило. Излишне ясный язык, использованные аналитиком и Великой Матерью, спровоцировали Анимуса на то, чтобы добавить собственные резкие комментарии. Пациентка затем постоянно соглашалась с ним и верила каждому его слову.

На этот раз, чтобы разрушить влияние той монашки, что явилась в прошлой сцене, следующий трюк Анимуса был весьма тонким. Анимус зацепился за склонность пациентки к религиозности. Он сказал ей принять свою судьбу, свои страдания и невроз добровольно, даже получить сексуальное удовлетворение от ее религиозной готовности нести бремя того, что она может назвать «жестоким соитием Господа» с ней! Здесь вмешалась аналитик, объясняя ей разницу между повиновением Господу и повиновением Анимусу. Аналитик показала ей, до какой степени она склонна к мазохизму, который связан с предельной женственностью, также как садизм связан с предельной мужественностью. Пациентка сама замечала свою тенденцию к мазохизму, что привело к следующему диалогу с Великой Матерью.

Второй разговор с Великой Матерью

***Пациентка:** Моя Великая Мать, о, если бы только я могла достичь положительного принятия судьбы вместо того, чтобы лелеять эту глупую пассивную смелость, которая заставляет меня терпеть невроз и страдать от мазохистского удовлетворения.*

***Великая Мать:** Взгляни своему мазохизму в лицо и увидь моральное удовлетворение, которое он тебе приносит, укрепляющее убеждение, что ты героиня, доброжелательно испивающая из бесконечной чаши горечи. Ты извлекаешь из нее восхищение Эго и предполагаемую энергию. Если ты сможешь пожертвовать всеми этими владениями, которые тебе кажутся ценными, тогда положительные силы смогут начать действовать.*

***Пациентка:** Моя жизнь строится на героическом страдании. Это моя поддержка и оправдание. Оно поддерживает во мне жизнь. Если я его оставлю, я стану очень слаба.*

***Великая Мать:** Ты и так очень слаба, только ты сама этого не знаешь.*

Пациентка: Будет ли правильным заключить, что мое желание величия привело меня к тяжелому неврозу? Я имею в виду вот что: если я не могу быть великой в настоящей жизни, может, я хотя бы могу быть великой в невротических страданиях?

Великая Мать: Тебе так и не удалось пожертвовать своей манией величия и быть простой, обыкновенной женщиной. Поэтому ты выбрала невроз и возможность пассивного величия. Твои невротические страдания велики, но стерильны. Еще раз – мазохизм – опасная сила. В пылу страдания, мазохизм объединяется со своей противоположностью – садизмом. Ты пытаешь себя. Ты можешь распознать садиста в себе?

Пациентка: Я всегда называла его Анимусом.

Великая Мать: Взгляни на этот твой амбициозный невроз. Давай назовем его громким именем: садистски-мазохистский героизм. Мы также можем назвать его захватывающим душу страхом, ведь ты слишком незэнергична, чтобы осознать свою высокомерную Тень. Измени свой отрицательный героизм на положительную сдержанность. Первое доказательство истинного величия – овладеть темными силами в своей душе и скромно осознавать свою ответственность за них. Если тебе это удастся, ты будешь служить мне, а не мистеру Анимусу. Истинное величие состоит в пожертвовании Эго.

Теперь пациентке было о чем задуматься! Она так и делала какое-то время, а затем совсем позабыла об этом, ведь и Анимус также раздумывал кое о чем; а именно, о новом плане, чтобы вернуть потерянные территории. И, очевидно, он оказался хитрее своих противников, ведь произошло следующее: пациентка заболела. Как следствие, следующие несколько лет прошли в медицинских лечених от болезней, которые доктора не могли излечить. В глубине души пациентка очень стыдилась своего невроза и всегда пыталась скрыть свои симптомы. Поэтому физическая болезненность, принося обоснованный диагноз из медицинских отделений, не заставила себя ждать. Болезнь доказала ей, пациентка увидела своими собственными глазами, что она была не так невротична, как все думали. На самом деле, он освободил ее от большей части ее унижительной нервной слабости – или ей так казалось, по крайней мере. И Анимус старательно

содействовал этому. Из-за этого врачи не могли излечить ее. Время и деньги были потрачены напрасно. Ей пришлось вернуться к психологическим методам.

Ее болезнь вызвала задержку; несмотря на это, стало очевидно, что аналитический процесс не был затронут перерывом. Пациентка оказалась вполне готова к анализу после лет, потраченных на лечение, госпитали, медсестёр и так далее. В конце концов, она вызвала Анимуса на серьезный разговор, главные моменты которого найдут свое отражение в этом тексте. После этого разговора, она была несколько напугана, и нашла свой путь назад к Великой Матери.

Разговор с Анимусом (фрагмент)

Пациентка: *Если моя болезнь вызвана Анимусом, то ты должен быть в состоянии объяснить мне замысел, кроющийся за ней.*

Анимус: *Ты хочешь страдать потому, что тебе подходит роль героини-мазохистки, не так ли? Я лишь даю тебе возможность быть ею.*

Пациентка: *Возможно, раньше я и была такой, но я изменила свою позицию. Какова твоя позиция?*

Анимус: *Моя – играть твоего мужа. Ты распутничаешь со мной, когда болеешь.*

Пациентка: *Выбирай слова поаккуратнее, пожалуйста!*

Анимус: *Я избрал для тебя болезнь, чтобы ты могла быть пассивной, беспомощной, сломленной. В обличье болезни, я твой муж. Достаточно ли приятно это прозвучало для твоих привередливых ушей? Великое Видение твоей юности (как ты его называешь) приказало тебе соитие без сексуального удовольствия. По этой причине я облачился в форму болезни. В твоей болезненности, ты со мной как женщина в середине сношения, разве что лишь без похотливых ощущений. Видишь?*

Пациентка: Что я вижу – так это то, что ты дьявол! Стыд и позор!..

Но, мистер Дьявол, мне не нужно ни твое предложение болезни, ни предложение полового акта. Я лишь хочу принятия судьбы. Через это я почувствую себя женственной по отношению к Богу, и это моя цель. Ясно ли это тебе? Моя женственность сокрыта в Боге. И так я хочу изгнать тебя из моего тела, ты, злой дух!

Религиозная символика

После этой драматичной сцены с Анимусом, пациентка достигла изменений к лучшему, психологических изменений. Они состояли в растущем интересе к религиозной символике, что было более предпочтительно, ведь этот интерес вел ее прочь от проблем Эго и телесных сложностей. Она чувствовала себя менее несчастной. Более того, она ощущала себя гораздо более устойчиво благодаря явной симпатии аналитика.

Один из религиозных символов, сильно интересовавших ее, был символ четверичности и место Сатаны в ней. В ранние годы, она делала много зарисовок, представляющих четверичность, которые содержали Сатану. На тот момент эти рисунки были неясны для нее. Также и ее аналитик не смог объяснить их значения. Позднее все стало ясно: они были предвосхищениями. Такие предвосхищения, либо непонятные, либо даже понятые неверно, зачастую кажутся бессмысленными, но на самом деле они оказывают влияние на человека, которому являются. Они выступают в роли своеобразного мотора, который двигает их вперед. С этой точки зрения они важны.

Идея видеть четверичность Бога вместо триединства сама по себе для пациентки не была сложной. Она выросла на философии Спинозы, и Спиноза выражает мысль, что Бог был бы неполон, если каждая степень ценности – от самой нижней до самой высшей – не были бы представлены в Нем. Эта концепция Спинозы давным-давно убедила пациентку в существовании злой части Бога. Спиноза прибавляет, что люди называют «хорошим» то, что хорошо для *них* и «плохим» то, что плохо для *них*, и в этом

он с ними согласен. Но, заявляет он, нам нужно иметь в виду, что взгляды Бога на добро и зло могут не совпадать с нашими. Таким образом, Спиноза более-менее восстановил в глазах пациента концепцию безупречности Бога, потому что его великий план с точки зрения человека был недоступен к восприятию.

Возможно, в намерения Юнга не входило называть Бога безупречным, по крайней мере, не в смысле *идеальности*. Но идея восстановления *полноценности* Господа, возвращая Сатане его место в раю, объединила Юнга и Спинозу. Или так казалось пациентке, и сложностей в отношении этого у нее не было. Ее проблемой была невероятных размеров инфляция части Анимуса, и эту инфляцию она не осознавала. Она чувствовала замешательство, недоумение; поэтому, она спросила у Великой Матери о Сатане и четверичности. Великая Мать ответила объяснением только на субъективном уровне, сказав следующее.

Третий разговор с Великой Матерью

Великая Мать: *В твоём случае, Анимус переплетен с Сатаной. Для него это слишком высоко. Он твой Анимус; дьявол – это часть Бога. Твой Анимус не может расположиться в четверичности. Он подвержен ужасной инфляции, если он об этом задумывается.*

Фантазия

Пока пациентка слушала слова Великой Матери, к ней пришло видение, или пассивная фантазия:

Она увидела огромного крылатого дьявола, летевшего вверх, чтобы исполнить свою небесное предназначение в четверичности. Она слышала хор ангелов, воспевающих Сатану в гимне, ведь он вскоре займет свое пустовавшее со времен падения место. Ангелы приветствуют его в раю, их славное пение «Да здравствует!» поднимается волнами гармоничного звука.

Интерпретация

Интересно, что слияние, или же смешение Сатаны и Анимуса распутывается как раз в тот момент, когда Великая Мать говорит о нем. В этот момент, Сатана освобождает себя от заключения в душе человека и теперь может вознестись. А Анимус пациентки, избавившись от демонической инфляции, чувствует, что потерял свое лицо и опускается на колени. Все это – предвосхищение, происходящее в душе пациентки. Оно сможет быть принято лишь намного позже, по чуть-чуть, но в то же время, оно оказало влияние на Эго пациентки. Теперь ей стало ясно, что она не могла совладать с Анимусом, смотря высоко вверх на облака. Теперь, по крайней мере, она действительно стала осознавать, что есть только один способ избавиться от овладения Анимусом; а именно, осознать свою собственную Тень и принять этот темный образ в себя. Или, если цитировать метафору, которой воспользовалась монашка во сне пациентки, ей нужно было вплести черные бусины в свою маленькую цепь, добавив, таким образом, молитв в четках. Осознавая это теперь весьма ясно, она провела следующий разговор с Великой Матерью.

Четвертый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Я хочу рассмотреть свои «грехи». Конечно, я знаю, что ими являются не только плохие дела, но и отрицание обязанностей. Я чувствую свою вину и обременена своей неполноценностью в присутствии мужчин потому, что не давала им утешения или удовольствия, которое они могут получить от женщины. Но если моя судьба остаться незамужней, если я отношусь к таким, как монашка, духовная женщина, и мне предстоит развить эту духовную женщину в себе, как это возможно, что это и моя судьба, и моя вина?*

Великая Мать: *Если ты действительно приняла условие о безбрачии как свою судьбу, тебя бы не мучило чувство неполноценности столь ужасно. Желание жить определенной судьбой не ощущается как неполноценность; на самом деле, с точностью до наоборот. Есть большая разница между активным исполнением своего предназначения и пассивным согласием с судьбой. Ты еще не достигла этого активного*

исполнения. Но проблема невероятно сложна, так как даже когда ты достигнешь активного исполнения, есть вероятность, что вина и неполноценность не пропадут совсем. Это похоже на следующее: незамужняя и бездетная женщина грешит против природы. Если грешить таким образом против природы – ее судьба, то в ней есть конфликт между природой и судьбой. Судьба идет впереди. Следственно, часть конфликта неизбежна, так как неразрешима. Но ты еще не совсем достигла этой точки. Твое принятие судьбы не есть исполнение, и также все еще недостаточно активно.

Этот разговор она, разумеется, обсудила со своим аналитиком, которая прокомментировала: «Так как судьбе и природе ты нужна для разных целей, и так как этот конфликт неразрешим, тебе нужно постараться взглянуть на него с более высокой точки, так же, как мы можем посмотреть вниз с высоты и увидеть обе стороны горы».

Пациентка еще пока не забралась на самую вершину, и пока еще не могла посмотреть с более высокой точки. Она сказала об этом Великой Матери.

Пятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: *Сложно не позволять Анимусу подняться, так как он на стороне природы и против судьбы; такова же и Тень.*

Великая Мать: *Твоя проблема – женская, и Анимус в этих делах – плохой советчик. Не прислушивайся к его словам! Тень, разумеется, на стороне природы. Но, самое главное, ты сама на стороне природы. Именно ты не способна пожертвовать сексуальностью в качестве жизненной цели. В самом деле, сексуальность тебе нужна даже не ради самой сексуальности, а чтобы ты могла избавиться от этой раздражающей неполноценности и своей тоски по тому, чтобы быть как другие женщины.*

Пациентка: *Я хотела бы знать, что именно судьба хочет, чтобы я сделала. Судьба мне всегда казалась чем-то чужим и враждебным моей природе, чем-то, что Бог определил мне*

извне. Если бы мне удалось увидеть, что судьба, моя судьба, всегда была во мне, и что она принадлежит мне лично, тогда я бы смогла жить с ней сознательно, а не только пассивно принимать ее.

Великая Мать: Твоя судьба была рождена в тебе зародышем. Нужно было жить, чтобы этот зародыш развивался. Или, он развивается сам по себе, пока живет человек. Это развертывание судьбы – жизненная цель. Пока ты это не осознаешь, тебе кажется, что судьба возлагается на тебя извне. Постарайся осознать этот процесс развития в себе. Насколько ты сможешь это осознать, настолько ты сможешь стать единой с Богом. Бог – твоя судьба.

Пациентка: Есть ли разница между Судьбой с большой буквы «С» и просто моей судьбой?

Великая Мать: Насколько же мало, насколько мала разница между Богом и Богом в тебе. Можно сказать так: когда ты живешь бессознательно, ты просто достигаешь своей судьбы. Так живут животные. Но когда достижение твоей судьбы тобой осознается как твоя жизненная цель, тогда тебе открывается Судьба – с заглавной буквы «С». В идеале, ты получаешь судьбу – со строчной «с» - из рук Бога, чтобы развернуть ее, и вернуть Ему как Судьбу – с заглавной «С». Сделав так, ты создашь Бога настолько, насколько Бог создал тебя. Жизнь Христа – высший тому пример.

Пациентка: Христос создал Бога, когда он совершил осознанный выбор достичь Его Судьбы; а именно, погибнуть на кресте.

Дорогая Великая Мать, я понимаю, о чем ты говоришь, но не чувствую это изнутри меня, как что-то, что проистекает из моих собственных глубин. Я настолько ужасно боюсь подавить вещи или чувства, которые я действительно ощущаю спонтанно. Эти чувства, в конце концов, мои потребности как женщины, которые восклицают об удовлетворении.

Великая Мать: Ты думаешь, Христу было нечего подавлять в Себе, когда Он выбрал пойти по пути креста? Не подавляй

вещи в себе настолько, чтобы уже не осознавать их, но говори им «нет» тогда, когда ты должна сказать «нет».

Пациентка: *Это все еще сложнее.*

Великая Мать: *Конечно, сложнее. Из чистого фрейдизма, ты отринула в себе жизнь своего духа. Это тоже подавление, и в твоем случае оно еще более разрушительно, чем сексуальное подавление, так как духовная жизнь ценнее для тебя, и еще больше в твоей природе, чем так называемая естественная жизнь. Твое собственное естество ищет не только биологической реализации; «монашка» в тебе тоскует по Господу. Постарайся увидеть ее и дай ей шанс.*

Пациентка: *Странно, что я никогда не чувствовала вины в том, что мне не хватает духовной жизни.*

Великая Мать: *Так почувствуй же ее теперь. Почувствуй вину перед «монашкой» в себе, передо мной, если хочешь, или перед Господом. Но не чувствуй вины ни перед мужчинами, ни неполноценности относительно замужних женщин.*

Пациентка: *А если я не смогу избавиться от этих чувств?*

Великая Мать: *Страдай от них, если придется, но говори себе, что они – порождения Анимуса!*

Так как Анимус продолжал молчать даже после последних важнейших открытий, у пациентки впервые появилась возможность их обдумать, чтобы никто не нарушал ее покой. Она заметила, что эти откровения, касающиеся исполнения судьбы были посланы ей, когда она захотела «рассмотреть свои грехи» (как она выразила себе свое желание принять теньевые части). И она держала это в уме на будущее.

За этим следует ее ответ Великой Матери после обдумывания над сделанными открытиями.

Шестой разговор с Великой Матерью

Пациентка: Так как я хочу развить в себе духовную женщину и так как ты мы сказала, что из души ничего не может пропасть бесследно, я пыталась найти духовный эквивалент тем частям души, которые предположительно были утеряны. Стоит ли мне понимать чувствительную женскую установку по отношению к Господу, или судьбе, как духовный эквивалент тому, что выражается в любовном акте? И может ли духовное материнство найти отражение в моей надежде исполнить свое предназначение, чтобы вернуть его в руки Господа как что-то, рожденное мной, выношенное ранее моей душой? У меня появилось вдохновение касательно того, как я могу понимать духовную жизнь в общем. Я видела, что именно в настоящей жизни мы называем символом Настоящей Жизни – с заглавных букв «Н» и «Ж» - а именно жизнь Бога в нас, или часть Бога, которая проживает нашу жизнь в нас. Если смотреть на все под этим углом, кажется маловажным, наслаждаюсь ли я своей так называемой земной жизнью или страдаю от нее, находясь в высшей реальности, которая является Жизнью Господа.

На этот раз Великая Мать не ответила, но через несколько месяцев пациентка и она вернулись к этому вопросу. У них произошел следующий разговор.

Седьмой разговор с Великой Матерью

Пациентка: Как противоположности могут быть объединены в душе?

Великая Мать: Бог может объединить противоположности; ты – нет. В твоём случае, монашка и мать (судьба и природа) не могут быть объединены. Судьба торжествует, а мать в тебе была пожертвована. Когда ты пожертвовала ею, ты согрешила против своего личного естества, но при этом исполнила то, что называется человеческим естеством. Оно уникально, оно является существенной задачей человеческого существа, которая заключается в страдании от внутреннего конфликта противоположностей, которые нельзя объединить. Твоя ошибка была в том, что ты не чувствовала ответственность, вину и раскаяние о твоём личном естестве. Вместо этого ты была неврастеником. Давай исследуем этот

парадокс. Ты не можешь ничего сделать с приказом судьбы пожертвовать своим естеством. Тем не менее, ты должна чувствовать ответственность и вину, страдать от угрызений совести по отношению к своему личному естеству – или быть неврастеником. Тут мы приходим к причине того, почему говорят, что человек грешен по природе. Понимаешь? Человек принужден грешить потому, что он не способен объединить противоположности. Он грешит по отношению к одной стороне, или по отношению к другой. И в этом исполнение его человеческого предназначения.

Эти последние беседы, скорее всего, были превыше прерываний Анимуса. Стоит заметить, что он хранил молчание.

Встреча лицом к лицу с проблемами такого рода, конечно, подействовало обучающе не только на Анимуса, но и сознательное Эго пациентки. Прежде всего, ей стало легче избавиться от переоцененной важности, которую сексуальность (и ее отсутствие) заполучили во время анализа по Фрейду. Пока она видела исполнение своей сексуальности как единственную возможную цель своей земной жизни, она не могла развиваться духовно. Теперь все несколько переменялось, и постепенно она смогла найти новое значение в своей прошлой и будущей жизни. Ей также помогло то, что она заглянула в возможное символическое значение жизни. И наоборот, это заглядывание помогло ей интерпретировать символическое содержимое снов и видений, и таким образом улучшить свое понимание своей внутренней жизни. Дорога к дальнейшему развитию открылась ей, и прогресс в осознанности также означал прогресс в излечении.

III. Интерпретации Великого Видения на различных уровнях души

В анализе по Юнгу, мы часто оказываемся в тех же местах, но каждый раз на более высоком уровне, как выражается Юнг – путь к индивидуации – спираль, по которой мы восходим.

Несомненно, пациентка одолела новый виток спирали, и ее более высокая точка зрения позволила ей обрести более широкий кругозор. Поэтому она смогла найти символическое значение

любопытного феномена Великого Видения. Вместе с ее аналитиком (в это время Анна работала со мной – Б.Х.) она составила интерпретацию, которая теперь стала действительно приемлема для всего ее существа.

Буквальное или символическое осознание?

Можно разделить Великое Видение пациентки на две части: первая часть касается изучения ее страха сцены, а вторая объявляет ей ее истинную цель в жизни. Первая часть всегда была ясна; с ней можно было иметь дело буквально, и во время ее экзамена она вызвала спокойное и пассивное желание принять вещи, как бы они не развивались. На этот момент, она поняла свое Видение чудесным путем. Но вторая часть, которую мы также можем назвать Возвещением, была гораздо более сложной. Здесь, очевидно, подразумевалось символическое толкование.

В те ранние дни, когда к ней пришло Видение, пациентка ничего не слышала о психологических символах и, несомненно, чувствовала, что эти слова стоит понимать буквально. Она все еще была психически нормальной, чтобы увидеть в любой попытке буквального толкования опасность, которая может отправить ее по ту сторону черты безумия. К сожалению, она не могла от него избавиться из-за мистической природы, которая захлестнула ее. Так как она относилась к интровертированному чувствительному типу с сильной интуицией, ее разделенные функции могли более-менее безопасно вести по ее пути. Но девушка не видела обрывов, устроенных ее бессознательной Тенью, и, к сожалению, в качестве своего шофера она избрала Анимуса.

Взаимодействие Тени и Анимуса

Положительные части Тени пациентки, которые мы называем женскими инстинктами, были ранены в ее ранней юности и в начале ее девичества (к этому мы вернемся позже). Когда инстинкты покалечены или поранены, они не могут функционировать должным образом; а главное, они вызывают боль. Поэтому пациентка подавляла их. Когда инстинкты

подавляются, блокируется их рост. Как следствие, пациентка потеряла опору, которую нормально развитые инстинкты могли бы ей предоставить. Чтобы понять послание таинственного Голоса, ей пришлось с ним разбираться без помощи нормально функционирующей Тени, помощи, которая бы позволила ей твердо стоять обеими ногами на земле. Вместо этого, Анимус сделал себя хозяином содержания Возвещения. Анимусу хватило на это сил благодаря тому, что он играл против пациентки вместе с Тенью. Ее раненные инстинкты вызвали чувство неполноценности, которое требовало какой-либо компенсации. Этот механизм одарил девушку невероятными амбициями. Только во время экзаменационного напряжения она начала сомневаться, действительно ли она достаточно талантлива, чтобы удовлетворить потребности своих амбиций. Именно этого момента так долго ждали Тень и Анимус, чтобы атаковать ее тем, что они назвали отличным решением. В самом деле, что могло быть проще, чем перенести весь вес конфликта на весьма одаренного сына и таким образом освободить ей дорогу к выходу на пенсию, безболезненно и с честью, на которой ее ждала заслуженная материнская гордость? Действительно, вот прекрасное доказательство находчивости этой парочки!

Как упоминалось ранее, на вторую часть Видения можно взглянуть как на приказ к буквальному осознанию (и это был бы низший уровень) или к символическому осознанию (высший уровень). Анимус украл низший уровень в свою пользу, ведь устранение любви и сексуального возбуждения в любых будущих отношениях с партнером-мужчиной – это нонсенс, и такая идея могла происходить только лишь из уст Анимуса. Возможно даже, что он несколько изменил слова голоса – о, не так сильно – лишь чуть-чуть (чтобы дать себе возможность получить то, что ему нужно!). Это точно не известно. Это лишь предположение, но это вполне соответствует его природе, и факт остается фактом, что Видение не было записано еще на протяжении многих лет спустя. На более высоком уровне души, Возвещение имело совершенно другое значение, что мы и увидим. Но пока мы не оставили примитивные идеи Анимуса, нужно прояснить, что Анимус обладает двумя разными уровнями, или ипостасями природы внутри него.

Две ипостаси Анимуса

В своей изначальной ипостаси, он просто личный Анимус, что означает небольшую часть недоразвитой мужественности, содержащейся в женской душе. В этой ипостаси, он может меняться от проказливого и дразнящего поведения до подъявольски разрушительного, но все это внутри личного царства. Он может быть положительным образом даже в этой личной сфере, и часто он таким и кажется, особенно в наши дни, когда женщины выполняют мужскую работу, с которой они бы с одной женственностью не справились. На высшем уровне, мы рассматриваем его как Великого Духа. Каждое важное женское вдохновение должно быть приписано этому образу. Большую часть времени он весьма положителен. Если он отрицателен в своей верхней сфере, тогда он отрицателен и на внеличностном уровне. В этом случае, он – злой великий дух, как ни посмотри, вплоть до самого Сатаны!

В жизни этой девушки, мы видим его работу почти в каждой ипостаси. Мы уже слышали его хитроумную, поддразнивающую болтовню в беседах, и на высшем уровне мы должны отдать ему должное как тому, кто вдохновил пациентку в плане музыки. Во второй части Видения, он уничтожает одним ударом ее будущую карьеру (говоря, что это не ее призвание) и ее потенциал как женщины (исключая нормальные ощущения от сексуальных отношений). Но на высшем уровне он является посредником, который, в конце концов, позволяет ей понять символическое значение того, что Голос возвестил ей.

Видение Марии

Юнг однажды сказал пациентке, что ее Великое Видение – это «Видение Марии», и указал на три параллели между ситуацией Марии и видением пациентки: во-первых, Мария зачала своего ребенка от Святого Духа, вероятно, без сексуального удовольствия; во-вторых, Мария родила божественного ребенка, «сына гения»; и в-третьих, ребенок был внебрачный.

Можно ли из этого заключить, что Голос из Видения выбрал эти три параллельных момента, чтобы предложить видение Марии;

таким образом, Голос пытался сказать девушке, что ей следует быть как Мария, скромной и послушной, исполняя судьбу, которую ей выбрал Бог, и что она не должна стремиться к славе и почестям, если *они* были ее жизненной целью? Ведь если мы несколько изменим начальную точку зрения и взглянем на жизнь Марии как на миф, можно интерпретировать этот миф (или эту жизнь) как символ, означающий крайнюю женственность души, разворачивающуюся, чтобы посвятить жизнь Воле Господней.

В «*Часослове*» поэт Рильке выражает передачу женщиной души Господу. Рильке говорит об этом так: «Моя душа теперь - Твоя жена». И снова: «Покрой крылом свою служанку». Именно эту установку к скромности и посвящению девушке предстояло принять. Также в одном из разговоров Великая Мать сказала: «Если мы сознательно исполняем свое предназначение в установке духовной приверженности, мы создаем Бога настолько же, насколько Бог создал нас». Более феминными словами, создать Бога подобно тому, что породить Бога. И то, что Великая Мать называла судьбу «божественным зародышем», может означать следующее: если мы сознательно живем, развивая судьбу в направлении духовной приверженности, мы порождаем *символического* божественного ребенка.

Из того, что Юнг однажды сказал пациентке, она составила впечатление, что Бог есть жизнь в нас, что мы – Его глаза и уши, и что мы должны подарить осознанность Богу. Эта последняя идея, возможно, выражает то, что Юнг считает целью каждой индивидуальной жизни: мы должны подарить осознанность Богу!

Если нам это удастся, тогда наше человеческое сознание станет божественным сознанием. И благодаря этому это божественное сознание рождается в нашей душе с помощью земного опыта или с помощью нашей принятой и активно прожитой судьбы. Может ли это не быть целью, на которую указывал Голос в Видении? Бог, как создатель зародыша судьбы в нашей душе, был таинственным «отцом ребенка», которого пациентке было приказано искать, и все это значит то, что она должна была *осознать* Бога как отца ребенка. И затем ее призвание было дать зародышу прорасти, чтобы он мог родиться от нее как божественная сознательность. Символически, не только отец ребенка, но и сам ребенок должен быть Бог. Это видение и вправду видение Марии.

Конечно, Библия говорит нам то же самое гораздо короче и прямолинейнее словами Христа: «не Моя воля, но Твоя да будет» (Лука, 22:42). Но Юнг объясняет, что каждый символ, даже самый удачно адаптированный и подходящий, может потерять свою силу со временем. Иногда символ становится изношенным, исчерпанным, истощенным. Когда это происходит, должен родиться новый символ в человеке, который потерял контакт со старым. Индивидуальное рождение нового символа, который способен содержать в себе силу старого, было сложным процессом роста внутренней жизни пациентки. Когда он был достигнут и мог появиться в сознании, она смогла вернуть контакт с упомянутыми библейскими словами, которым она могла теперь отдаться всеми силами, которыми располагала ее душа. Позднее ее измененный взгляд на жизнь и судьбу оказался источником лечения ее невроза. Но он сработал не так быстро. Одной догадки не хватило. Этой догадке предстояло стать живущей силой, выраженной в ее повседневной жизни.

Экзамен девушки

Давайте вернемся к девушке, которая только что пережила Великое Видение, и которой на следующий день предстоял экзамен за роялем на концерте. Возможно, в первой части Видения властный Голос подразумевал практическую помощь для девушки, чтобы та не испортила свое выступление боязнью сцены. Мы уже видели, как оно сработало в плане помощи в этом направлении. Возможно, что только первой части Видения хватило на то, чтобы позволить ей достичь этой цели, но это кажется сомнительным. Ведь первая часть не была так тяжело нагружена нуминозной силой, как вторая. Пациентка не могла почувствовать в первой части религиозное переживание, которого бы в любом случае не хватило, как только страх сцены начал бы захватывать ее. Гораздо важнее была вторая часть, которая касалась не только ее музыкальной карьеры, но и всей будущей жизни, и, на самом деле, со всей будущей жизнью ее души. Здесь имеет место быть религиозное переживание. В эту полную событий ночь, она на секунду видела Бога, и ей уже никогда не предстояло быть прежней. На следующее утро, когда она села за рояль, чтобы играть свои экзаменационные пьесы, она все еще

полновластно находилась под чарами того, что случилось прошлой ночью. Именно поэтому она так хорошо играла. Даже экзаменующая комиссия почувствовала близость Господа. Когда она закончила играть, все они инстинктивно поднялись со своих мест, давая ей дорогу. Они потеряли дар речи.

Архетипические битвы в душе

Даже если в планы бессознательного входило лишь подарить девушке удовлетворение от сданного экзамена, вторая часть в любом случае была для этого необходима. Однако, бессознательное под этим подразумевало гораздо больше; по всей видимости, в его намерения входило достать таких душевных глубин девушки, чтобы привести ее к осознанию ее угрожающе амбициозной Тени и мощного, дьявольского Анимуса. Она не собиралась получить позволение продать свою душу за всемирно известное имя, которого она так желала в мире музыки. У дьявола не было планов на эту душу, по крайней мере, пока ее Великая Мать сохраняла с ней контакт. Все выглядит так, как будто девушке достался личный ангел-хранитель в лице Великой Матери. Вышло ли так из-за того, насколько негативным было влияние на нее ее могущественного Анимуса? Кто знает. Что нам действительно известно об архетипических силах света и тьмы, сражающихся в наших душах? Пока они остаются полностью бессознательными для нас, мы можем быть лишь полем боя для них. Наша собственная маленькая роль, скорее всего, начинается после того, как мы постепенно начинаем осознавать, что мы есть не только сознательное Эго, но еще и частица громадных, коллективных происшествий в бессознательном.

Обратное действие: Разочарование и возвращение к Великой Матери

Теперь нам следует оставить юную девушку и ее экзамен и вернуться к старой женщине, которая в своем анализе пережила прошедшие дни, чтобы сформировать достойное объяснение ее Великому Видению, и которая теперь переживает проблему того, как ей приспособиться ко вновь обретенным знаниям.

Как мы все знаем, весьма сложно обойти стороной инфляцию, когда мы касаемся, или касались, архетипических образов. Ведь если мы совершим ошибку отождествления себя с ними, почти неизбежно последует сначала инфляция, а затем дефляция. Именно это произошло с пациенткой после последней интерпретации Великого Видения. Вместо того, чтобы использовать обретенный ей взгляд на вещи для лучшей адаптации к потребностям жизни, она почувствовала – после всего, через что она прошла во время анализа – что у нее теперь есть *право* на обладание здоровьем, которое было сброшено ей в руки в готовом виде, чтобы им наслаждались и пользовались исключительно в собственных целях. Действительно, она могла осознать ранее упомянутую интерпретацию Великого Видения как верную, но с этим объяснением она не оказалась у райских ворот, как надеялась. Вместо этого, ей пришлось пройти через разочарование, горькую фрустрацию. Как мы знаем, она всю свою жизнь стремилась к верному истолкованию. И теперь, когда она получила его, она поняла, что оно одно не в состоянии излечить ее невроз. (Конечно, она совершила ужасную ошибку, настаивая на моментальном излечении как раз в тот момент, когда она должна была скромно принять перемены ее установки в сторону преданного служения бессознательным силам, которые открыли ей столь важные истины).

В таком состоянии депрессии и отчаяния, хорошо знакомый старый друг снова оказался тут как тут и вернулся на сцену. Ее старый Анимус, которого она потеряла из виду на долгое время, особо по нему не скучая, теперь вернулся, чтобы успокоить ее, «помочь ей увидеть», как он сам назвал свою функцию, и через это (он, однако, из осторожности этого не упомянул) вернуть свою потерянную власть над ней. Он лишь ждал подходящего момента, и вот он тут как тут, собственной персоной, постоянно уверяя ее, что она делает два шага назад с каждым шагом вперед по спирали, по которой она идет, которую они называют путем к индивидуации. Конечно, говорил он, этот подъем был много превыше ее сил; она сама должна была осознать это к тому моменту, что старания могли лишь навредить ее здоровью. Самое время прекратить движение. Этими и многими другими подобными изречениями он бомбардировал ее вновь и вновь.

Пациентка слушала его одним ухом, это так, но другим ухом она слышала слабое эхо нескольких слов, что изрекла Великая Мать, слова, которые, к ее счастью, не пропали в ней бесследно. В диалогах об исполнении своего предназначения Великая Мать действительно затронула душевные струны души пациентки, ее установка к прошлой и будущей жизни действительно изменилась. Например, теперь она заметила истинную причину задержки своего выздоровления, а именно, свой своевольный характер, который оказывал серьезное сопротивление к успешному анализу, ведь у нее была фатальная склонность все время быть правой! Пока высокомерная установка ее Тени (существующая в качестве компенсации ее комплекса неполноценности) не была достаточно распознана, она время от времени доходила до того, что использовала регрессии в невроз, только чтобы доказать аналитикам, насколько те неправы, и насколько она сама (или же ее Анимус?) всегда была права! Нужно признать, не самый подходящий метод излечения. С такой установкой она оказалась превосходным убежищем для бессознательных теневых частей и собственничества Анимуса. Пока ее великое Возвещение не было в сущности разъяснено анализом, Тень и Анимус были довольны, а сама девушка больна и несчастлива, но спокойна благодаря мысли, что она всегда была сильнее, если не сказать недостижимой! Теперь ей приходилось отказываться от таких взглядов Анимуса. Во время вышеупомянутой инфляции у него была возможность накачать ее своими мыслями так, пока она не стала напоминать надутый воздушный шар. А когда началась дефляция, неприятное разочарование, она обратилась к Анимусу как к своей единственной поддержке. Вся эта стадия одержимости Анимусом служила ему вуалью, которой он так любил покрывать своих жертв; пока она оставалась ослеплена вуалью, она не могла увидеть ясно, что она уже забралась на свою вершину, откуда она могла бы разрушить убежище, которое и скрывало Тень и Анимуса и их совместный заговор против нее.

Пациентке пришлось оставить своего любимого соблазнителя и вернуться к своей Великой Матери, что она и сделала, хоть и не без колебаний и сомнений. Она уже знала, что у нее был только один путь обрести власть над Анимусом; а именно, погрузиться глубже во тьму Тени, чтобы разделить эти два образа; она знала, что это было также единственным для нее способом жить в гармонии со своей несчастливой прошлой жизнью и

болезненными ранами, полученными в молодости. У Великой Матери, конечно, были свои планы насчет того, как расправиться с вуалью Анимуса. Она начала обучать пациентку скромности и самопожертвованию, таким образом, вероятно, готовя ее к глубокому погружению в бессознательное, во время которого его пациентка была обязана выловить то, что было необходимо для дальнейшей индивидуации. На самом деле, речь идет о жизни под гнетом невроза, с которым она еще не справилась, жизнь, которую Великая Мать прожила за нее и пообещала вернуть ей прямо в руки в тот момент, когда пациентка будет достаточно зрелой для того, чтобы проживать ее самой. Что касается скромности и смерти Эго, Великая Мать сказала следующее:

Восьмой разговор с Великой Матерью

Великая Мать: Тень, даже будучи высокомерной, все равно полезна и необходима тебе, так как в ней появляется зародыш, который может и должен развиваться в скромность. Не думай слишком много о себе из-за того, сколько ран ты перенесла в своей жизни. Будь достаточно скромной, чтобы чувствовать свою ответственность за них.

Пациентка: Откуда мне заполучить скромность, скромность Марии, благодаря которой она была выбрана в качестве Матери Господней?

Великая Мать: Тебе ее не заполучить. Мария божественна; ты – нет. Ты можешь лишь пытаться осознать, насколько тебе не хватает скромности. Это – твоя форма скромности. Всегда опасайся своей высокомерной Тени. Не пытайся встать выше нее; ты не сможешь. Постарайся принять свою Тень, и живи, страдая от нее, но сознательно!

Девятый разговор с Великой Матерью

Пациентка: Я серьезно больна. Я чувствую приближение смерти. Я чувствую страх и ужас, как будто меня ведут на казнь.

Великая Мать: В случае, если это действительно смертный приговор, ты бы чувствовала вину или же свободу от вины за грехи, за которые ты была приговорена?

Пациентка: Ты сказала мне чувствовать себя виноватой за мой основной грех, а именно мое упущение женской природы. Это ее месть, от которой я приговорена страдать?

Великая Мать: Месть природы в твоих страданиях от невроза.

Пациентка: И я приговорена к смерти Самостью?

Великая Мать: Да, если «смерть» означает пожертвование Эго!

Пациентка: А что же с моим страхом телесной смерти?

Великая Мать: Я не собираюсь объявлять тебе час твоей телесной смерти. Человеку по природе не подобает знать его. Но я объявлю тебе, что от тебя требуется пожертвование Эго, полное пожертвование. И ты можешь спасти свою жизнь, телесную жизнь, лишь совершив это пожертвование.

Пациентка: Если я правильно поняла тебя, ты говоришь, что я страдаю от телесной боли вместо человеческих страданий взрослого человека, и если мне не удастся достигнуть смерти Эго, телесная смерть придет вместо нее, являя, таким образом, своеобразный символ.

Великая Мать: Да, но телесная смерть – не всегда символ смерти Эго. Если теперь ты хочешь достичь смерти Эго только для того, чтобы спасти свою жизнь, это совсем не есть смерть Эго. Ты должна принять смерть и боль и все, что может сопровождать их. Это будет ближе к смерти Эго. Подавляющее большинство людей способны достичь смерти Эго только через телесную смерть. Ты можешь быть одной из них. Отставь в сторону амбиции достичь смерти Эго. Будь благодарна, что смиренная телесная смерть сможет компенсировать множество недостигнутых смертей Эго. Ты так боишься смерти потому, что можешь рассчитывать только на себя и даже только на свой интеллект. Но ты не

сможешь направить жизнь или смерть своим мозгом. Постарайся положиться на меня, например. Отдай свой страх в мои руки. Это будет пожертвованием Эго на твоем уровне на сегодня. Возможно, природа, оскорбленная твоей сексуальной недоразвитостью, будет удовлетворена этим наказанием. И не только природа, но и твоя Тень. Она так никогда и не получила то, что принадлежит ей по праву. Соверши жертву Эго, чтобы удовлетворить Тень. И переживи пожертвование по своему опыту; я имею в виду божественный опыт, который может содержаться в смерти Эго.

Глава 8. Вечный Поиск Внутреннего Великого Духа

Хотя примеры активного воображения можно увеличивать и делать разнообразными до бесконечности, я надеюсь, их хватило, чтобы показать читателю уникальную индивидуальность каждого из них. Юнг всегда побуждал меня читать курс по активному воображению; я хочу подчеркнуть, однако, что нет общего рецепта или четко сформулированного метода практиковать его. Цель всегда одна и та же: наладить контакт с бессознательным и научиться узнавать великую мудрость, которая существует в каждом из нас, но которую так мало действительно реализуют.

В разговоре со студентами Института имени К.Г. Юнга в Цюрихе в мае 1958 года (за три года до его смерти) Юнг хорошо объяснил этот момент, назвав его «двух миллионно-летним человеком» в каждом из нас. Он говорил о нем в рамках этого обсуждения как о «Великом Человеке» в нас. Этот Великий человек появляется в бесчисленных образах и символах, которые каждый раз разные.

В главе «Человек и его символы» Мария-Луиза Фон Франц так живо рисует своего Великого Человека за работой в неиспорченных людях, что я бы хотела процитировать ее целиком:

Необычайно чистое, ничем не замутненное восприятие этого центра присуще индейцам племени наскапи, все еще обитающим в лесах Лабрадорского полуострова.

*Эти простые люди промышляют охотой и живут изолированными семейными группами на таком большом расстоянии друг от друга, что не смогли создать систему племенных обычаев или коллективные религиозные верования и церемонии. В своем пожизненном одиночестве наскапийский охотник вынужден полагаться на свой собственный внутренний голос или на откровения подсознания. У него нет религиозных наставников, которые разъясняли бы ему, во что он должен верить, нет и ритуалов, празднеств или обычаев, которые могли бы ему помочь. В его миропонимании душа человека предстает просто внутренним «спутником», которого он зовет «мой друг» или *mista-peo*, что означает «Великий человек». *Mista-peo* обитает в душе и является бессмертным;*

в момент смерти или незадолго до нее он покидает человека, а позднее перевоплощается в другие существа.

Те индейцы племени наскапи, которые уделяют внимание своим снам, стараясь выяснить их значение и испытать их достоверность, могут обрести более глубокую взаимосвязь с Великим человеком.

Он благоволит к таким людям и чаще посылает им хорошие сны. Таким образом, главная обязанность каждого наскапи заключается в том, чтобы следовать наставлениям, которые даются ему во сне, и затем запечатлеть их содержимое в искусстве. Ложь и бесчестие прогоняют Великого человека из внутреннего царства личности, тогда как великодушие и любовь к соседям и животным притягивают его, придавая ему сил. Сновидения дают наскапи полную возможность определить свой путь в жизни, причем не только во внутреннем мире, но и в окружающем их мире природы. Они помогают им предсказывать погоду, оказывают бесценную помощь в охоте, от которой зависит их жизнь. Мы упомянули этих совсем диких людей, потому что они не загрязнены идеями нашей цивилизации и все еще обладают естественным пониманием сущности, которую Юнг называет Самостью.

Юнг сказал своим ученикам, что перемещение произошло целиком и полностью по причине существования Великого Человека, и посоветовал им работать со своими пациентами в анализе до тех пор, пока они не осознают и не смогут установить связь с Великим Человеком в себе.

Мне кажется, хотя Юнг ничего и не сказал об этом в разговоре со студентами о своем опыте встречи в раннем детстве с Великим Человеком в себе, как личности Номер Два. Или, возможно, ему встретился относительно небольшая его ипостась, так как сначала ему казалось, что Великий Человек из восемнадцатого Века. Я думаю, что со временем он осознал его великий, архаический возраст – два миллиона лет, когда ему самому уже было за восемьдесят.

Из раннего примера, который мы привели, четырехтысячелетний текст об «Уставшем от Мира Человеке и его Ба», нам ясно, что о

самом Ба можно говорить как о персонификации этого двух миллионно-летнего человека в бессознательном Уставшего от Мира Человека. Египетская религия осознавала факт существования Великого Человека, но переносила его на Загробный Мир, они видели в нем только коллективный образ. Только потому, что Уставший от Мира Человек был гением, одаренным самой необычной смелостью, ему удалось пережить на своем опыте *личный* аспект Ба, что привело его к тому, что совершенно шло в разрез со всем, чему его когда-либо учили и во что он верил в рамках религиозной догмы до этого. Мне не известен ни один средневековый или современный пример, который можно было бы сравнить с этим Египетским текстом; на самом деле, Юнг посоветовал мне прекратить поиски, потому что второго такого же попросту не существовало.

Юнг однажды сказал мне, что прошло очень много времени, пока архетипическая Анима (которая, конечно, противопоставляется двух миллионно-летнему человеку) заговорила с ним напрямую. В течение многих лет до этого, она лишь посылала к нему своих посланников. Эти посланники – то, что чаще всего появляются в наших примерах.

Давайте рассмотрим случай Эдварда (глава вторая). Мы видим явный след двух миллионно-летнего человека в Духе Огня, Воды, Ветра и Льда, который напугал Эдварда во время шторма. Мы также видим след его супруги в архетипической ведьме, которая вызывала все несчастья. Но по большей части, Эдвард постоянно находится в контакте с его посланниками, в особенности с двумя аспектами Анимы: Проводник и Четырехглазая. Невероятно искренний характер активного воображения Эдварда таков потому, что каждая деталь фантазии воистину символична. «Дефект» фантазии происходит от того, что Эдвард отправился в это путешествие до того, как он разобрался со своей личной Тенью. Поэтому ему не удалось выдержать разрушительную сторону Духа Огня, Воды, Ветра и Льда. Только после того, как мы видим, что мы сами обладаем весьма разрушительной стороной, мы можем выдержать эту сторону в архетипах, которых встречаем. Поэтому, самый искренний пример активного воображения, произведенный благодаря нетипично долгому, упорному труду Эдварда, является лишь прелюдией к долгой и

мучительной работой с Тенью, которая появляется на пиршестве в образе лодочника.

Если говорить о Сильвии из третьей главы, мы имеем дело не с настоящим примером активного воображения, а только с прелюдией. Она открывает много начальных точек для истинного активного воображения и дает нам знать, что в случае Сильвии не было такого *прямого* действия, которого можно было бы предпринять на ее стадии развития. Сильвия гораздо больше, чем Эдвард, постеснялась бы увидеть свою личную Тень. Только то, что она писала историю про воображаемых людей, позволило ей понять, что при достаточной провокации она даже была способна на убийство. Ей было дано множество намеков в форме аллюзий к греческим богам о существовании двух миллионно-летнего человека в ней.

В случае Беатрис, глава четыре, у нас в руках оказывается еще более уникальный документ, потому что он был создан в последние моменты ее жизни. То есть мы изучали только самый конец долгих попыток активного воображения, гораздо дольше, чем в случае Эдварда. Это на самом деле *активное* воображение, ведь она целиком вовлечена в него от начала и до конца, и Духовный Наставник, иначе известный как Человек-Медведь, стал результатом долгих и болезненных стараний, пока она не смогла наладить с ним контакт. К моменту, когда мы входим в ее фантазию, в нем можно распознать близко доверенного посланника, или почти даже персонификацию двух миллионно-летнего человека таким, как он предстал Беатрис и подготовил ее к великой перемене, к которой она приближалась. Как я уже упоминала в то время, хотя смерть Беатрис была внезапной и совершенно неожиданной с одной стороны, она уже необычно хорошо смирилась и ценила Загробный Мир. На самом деле, во время двух последних дней ее жизни, когда она вошла в цветок, когда ее неоднократно предупреждали, что пути назад может и не быть, чувствуется, что она уже осознавала великую перемену, которая ей предстоит.

Двух миллионно-летний человек в Беатрис необычно явен; сравнить его можно только с «Уставшим от Мира Человеком и Его Ба». Главный символ Духовного наставника – цветок, который соединяет все противоположности в себе. Но Духовный наставник

или Человек-Медведь, тот, кто ведет Беатрис к цветку и кто, видимо, сам в нем живет, был совершенно точно его доверенным эмиссаром, или персонификацией самого Великого Человека.

Нужно подчеркнуть, что этот образ начинался с Анимуса, который устраивает каждой женщине тонну неприятностей и, с которым в особенности тяжело было Беатрис. Но путем очень тяжелой и долгой работы в активном воображении, она успешно открыла для себя, что образ за Анимусом каждой женщины всегда сам Великий Человек. Не то, чтобы его мучающая сторона исчезла: это заметно в твердости, с которой он заставляет Беатрис принять и встать лицом к лицу со своим ненавистным контрпереносом. Более того, у нее все еще были проблемы с его отрицательной стороной, когда она была вдали от чудесного цветка. Это в особенности ясно видно в ее приступах зависти выдуманного влечения ее мужа к девушке, которая ему даже не нравилась! И мы видели берсеркера, яростного воина, которым появился Человек-Медведь, чуть не убив Беатрис, когда она продемонстрировала «скромную» установку, таким образом, пытаясь подавить свои собственные негативные эмоции. Ей пришлось пообещать, никогда больше не подавлять эмоции «ради того, чтобы быть рассудительной», и лишь после этого он возобновил с ней контакт.

Это показывает нашу христианскую установку касательно морали в очень интересном свете. Видимо, мы теперь должны быть *целыми*, какими мы на самом деле являемся перед лицом Страшного Суда. Нам не избежать зла, но мы должны страдать от напряжения между ним и добром, не говоря о других противоположностях, до самого конца.

Эта концепция восстает против всего, чему нас когда-либо учили. Мы верим до мозга костей, что Бог желает, чтобы мы были добрыми и подавляли зло. Поэтому, самая сложная на свете вещь для нас, которую нам предстоит осознать, это то, что Бог хочет, чтобы мы выдерживали *напряжение* между добром и злом. Хотя Исайя и видел эту истину столько веков назад, когда он был вдохновлен написать: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». (Исаия 45:7) Господь, по большей части, позволил нам забыть слова Исаии и наслаждаться лучами праведности почти две тысячи лет.

Изначально, действительно было необходимо делать все, что было в наших силах, чтобы увидеть светлую сторону, чтобы достичь гораздо более сложной праведной стороны. Но из-за ужасной вспышки зла в мире, которая угрожала всему нашему существованию на земле, стало ясно, что Бог намерен напомнить нам, что Он Сам создал зло; поэтому мы должны каким-то образом наладить контакт с ним. Как писал Юнг: «Зло стало определяющим в этом мире, от него уже невозможно отделаться иносказаниями. Наша задача - научиться избегать его, поскольку оно уже здесь, рядом с нами; а возможно ли это, удастся ли нам избежать еще большего зла, сказать пока трудно».

Первая скромная попытка, которую мы можем избежать «большого зла» - это пересмотреть наше врожденное понимание Самого Бога в свете малоизвестного описания Исайи. За последние две тысячи лет нас учили думать о нем как об исключительно доброжелательном, всемогущем Боге и приписывать все разрушения и зло дьяволу. Мы даже уже забыли о хорошо известном факте, что дьявол – Сатана, старший сын Бога. Почти две тысячи лет было еще более-менее возможно поверить, что из них двоих доброжелательный Бог был сильнее, и поэтому не задаваться вопросами о его всемогущести.

Но возможно ли поддерживать эту установку в лице сегодняшней вспышки зла в мире? Нужно выбрать между дуалистической концепцией Бога (Бог и его враг, дьявол), или признать, что Сам Бог содержит обе части и только поэтому он един и всемогущ. Если человек переживает на своем опыте, какими относительными и совершенно иными противоположности становятся, если их целиком и полностью принять, несложно представить Бога, который содержит обе противоположности. «*Ответ Иову*» Юнга нам в этом помогает.

Лично для меня гораздо проще перенести мысль о том, что Бог содержит все противоположности, и, подобно природе, создает и разрушает, чем видеть во всемирной вспышке зла работу врага Бога, дьявола, или собственную вину человека, тогда как единственный добрый и всемогущий Господь бездействует, позволяя злу проникнуть в нас. В самом деле, мы можем лишь принять отрицательную сторону Бога, или любого архетипа после того, как мы встретились лицом к лицу с собственной Тенью,

нашей собственной разрушительной отрицательной стороной. Мы видели, например, в последней сцене пиршества, как он столкнулся лицом к лицу с Духом Огня, Воды, Ветра и Льда и какую слабость чувствовал Эдвард от понимания, что ему только предстоит огромный труд над Тенью. И как близка была смерть Беатрис от рук Медведя-Человека, до предназначенного ей времени смерти, за то, что она думала, что может подавить свои негативные эмоции всего лишь за несколько дней до смерти. Мне кажется, что все свидетельства указывают человечеству, *наконец*, принять слова Исаяи серьезно и сделать из них соответствующие выводы.

Я уверена, что Беатрис знала, что ей предстоит великая перемена, но никогда неизвестно точно, когда на самом деле сны или активное воображение подготавливают нас к великой перемене, к перерождению ли в этом мире или в следующем, перемене, которая требует полной смены точки зрения и, конечно, личности. Мы знаем, что Беатрис ожидала этой перемены, ведь, в последней записи, написанной ею перед смертью, она сама об этом говорит. Она пишет:

*Я задумываюсь о цветке. Пока я задумываюсь о нем, я становлюсь, как и вчера, самим цветком, с корнями, растущим, сияющим, безвременным. Таким образом, я принимаю бессмертную форму. Тогда я чувствую себя вполне хорошо и защищенно от всех атак извне. Он также защищает и мои собственные эмоции. Когда я в центре, никто и ничто не способно меня атаковать. Они все еще могут атаковать и нанести мне вред в мире людей, и я знаю, что я все еще **должна провести большую часть времени здесь**. Но у меня всегда будет возможность время от времени возвращаться к цветку.*

Таким образом, Беатрис пережила бессмертие еще во время своей жизни, и смерть для нее означала переходом к своему любимому цветку без необходимости покидать его большую часть времени. Двух миллионно-летний человек в Беатрис совершенно точно подготовил ее к смерти чудесным образом.

Следующий пример активного воображения, который мы рассматривали (пятая глава), был лучшим, хоть ему уже и четыре

тысячи лет. Но я уже рассуждала об «Уставшем от Мира Человеке и Его Ба» в этой заключительной главе. Затем мы приходим к диалогу между Гуго Сен-Викторским и его душой (шестая глава), который является полной противоположностью пережитому опыту Уставшего от Мира Человека. В мир Уставшего от Мира Человека совершенно неожиданно вторгся образ из бессознательного – Великий Человек – тогда как средневековый диалог был начат Гуго самостоятельно. Первый текст, который показывает нам, как адаптировать сознание к такому неожиданному вторжению, на самом деле – хороший пример того, как можно наладить контакт и согласовать сознание и бессознательное. Вмешательство из бессознательного было гораздо менее драматичным в случае Гуго, мы можем лишь предположить, что его сознательная концепция не подходила его Аниме по тому, как душа отвечает на его полностью сознательные и намеренные возражения. Как представительница бессознательного, она явно видела будущее дальше, чем Гуго и пыталась расширить его взгляд на вещи, включив часть темной стороны. Но тогда это было слишком рано; ей удалось лишь чуть-чуть, даже в двадцатом веке человек, в особенности монах, как Гуго, все еще изо всех сил старался развить светлую сторону и убедить свое безвременное бессознательное оставаться в этих рамках, что и удалось Гуго вполне успешно. Но Анима подготовила основу для дальнейшего принятия обеих сторон, когда она заставляет Гуго понять, что ее стремление к темной стороне скорее усилилось, нежели ослабло от любви жениха. Именно такими маленькими, едва заметными шажками бессознательное медленно готовит путь для совершенно новых обстоятельств, не только личных, но и для человечества.

В Лекциях Юнга в Швейцарской высшей технической школе Цюриха шла речь об активном воображении, таком, каким оно появляется в двух великих религиях – буддизме и христианстве – обе, из которых пытаются решить проблему в рамках своих догм. Юнг указывал на то, что эти догмы ни в коем случае не являются изобретением сознания. Они были построены в бессознательном; на самом деле, во времена своего пика, они являлись почти идеальным выражением бессознательного. Какое-то время они работают как, скажем так, идеальные каналы бессознательного в личное. Пока бессознательное продолжает течь по этим каналам, религия будет поставлять людям все необходимое, и это самые счастливые времена человеческой расы. Сегодня все еще есть

люди, чье бессознательное целиком помещается в рамки догмы церкви или религии, в рамках которой они были возвращены, и таких людей надо поддерживать в том, чтобы они и оставались в этих рамках. Но сегодняшнее состояние мира ежедневно учит нас тому, что это больше не так для подавляющего большинства. Бессмысленно отрицать, что нас заливают потоки бессознательного, так как он находит каналы в сознании слишком малого количества людей. Эти немногие осознали, что бессознательному теперь нужны гораздо более широкие каналы, которые будут вмещать обе противоположности, не исключая тьму, обычно выраженную в виде зла, сторону, которую прошлые догмы подавляют и сегодня.

Обучившись всему, что она узнала от Юнга, к чему она была в особенности открыта после ранних изучения Спинозы, Анна Марджула действительно попыталась через свое активное воображение включить обе противоположности. Первая часть, в которой я оставила ее записи без изменений, на самом деле подготовка к гораздо более очевидному представлению обеих сторон, и что она должна включить их обе и в свое активное воображение до того, как она начала говорить с Великим Духом. До их окончания, она провела их до необычной, но наиболее желанной кульминации в *Иерогамии*. Она была награждена тем, что противоположности перестали ее беспокоить, так как они стали относительно друг к другу; поэтому, она пережила необыкновенно безоблачную старость.

Анна сначала выдержала напряжение сторон, а затем получила право принять участие в их союзе в ней. Я должна упомянуть, что в ее собственном анализе своих ранних картин, которым она занялась между разговором с Великой Матерью и Великим Духом, она узнала, насколько далеки эти стороны в ней, и что именно почти невыносимое напряжение между ними подрывало мир, который она установила после разговоров с Великой Матерью. Это позволило ей говорить о них более открыто в разговорах с Великим Духом. А это, в свою очередь, привело к чудесной кульминации, о которой Великая Мать говорит:

Сегодня в тебе и за пределами тебя Мужской Дух и Женская любовь сочтутся браком. Твоя роль – личное отречение. Ты можешь удовлетворительно принять участие в их союзе, но

это возможно, только если ты согласна просто быть частью этого переживания. Подготовься к их свадьбе.

Анна Марджула исполнила условие, которое, как говорил Юнг, было, возможно, единственным способом остановить атомную войну. Когда я сказала ему о том, что она делает, и до того, как он увидел ее рукопись, он ответил: «Это говорит нам о том, что ни в коем случае нельзя отчаиваться». Ведь, как я говорила раньше, в течение долгого времени Юнг и я боялись, что ей никогда не станет лучше из-за ее отрицательного Анимуса. Я считаю, что поэтому пример активного воображения Анны Марджулы в особенности служит поддержкой женщинам, переживающим серьезные трудности, когда те встречаются со своим Анимусом.

В каком-то смысле, нельзя сравнивать такие маленькие, личные старания с догмами, превращенными поколениями в великие религии. Однако только такими личными стараниями люди, которые все еще поддерживают религии, могут начать понимать, что их догмы должны *развиваться*, если они хотят остаться в живых, а не стать реликвиями прошлого. Юнг часто говорил, какой огромный шаг совершил Папа Пий XII в этом направлении, когда он возвел Деву в рай и таким образом превратил триединство в четверичность, старый символ целостности.

Мы можем видеть, какую значительную важность Юнг приписывал единству противоположностей в том, что он целиком и полностью посвятил этому свою последнюю книгу, *Mysterium Coniunctionis*. Написание этой книги у него ушло много лет; это был его главный труд всей его жизни, как Гете называл своего «Фауста». В самом начале он посвятил примечание цитате хорошо известного алхимика начала семнадцатого века Михаэля Майера, который лучше многих описывал то, как противоположности могут объединиться. Майер пишет:

Я говорю, природа, когда она прошла по золотому кругу, этим движением сделала четыре качества равными, то есть, она возвела в квадрат эту однородную простоту, повернувшись против себя, или сделала из него равносторонний прямоугольник, таким образом, что противоположности связаны друг с другом противоположностями, и враги связаны с

врагами; таким образом, как будто вечными связями они держат взаимные объятия.

Мы ясно видим, насколько невозможно для сознания объединить противоположности; только природе это под силу, если человек примет в этом участие. Мы видели, как Великая Мать описывает это, что Эго должно оставить свои эгоистичные потребности и дать природе свободу. Или, если посмотреть на это верное принятие участия с другой стороны – Эго должно достичь той же установки, которая была у китайского заклинателя дождя Киан Чу. Он сказал Вильхельму, что дождь бы не пошел, пока он не вернулся бы в Дао; тогда, разумеется, пошел бы дождь. Как я это вижу, природа может только соединить «противоположности друг с другом противоположностями, и враги связаны с врагами, как будто вечными связями» и держать их во «взаимных объятиях», только если нам удастся достичь верного подхода к нему или участия в них.